

Тысячи Осеней

Мэн Сиши

18+

Мэн Сиши

Тысячи Осеней. Том 2

Серия «Тысячи осеней», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74346431

Мэн Сиши. Тысячи осеней. Том 2: ЭксЭлЭм; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-6054651-0-2

Аннотация

В Поднебесной неспокойно: Северная Чжоу, Северная Ци и Южная Чэнь спорят за право объединить страну, которая уже почти двести лет пребывает в раздробленности. Тюрки осаждают Центральную равнину, последователи буддизма, конфуцианства и даосизма спорят меж собой, не находя согласия, а прославленные мастера боевых искусств охотятся за сочинением великого алхимика Тао Хунцзина, которое позволит достичь прежде невиданных высот.

После разгромного поражения Янь Уши остается тяжело ранен, личность его расколота, и Шэнь Цяо по доброте душевной берет несчастного под опеку. Пока некогда прославленный глава Чистой Луны теряет все, чего достиг, преданный всеми даос делает невероятные успехи в постижении «Сочинения о Киноварном Ян». Волею случая старый знакомец вовлекает Шэнь Цяо в опасное путешествие по забытому городу Жоцян, где они находят еще одну часть «Сочинения о Киноварном Ян». Теперь

Шэнь Цяо обязан сопровождать Янь Уши в государство Северная Чжоу, где их ждут новые опасности и старые враги. Удастся ли Демоническому Владыке вернуть себе прежнее величие? Или все его чаяния заведомо обречены?

Содержание

Глава 28	7
Глава 29	77
Глава 30	114
Глава 31	172
Глава 32	194
Глава 33	215
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Тысячи
Осеней

Мэн Сиши
Тысячи осеней
Том 2

Published originally under the title of «##»

Copyright © Meng Xishi

Russian edition rights under license granted by #####

#####

(Beijing Jinjiang Original Network Technology Co.,
Ltd)

Russian edition copyright © 2026 Xlm Ltd

All rights reserved

© Издание на русском языке. ООО «ЭксЭлЭм»,
2026

Глава 28

Усадьба Се

Провинция Вэйчжоу¹, основанная в эпоху Северной Вэй, получила имя в честь протекавшей через ее земли реки Вэйшуй, и столицу провинции, Сяну, все испокон веку называли по имени реки – то есть попросту городом Вэйчжоу.

До крепостей Чанъяня укреплениям Вэйчжоу было далеко, и все же в западных землях город играл важную роль: если между Северной Чжоу и Тогоном вспыхнет война, Вэйчжоу окажется прямо на передовой. Сейчас, впрочем, городу не грозила никакая напасть. Весна еще не вступила в свои права, тепла все не было, и странствующие торговцы не торопились стекаться в город. В Вэйчжоу, как и прежде, царили мир и покой.

Рано утром А-Цин с метлой в руках подошел к воротам. Ночью прошел сильный снегопад: у ворот лежал глубокий снег, а с кровли то и дело падали снежные комья. Двор нужно было начисто вымести, и поскорее – а не то дядюшка У наверняка поскользнется, когда отправится за покупками. Нескладно напевая одному ему известную песенку, мальчик

¹ *Вэйчжоу* – провинция действительно была выделена в 530 г. при династии Северная Вэй (386–535 гг.), органы власти располагались в уезде Сяну (юго-восток совр. уезда Лунси, провинция Ганьсу).

думал о том, чтобы быстрее закончить с уборкой снега и проведать рыжую кошку, забежавшую на задний двор несколько дней назад и укрывшуюся от стужи в дровянике. Если она все еще там, надо бы принести ей поесть.

А-Цин не замечал холода – от работы он вспотел и слегка запыхался. Он успел подмести весь двор, когда, наконец остановившись передохнуть, поднял голову и увидел, что кто-то направляется в его сторону с дальнего конца улицы.

Это был мужчина в сине-зеленом одеянии. Издалека А-Цин не мог различить черт его лица, однако весь облик незнакомца производил необыкновенное впечатление. А-Цин чувствовал, что едва ли сумел бы найти подходящие слова, чтобы его описать. На ум пришло лишь холодное рисовое кушанье², которое он часто ел летом, – белоснежное, полупрозрачное и освежающее, оно радовало уже одним своим видом.

Когда А-Цин наконец разглядел лицо незнакомца, то решил, что сравнение с рисовым кушаньем было вполне подходящим. Он никогда не встречал столь красивого человека и на мгновение застыл в изумлении. Лишь увидев, что пришлый идет прямо к нему, он наконец опомнился.

«Рисовое кушанье»... то есть мужчина с длинным свертком на спине подошел к нему и, сложив руки перед собой,

² ...холодное рисовое кушанье – кит. *лянгао*, «холодное печенье». Традиционная летняя сладость в виде лепешки из измельченного клейкого риса, уваренного в воде с коричневым сахаром и затем охлажденного.

поприветствовал А-Цина.

– Позвольте узнать, это усадьба Се?

Прежде А-Цин сказал бы что-то в духе: «Ты слепой или неграмотный?! Не видишь, что ли, надпись огромными иероглифами – „Усадьба Се“? Прямо над головой у тебя висит!». Но на сей раз у него язык не повернулся ответить грубостью – он зарделся, а присущие ему находчивость и остроумие вмиг улетучились. Мальчик ни с того ни с сего начал запинаться:

– Н-но ведь мы с вами н-не... не знакомы?

– Вы служите в этой усадьбе, верно? – с любезной улыбкой продолжал собеседник.

А-Цину казалось, что еще немного, – и у него ноги подкосятся.

Но тут позади незнакомца раздался чей-то тихий смешок:

– А-Цяо, если ты и дальше так неторопливо будешь вести расспросы, мы тут до вечера простоим. Просто вели позвать старика У, скажи, что прибыл господин.

Только теперь А-Цин заметил, что вместе с мужчиной в сине-зеленом одеянии к нему подошла и женщина в желтом платье, высокая даже по меркам приграничных земель, где женщины, хоть и отличаются немалым ростом, все же ниже мужчин. Лицо ее скрывала вуаль, не позволявшая различить черты. Что до голоса, неприятным его назвать было нельзя, но в нем не звучало и тени нежности, свойственной женскому голосу.

А-Цин на миг смешался.

– Вы, верно, ошиблись, нашего господина тут нет. Хозяин усадьбы Се отправился странствовать несколько лет назад и до сих пор еще не возвратился!

Шэнь Цяо хотел еще о чем-то спросить парнишку, но Янь Уши кинул тому какой-то предмет. А-Цин непроизвольно поймал его и опустил взгляд: в руке у него оказался топаз примерно с половину ладони, покрытый чрезвычайно изящной резьбой, изображавшей коричное дерево на луне и окутанные дымкой горы Куньлунь.

– Отдай это У Ми, пусть выйдет встретить меня, – велела «женщина», все менее казавшаяся таковой.

А-Цин вздрогнул: ему вдруг вспомнились наставления дядюшки У. Осознав наконец, с кем разговаривает, он круто развернулся и побежал внутрь, заперев за собой ворота. Парнишка проявил должную осмотрительность, жаль только, что он не прошел через закаливание и усердные упражнения, а потому в его поступках еще сквозило ребячество.

Шэнь Цяо и Янь Уши пришлось долго простоять на улице, но вот ворота снова открылись: из дома вышел старик лет шестидесяти, а за ним маячил прежний парнишка.

Взгляд старика скользнул по Шэнь Цяо и остановился на скрытом под вуалью Янь Уши.

– Хозяин? – неуверенно проговорил старик.

Янь Уши хмыкнул в знак согласия.

Один лишь этот звук развеял все сомнения старика – он

узнал господина. Вне себя от радости он было подался вперед, желая поприветствовать того по всем правилам, но, сделав пару шагов, как будто спохватился и, сдержав свой порыв, поспешно пригласил путников внутрь.

– Проходите, проходите, прошу! Пожалуйста в дом, разговоры потом!

А-Цин держался позади дядюшки У, с любопытством разглядывая двух пришлых.

Он не принадлежал к школе Чистой Луны – дядюшка У приютил его в детстве, после того как А-Цин остался сиротой. С тех пор мальчик жил вместе с ним в этой небольшой усадьбе, помогая старику с уборкой. Дядюшка У мало что рассказывал ему – только то, что служит хозяину усадьбы, но где он – неизвестно, когда вернется – неизвестно, быть может, через несколько лет, а быть может, и никогда. А-Цин думал, что «отправившийся странствовать», по словам дядюшки У, господин, должно быть, погиб где-то в чужих краях. Он никак не ожидал, что в один прекрасный день тот вдруг появится прямо перед ним, да еще и в женском платье!

– А-Цин, – подозвал его дядюшка У, – ступай на кухню, свари каши и приготовь немного закусок. Господину нужно поесть и согреться – дорога наверняка выдалась долгая и трудная.

– Ага, уже иду! – откликнулся А-Цин и торопливо ушел. Янь Уши посмотрел ему вслед и снял вуаль.

– Врожденные задатки у него неплохие, – заметил он, – но

парень глуповат. Ум и сообразительность обязательны для адептов Чистой Луны, для школы он бесполезен.

– Сей недостойный приютил ребенка лишь ради того, чтобы развеять скуку, – поспешил оправдаться дядюшка У, – у него и в мыслях не было предложить мальчишку господину в ученики!

Усадьба эта служила школе Чистой Луны одним из основных убежищ и куплена была на имя Бянь Яньмэя. А поскольку в миру все адепты Чистой Луны представлялись фамилией Се, то и все убежища школы назывались усадьбами Се. Дядюшка У, присматривавший за усадьбой в Вэйчжоу, прожил с А-Цином несколько лет и привязался к подопечному, на самом деле лелея надежду помочь парнишке стать адептом Чистой Луны. Однако он ни за что бы не посмел подступиться с такой просьбой к Янь Уши и изначально собирался просить Бянь Яньмэя или Юй Шэньяня, случись им проезжать через те края. Но неожиданно-негаданно вышло так, что никто из старших учеников так и не объявился, зато вернулся собственноручно глава Чистой Луны. Само собой, ему дядюшка У и не заикнулся бы о своих чаяниях.

Но тут вдруг заговорил Шэнь Цяо:

– Глупости нередко сопутствует стойкость перед мирскими соблазнами, недостаток ума едва ли помешает всем сердцем отдаться боевым искусствам. А-Цин – славный парнишка, пусть и простодушный. Если он желает учиться, но дорога в Чистую Луну для него закрыта, я могу поручиться за

него перед другой школой.

Он думал о школе Лазоревых Облаков: недавние потрясения обескровили ее, лишив почти всех учеников, а найти новые дарования не так-то просто. Горделивые и заносчивые наставники вроде Янь Уши, пожалуй, отвергли бы такого ученика, но школа Лазоревых Облаков с радостью приняла бы под свое крыло.

Янь Уши фыркнул со смеху.

– А-Цяо, мы с тобой давно странствуем вместе, но я ни разу не видел, чтобы ты был к кому-то столь благосклонен. У того малыша, что встретился нам когда-то в начале пути, природные задатки много лучше – но, может статься, и не в них дело? Ты ведь не мог не заметить, что парнишка разглядывает тебя как замороженный – прямо-таки глаз не может отвести, уж не льстит ли тебе его восторженность?

– Глава Янь сам внимателен к чужой красе, – отвечивал Шэнь Цяо, – но не все в Поднебесной такие, как он.

Обычно он старался не обращать внимания на шуточки Янь Уши. Вступив с ним в спор, Шэнь Цяо чаще проигрывал, чем побеждал, а потому, с тех пор как к Янь Уши вернулся его изначальный нрав, Шэнь Цяо старался как можно меньше с ним разговаривать. Всю дорогу он сдерживался, но кто бы мог подумать, что в конце концов все его старания пойдут прахом.

Как и следовало ожидать, Янь Уши, смеясь, ответил:

– Любование красотой естественно для людей. Мне и

вправду приятен твой облик, но еще больше мне нравится твоя равнодушная холодность ко мне. Не отпирайся: мне ты и пары словечек не скажешь – зато как любезничал с Се Лином и А-Янем! А ведь если обратиться к сути, и тот, и другой – лишь отдельные грани меня, Янь Уши. А если Се Лин и А-Янь укроются под лицом старика У Ми, взглянешь ты на них по-другому, станешь относиться иначе?

Янь Уши даже дядюшку У приплел! Ни в чем не повинный старик как ни старался, все не мог уразуметь, что связывает Шэнь Цяо и Янь Уши. Не посмеяв ничего сказать, он лишь натянуто рассмеялся.

– Меня раздражает само ваше присутствие, – проворчал Шэнь Цяо. – Чем препираться с вами, я бы и правда лучше побеседовал с Се Лином.

Янь Уши продолжал улыбаться, но улыбка его сделалась угрожающей.

Дядюшка У давно служил Янь Уши и знал, что такая улыбка не предвещает ничего хорошего. Бедному старику и уйти было нельзя, и господский разговор слушать было неловко. Вот бы стать невидимкой!

Но, к удивлению дядюшки У, вслед за тем Янь Уши ласково произнес:

– Ладно-ладно, я позволил себе неподобающие речи. Чжанцзяо Шэнь, вы столь великодушны, неужели рассердитесь на меня за неудавшуюся шутку? Всю дорогу я повиновался вам, притворяясь женщиной и не говоря ни слова. Раз-

ве я не заслужил вашей приветливости?

Где это было видано, чтобы высокомерный глава школы Чистой Луны умерил гордыню и принес кому-то извинения? Не только дядюшка У перепугался, но и Шэнь Цяо удивился до глубины души.

Слова Янь Уши он оставил без ответа, однако тон его смягчился:

– Вам с дядюшкой У наверняка многое нужно обсудить, потому я не стану вам докучать. Ежели в усадьбе имеется комната для гостей, я хотел бы передохнуть.

Видя, что господин не возражает, дядюшка У поспешил ответить:

– Не только имеется, но и готова принять посетителей во всякое время. Я тотчас же вас устрою.

Он проводил Шэнь Цяо, помог тому расположиться и поспешил обратно к Янь Уши.

– Хозяин жив и здоров, о счастье! До вашего слуги доходили слухи, будто бы... будто бы вы... Но как можно в такое поверить! И вот, в самом деле, оказалось, что то были лживые рассказы!

– Вовсе нет, – усмехнулся Янь Уши. – Я действительно был ранен и до сих пор еще не оправился полностью.

– А-а-а... – протянул дядюшка У. – А тот господин...

– Господин Шэнь, – уточнил Янь Уши. – Пока он здесь, оказывайте ему то же почтение, что и мне.

Дядюшка У тут же заверил, что все понял, и больше не

осмелился задавать никаких вопросов.

– Что произошло в недавнее время? – поинтересовался Янь Уши.

– Весть о вашей смерти разошлась по всей вольнице-цзянху, – принялся рассказывать дядюшка У. – Ваш слуга не хотел верить этому и отправил письмо в Чанъань, однако ответ от старшего молодого господина до сих пор не пришел. Поговаривают, будто люди Обоюдной Радости воспользовались сумятицей и доставили школе Чистой Луны немало хлопот. Но ваш слуга ни на миг не забывал ваших указаний и вел себя скрытно и осторожно, так что эта усадьба по-прежнему неизвестна недругам.

– Где сейчас Юйвэнь Юн? – спросил Янь Уши.

– Государь Чжоу лично возглавил военный поход, – ответил дядюшка У. – Империя Ци пала, и теперь он сиян славой, точно полуденное солнце. Ни тюрки, ни Южная Чэнь не смеют посягнуть на его владения. Получив известия о случившемся с вами, чжоуский государь отправил своих людей, дабы найти и покарать негодяев, посмевших устроить на вас покушение. Однако лишь глава Союза Вездесущих открыто похвастается своей силой, где скрываются остальные заговорщики, никому не известно. Школы, к которым они принадлежат, находятся за пределами империи Чжоу, а сам чжоуский государь все-таки не из цзянху. Императорский двор не настолько могущественен, и в конце концов он лишь закрыл все ячейки Союза Вездесущих на чжоуских землях.

– Как давно ты написал в Чанъань? – осведомился Янь Уши.

– Накануне празднования Нового года, – сообщил дядюшка У, – двадцать пятого числа первого месяца.

На дорогу до Чанъаня и обратно нужно немало времени, ответа едва ли стоило ждать так скоро, но могло стать и так, что с Бянь Яньмэем случилась какая-то беда.

– Я останусь здесь на несколько дней, – сказал Янь Уши. – Заодно подожду ответ из Чанъаня. Ступай подготовь все и проследи, чтобы посторонние не болтали лишнего.

– Слушаюсь, господин! – с готовностью отвечал дядюшка У. – Не тревожьтесь! Хоть А-Цин и не ведает, кто мы, но умеет держать язык за зубами. Я его с малолетства знаю, он ни за что не доставит нам неприятностей.

Лично проводив Янь Уши в комнаты, дабы тот отдохнул, дядюшка У вышел со внутреннего двора и увидел идущего навстречу А-Цина: мальчик нес в руках только что приготовленные кушанья.

– Дядюшка, еда готова. Отнести ее господам?

Дядюшка У кивнул.

– И не задавай хозяину лишних вопросов! Со мной ты обычно тараторишь без умолку, но при нем так себя вести нельзя. Господин не любит болтунов и пустословов.

Пообещав, что не забудет наставлений, А-Цин не удержался от любопытства и спросил:

– Дядюшка, а хозяин все-таки мужчина или женщина?

Дядюшка У рассердился.

– Разумеется, мужчина. Ты что, даже мужчину от женщины отличить не можешь?!

– Кто его знает, – пробормотал А-Цин себе под нос, – больно странно он одевается. По мне, так господин, который пришел с ним, куда лучше.

Он говорил очень тихо, но дядюшка У все-таки расслышал его слова и тут же отвесил подзатыльник.

– Что ты там бубнишь? Лучше еду отнеси поскорее! Не забывай – держи рот на замке, длинный язык до добра не доведет! Молчание – золото, пора бы уже знать!

– Ой-ой!

А-Цин был еще совсем юн. Он все детство провел в Вэй-чжоу, ни о чем не мечтал и был вполне доволен своей нынешней жизнью. Мальчик знать не знал ни про большой мир, ни про вольницу-цзянху, и, когда в усадьбе вдруг появились двое чужаков, стоило ли удивляться, что он втайне начал сгорать от любопытства.

Хоть дядюшка У неустанно твердил ему, что нельзя тревожить господ без веской причины, парнишка каждый день, когда относил им еду, пользовался случаем, чтобы обменяться с Шэнь Цяо хотя бы парой слов.

Разумеется, с Янь Уши А-Цин ни за что бы не посмел завести разговор – будь он даже и в десять раз храбрее. Внутреннее чутье у него было как у дикого зверька: он прекрасно понимал, с кем можно заговорить, а от кого лучше держать-

ся подальше.

В тот день он как обычно принес кушанья и постучал в дверь комнаты Шэнь Цяо.

Никто не ответил, но А-Цин к такому привык: Шэнь Цяо просыпался рано, с самого утра выходил во двор упражняться с мечом, и днем его зачастую было не застать. Потому А-Цин, не мешкая, толкнул дверь, вошел, поставил корзину на стол и принялся выставлять принесенные закуски и рисовую кашу.

Вдруг позади парнишки послышались шаги. А-Цин заулыбался и обернулся.

– Господин Шэнь, вы вернулись как раз...

Он осекся на полуслове, чуть не поперхнулся слюной и аж подскочил от страха. Улыбка в мгновение ока превратилась из радостной в сдержанную и натянутую.

– Здравствуйте, хозяин.

– Ты как будто не рад меня видеть, – приподнял брови Янь Уши, невозмутимо входя в комнату. Губы его кривились в улыбке.

На нем уже не было женского платья, в котором он предстал перед А-Цином, появившись у ворот усадьбы. Темная краска смылась с волос, и виски вновь побелели. Теперь Янь Уши облачался в темное одеяние и держался в высшей степени изящно.

А-Цина охватил неопикуемый ужас – он не смел даже взглянуть на хозяина усадьбы. Непринужденности как не бы-

вало, он застыл как вкопанный и беспомощно опустил руки.

– А-Цин бы не посмел, – покорно пробормотал он. – Дядюшка У велел А-Цину глубоко почитать господина и ничем не вызывать неудовольствия.

Тонкие губы Янь Уши еще больше изогнулись. Он, ничуть не церемонясь, вольготно расположился за столом и заметил:

– При мне ты так напряжен, а с Шэнь Цяо держишься раскованно. Видно, он тебе очень нравится?

– Господин Шэнь... Он очень хороший! – запинаясь, выговорил А-Цин.

В глазах А-Цина Шэнь Цяо воплощал в себе лучшие качества, к которым следовало стремиться. Он отличался мягким нравом и красивой наружностью, в общении с другими был неизменно учтив и доброжелателен, к тому же превосходно владел боевыми искусствами. Такой человек, пожалуй, вызвал бы обожание у любого из ровесников А-Цина, не говоря уж о нем самом. У мальчика не было товарищей его возраста, за все годы жизни в усадьбе А-Цин ежедневно общался лишь с дядюшкой У, и вдруг в доме появился Шэнь Цяо. Неудивительно, что у А-Цина сама собой зародилась привязанность к гостю и он всегда радовался, когда удавалось перемолвиться с Шэнь Цяо словечком-другим.

Янь Уши хмыкнул.

– Он действительно ко всем хорошо относится. И виду не покажет, если чужое внимание помешает ему или доставит

хлопот.

В словах Янь Уши прозвучал недвусмысленный намек, и, услышав их, А-Цин оторопел и огорчился. Неужели когда он каждый день прибегал к Шэнь Цяо поболтать, то лишь мешал и надоедал ему?

Парнишка понурил голову, как побитый щенок.

Но в сердце Янь Уши не было ни капли жалости – он лишь подлил масла в огонь, заключив:

– Ты должен знать свое место.

– Слушаюсь, хозяин, – выговорил А-Цин тихим голосом, столь грустным, что казалось, парнишка вот-вот расплачется.

Именно в этот миг в комнату вошел Шэнь Цяо с мечом в руке. Лоб его покрывала легкая испарина, но от этого лицо казалось еще блее, словно излучало тусклое сияние.

– Что здесь произошло? – удивился он, глядя на взрослого и ребенка, оказавшихся в комнате: первый сидел за столом, второй стоял напротив. – Что вы здесь делаете?

Второй вопрос предназначался Янь Уши.

– Я учуял аромат риса, вот и пришел угоститься, – со смехом отвечал Янь Уши.

Шэнь Цяо недоуменно нахмурился.

– Разве А-Цин не принес еду и вам?

– Чужой обед куда вкуснее собственного, – беззаботно объяснил Янь Уши. – Когда видишь, с каким наслаждением ест гость, то и у самого просыпается охота к пище.

Шэнь Цяо не поверил ни единому его слову, он чувствовал – что-то не так. Похоже, какая-то неприятность случилась перед тем, как ему вернуться.

– А-Цин? – Шэнь Цяо заметил низко опущенную голову парнишки и ласково спросил: – Что с тобой?

– Н-ничего! Хозяин, господин Шэнь, соблаговолите насладиться едой! Потом, когда закончите, я вернусь за посудой! – С этими словами А-Цин круто развернулся и поспешно выбежал из комнаты.

Боковым зрением Шэнь Цяо заметил, что глаза у парнишки как будто покраснели, и лишь утвердился в своем подозрении. Проводив взглядом А-Цина, он обернулся к Янь Уши.

– Что вы только что сказали ему?

– Эх, А-Цяо, ты точь-в-точь курица-наседка, оберегающая своих птенчиков! – посмеиваясь, заметил Янь Уши. – Не забывай, А-Цин – мой слуга, и для меня естественно относиться к нему как душе угодно. Но если ты так внимателен к чужакам, стоит им хоть немного сблизиться с тобой, почему же не переменялся ко мне после столь долгого пути?

Лицо Шэнь Цяо, на котором только что было вполне обычное выражение, вдруг застыло, не выражая ни тени какого-либо чувства.

– Будьте честны, глава Янь: вас ни капли не заботит мое отношение к вам.

Когда изъян в Демоническом сердце проявился, Янь Уши

чувствовал все происходящее с его душой и телом, как если бы у него появилась еще одна пара глаз, которыми он смотрел на себя со стороны, но ему оставалось лишь наблюдать – тело отказывалось ему подчиняться. Он «видел», как Шэнь Цяо обходился с другими его «личностями». Каким бы ласковым ни был А-Янь, Шэнь Цяо все равно держался с ним настороже. Но с Се Лином, пробудившимся в Жоцяне «вне очереди» и приложившим все силы, дабы подчинить себе тело и вернуться за Шэнь Цяо, все было иначе. Пребывавший словно в глубоком сне Янь Уши отстраненно наблюдал, как Шэнь Цяо улыбается «Се Лину», и почувствовал, что его поступок не оставил Шэнь Цяо равнодушным.

Даос от природы был добросердечен, за любую, самую незначительную милость он платил сторицей. Встреть кто другой на своем жизненном пути Чэнь Гуна или Юй Ая, вся душа этого несчастного преисполнилась бы злобой, а сердце ожесточилось и похолодело, как зола в давно погасшем очаге. Но с Шэнь Цяо все оказывалось наоборот: тем ценнее был для него любой добрый жест, пусть даже в чужих глазах он ничего не стоил. Поэтому Се Лина он привечал особо: отделял его от Янь Уши и относился как к другому человеку. Насколько холоден он был с Янь Уши, настолько же приветлив с Се Лином. И чем дальше, тем любопытнее становилось главе Яню.

Прежде, насмехаясь над Шэнь Цяо, он преследовал две цели. Самого даоса он считал жалким, а его поступки – сме-

хотворными: раз за разом его предавали, а он так ничему и не научился. Янь Уши придерживался убеждения, что у всех людей сердца тронуты злом, разве что у одних оно глубоко сокрыто, у других же лежит на поверхности, и считал, что Шэнь Цяо ничем от них не отличается. Поэтому-то он всеми правдами и неправдами стремился пробудить дурные намерения, дремлющие, как он верил, на дне души праведника. К тому же ему было интересно, получится ли внедрить в тело даоса Демоническое сердце и сплавить его с сердцем Дао. Шэнь Цяо был для него всего лишь подопытным.

Кто бы мог подумать, что Шэнь Цяо сумеет обмануть его ожидания: не ступит на уготованную ему стезю, а пойдет совершенно иным путем. На его долю выпало множество тягот и мучений, ему встречались злые и коварные люди, однако нрав его ничуть не изменился. Даже к Се Лину, проявлению Янь Уши, он готов был проявить благосклонность и по-доброму с ним обходился. Упрямым или глупцом следует называть этого человека?

Но, как бы то ни было, Янь Уши считал, что в жизни Шэнь Цяо он должен играть особую роль, будь он Се Лином или самим собой, источником добра или зла, страданий или благодати, и никаким встречным-поперечным он эту роль не уступит.

Услышав ответ Шэнь Цяо, Янь Уши рассмеялся:

– Отчего же не заботит, заботит, и очень сильно. Удели мне хоть десятую часть того внимания, каким пользовался

Се Лин, я и то буду вне себя от счастья.

Даос пропустил его слова мимо ушей. Склонив голову, он сосредоточился на каше.

Теперь, в отсутствие Се Лина, из десяти фраз, сказанных Янь Уши, Шэнь Цяо прислушивался лишь к одной-двум, да и в тех тщательно взвешивал и обдумывал каждое слово, дабы не повторить прежних своих ошибок. Тот, кто дважды падает в одну и ту же реку, достоин зваться посмешищем, а Шэнь Цяо, хоть и не считал себя умным, дураком все же не был.

Янь Уши, увидев, что ответа ему не дожидаться, улыбнулся, не стал больше ничего говорить, взял в руки плошку с кашей и тоже принялся за еду.

Последние несколько дней для них обоих стали самыми мирными и спокойными за долгое время. Сначала одна за другой их преследовали жуткие встречи и опасности в заброшенном Жоцяне, а после, когда они покинули Тогон, Шэнь Цяо приходилось разрываться надвое, справляясь с непрерывно меняющимися «личностями» главы Яня и внимательно следя за всем, что происходит вокруг. Изъян в Демоническом сердце Янь Уши не был устранен, его враги могли поджидать их на каждом шагу, и даос не мог позволить себе расслабиться ни на мгновение. Лишь добравшись сюда, в усадьбу Се, он наконец немного выдохнул и смог посвятить себя совершенствованию и возвращению истинной ци с опорой на положения «Сочинения о Киноварном Ян».

Что до Янь Уши, то, хоть Шэнь Цяо и не расспрашивал его, по поведению Демонического Владыки он видел, что его нрав постепенно выравнивается и после утреннего пробуждения «личности» его все реже сменяют друг друга. Не иначе как содержание шелкового свитка натолкнуло Янь Уши на какую-то мысль, и теперь с его способностями устранение изъяна в Демоническом сердце стало лишь вопросом времени. В таком случае в «Основном Каноне Феникса и Циляня» появится еще одна ступень, и Янь Уши, и без того не знающий себе равных во всей Поднебесной, сделается почти непобедимым. И тогда даже если пять великих мастеров снова объединятся, они едва ли смогут одолеть Демонического Владыку.

Жаль только, что Се Лин... В глубине души Шэнь Цяо почувствовал мимолетную грусть и вздохнул про себя.

– Почему ты так благоволишь к А-Цину? – вдруг спросил Янь Уши. – Не сходством ли с Се Лином он заслужил твое расположение?

В присутствии главы Яня Шэнь Цяо становился до странности молчаливым и, если мог промолчать, не говорил ничего вовсе. Янь Уши, впрочем, как будто угадал его настрой и усмехнулся:

– Тебе он нравится, мне же, наоборот, он не по душе. Если не пожелаешь высказать свои доводы, я велю дядюшке У прогнать его после твоего ухода.

Но Шэнь Цяо не попался на удочку.

– Мой ответ ни на что не повлияет. Глава Янь всегда поступает лишь так, как ему заблагорассудится. Он волен делать что пожелает.

Янь Уши рассмеялся.

– Что ж, хорошо! Я не стану его прогонять, но прошу тебя, ответь мне, ладно?

Известно, что благородный муж, сообразуясь с обстоятельствами, может униженно склониться, а может горделиво выпрямиться. Так и Янь Уши во имя достижения собственных целей не брезговал ничем. Он давно уже понял, что Шэнь Цяо поддается на ласку, а не на принуждение, и счел, что, если он слегка умаслит даоса, от него не убудет. Кто другой на его месте, может, и усовестился бы, но для Янь Уши так называемые «нравственные устои» всегда были не более чем пустым звуком, и, когда с губ великого мастера боевых искусств сорвались слова «прошу тебя», он сам не придавал им значения, но его собеседник не смог сдержаться.

Как и ожидал глава Янь, Шэнь Цяо, пусть и с недовольным видом, но все же заговорил:

– А-Цин немного напоминает мне собственного ученика.

– Отчего же ты не говорил, что взял ученика? – с улыбкой осведомился Янь Уши.

– Вам он знаком, – ровно ответил Шэнь Цяо. – Это Ши У из обители Белого дракона.

Заговорив об этом, он невольно вспомнил о Чжу Лэнцюане и Чу И и о том, как они погибли.

Охваченному угрызениями совести даосу было не до учтивости. Ну что, глава Янь, вы довольны? Надо же было вам из всех чайников взять именно тот, что не кипит, и насыпать соли на рану.

Янь Уши был человеком большого ума, уже оправился от болезни и не мог не понимать, чего добьется своими расспросами. Однако он как будто не заметил написанного на лице Шэнь Цяо нежелания продолжать разговор и с неизменной улыбкой ответил:

– Я помню Ши У, его задатки действительно хороши. Ежели ему повстречается мудрый учитель, в будущем он сможет достичь больших высот.

Шэнь Цяо уже смирился с тем, что у Янь Уши нет ни стыда ни совести. Он собрался было указать незваному гостю на дверь, как вдруг снаружи смутно донесся стук в ворота усадьбы.

Обычно в усадьбе Се царили тишина и покой, гости редко в ней появлялись. За покупками дядюшка У ходил обычно через заднюю дверь, так что главные ворота почти никогда не открывались.

Комнату Шэнь Цяо от них отделяли два перехода и двор, однако у мастеров боевых искусств острый слух, а потому и Шэнь Цяо, и Янь Уши услышали возглас А-Цина «Иду!», а затем топот – он побежал открывать ворота. В тот же миг сердца Шэнь Цяо и Янь Уши тронуло странное чувство, не поддающееся описанию, – между ними словно установилась

непостижимая духовная связь. Такое случилось между мастерами боевых искусств, достигшими достаточно высокой ступени. Меч Скорбь гор и рек лежал рядом с Шэнь Цяо, и, пока А-Цин спешил к воротам, рука даоса уже коснулась ножен.

– Кто там? – раздался издалека голос мальчика.

– Мир тебе, добрый юноша! Скажи мне, верно ли, что это усадьба Се?

Едва заслышав голос, Шэнь Цяо изменился в лице. Хотя ему и довелось встретиться с его обладателем всего несколько раз, не узнать его он не мог!

Но ведь всю дорогу они соблюдали крайнюю осторожность. Пусть безупречную, однако и явных следов не оставляли. Так отчего же наставник Сюэтин нагрянул так скоро? Неужели Чэнь Гун?..

Шэнь Цяо и Янь Уши переглянулись. Демонический Владыка сохранял невозмутимость – на его лице не было ни тени тревоги.

– Уходите и спрячьтесь пока, – тихо сказал Шэнь Цяо. – Я встречу его.

С их нынешними силами они оба не смогли бы противостоять наставнику Сюэтину, однако Шэнь Цяо знал, что Сюэтин явился не за ним, а потому понимал, что, если и не одолеет его, тот не станет его преследовать.

Янь Уши лишь чуть приподнял брови.

– Боюсь, уже поздно.

Не успел он договорить, как со двора донесся голос наставника Сюэтина:

– Глава Янь – человек поистине удивительный, сей недостойный монах глубоко восхищен вами.

В мгновение ока незванный гость перенесся от главных ворот во дворик напротив комнаты Шэнь Цяо. А-Цин закричал и, тяжело дыша, ринулся вдогонку, но не смог ухватить и краешка одежд незнакомца – куда там, он не поспевал даже за тенью наставника Сюэтина! Во всей вольнице-цзянху не нашлось бы и нескольких человек, кто двигался бы столь же стремительно, что подошвы не успевают коснуться мирской пыли, а огромные расстояния преодолеваются как один чи.

Уходя, А-Цин не закрыл за собой дверь, и теперь сидевшие за столом Янь Уши и Шэнь Цяо отчетливо видели во дворе буддийского монаха в черном одеянии.

– Плешивый старый осел, все никак не можешь успокоиться! – усмехнулся Янь Уши. – Я еще не взыскал с тебя долг за то, что ты с какими-то ничтожествами замыслил убить меня, а тебе еще хватило наглости самому заявиться ко мне!

Наставник Сюэтин сложил ладони и поклонился. Поприветствовав хозяина как подобает, он наконец ответил:

– Сей недостойный монах и предположить не мог, что глава Янь так искусен. Пятеро сильнейших мастеров разом напали на него, он же все равно, как говорится, скрытно пересек широкое море³, оставшись жив и здоров.

³ ...скрытно пересек широкое море – отсылка к первой из тридцати шести стра-

Затем наставник Сюэтин поздоровался с Шэнь Цяо:

– Вижу, монах Шэнь тоже здесь. Какое совпадение.

Голос наставника Сюэтина звучал ровно, в нем не было ни следа суетности или поспешности. Таилась ли насмешка в его словах, кроме него самого никто не смог бы сказать.

Янь Уши рассмеялся.

– Кроме тебя, плешивого старого осла, все были посредственностями. Напали впятером на одного – и все равно не убили сего почтеннейшего! Кучка отбросов – как только язык поворачивается величать себя мастерами! А ты, Сюэтин, еще и позоришься, якшаясь с ними, – видно, чем дольше ты живешь на свете, тем ниже падаешь!

Наставник Сюэтин несколько не рассердился. Сохраняя бесстрашие, он посмотрел на Янь Уши, и во взгляде его не было ни намека на вражду.

– Никто не вечен. Сей недостойный монах уже в преклонных летах, рано или поздно и ему придется кому-то уступить. Со временем и мирянин Дуань, и глава Доу, и многие другие едва ли окажутся хуже него. Глава Янь как ни в чем не бывало вернулся с того света, и, говоря прямо, это достойно восхищения. Кому как не главе Яню знать: чем выше мастерство, тем труднее найти достойного противника.

тагем. Восходит к истории о том, как нерешительного императора обманом заставили подняться на борт корабля и пересечь море навстречу противнику. Как правило, выражение используется в значении «намеренно запутать и обмануть другую сторону, заставить ее ослабить бдительность, а затем стремительно добиться цели».

Будь у сего монаха выбор, он бы предпочел выпить с главой Янем чаю, сыграть партию в вэйци, а потом обменяться опытом в дружеском поединке. Однако чрезвычайные обстоятельства заставляют идти на чрезвычайные меры. Пока глава Янь жив, Юйвэнь Юну нечего опасаться – он свободен в своих действиях, и учение Будды по-прежнему будет притесняться. Вовсе не из личной обиды, а во имя процветания буддизма сей ничтожный монах и решился на столь отчаянный шаг. Прошу главу Яня простить меня.

Смысл сказанного им был очевиден: наставник Сюэтин явился в усадьбу Се, чтобы довести дело до конца. Возвращаться ни с чем он не намерен.

– Позвольте спросить, мастер, как вы узнали, где находится глава Янь? – заговорил Шэнь Цяо.

– Удалившиеся от мира не лгут, – ответил наставник Сюэтин, – и вот вам чистая правда: в Чанъане сей ничтожный монах повстречал Чэнь Гуна. Надобно упомянуть, что адепт школы Обоюдной Радости по имени Янь Шоу обидел ученика сего монаха, а Чэнь Гун близок к этой школе. Потому-то сей ничтожный монах и хотел выведать у Чэнь Гуна, где сейчас Янь Шоу. Чэнь Гун же твердил, что не знает этого, а чтобы освободиться, поведал, что глава Янь выжил и даже завладел одной из цзюаней «Сочинения о Киноварном Ян».

Перед тем как разойтись в разные стороны, Чэнь Гун пообещал Шэнь Цяо, что никому не расскажет, что Янь Уши выжил, но Шэнь Цяо с самого начала не слишком-то надеял-

ся на его обещание. Выслушав наставника Сюэтина, он почувствовал, что все так и есть – чего-то подобного он и ожидал.

– Но между Чанъанем и Тогоном немало земель и городов, – заметил Шэнь Цяо. – Чэнь Гун никак не мог знать, куда мы направимся и где остановимся.

– Истинно так, – согласился наставник Сюэтин. – Сей ничтожный монах в поисках проделал долгий путь и остановился в Вэйчжоу перевести дух. Он собирался завтра же покинуть город и отправиться дальше, но случайно услышал разговор двух людей на улице. Один из них, зеленщик, рассказывал, что каждый день разносит по дворам и усадьбам овощи и зелень, и с недавних пор один дом, к его пущей радости, ни с того ни с сего стал брать товара в два раза больше, чем прежде.

Шэнь Цяо вздохнул.

– Наставник Сюэтин весьма проницателен – ни одна мелочь не ускользнет от его взора. Направить бы его способности на поимку воров и разбойников да на судебные разбирательства – и ни один невиновный во всей Поднебесной не был бы осужден за то, чего не совершал.

– Премного благодарен за похвалу, монах Шэнь, – любезно отвечал наставник Сюэтин. – Сей ничтожный монах сегодня дерзнул явиться в чужой дом лишь из-за главы Яня – вы, монах Шэнь, к нашим делам непричастны, и потому прошу вас не вмешиваться, дабы ненароком не пострадать в

пылу поединка.

– Какое совпадение, – отвечал Шэнь Цяо. – Наставник Сюэтин желает убить главу Яня, я же, напротив, хочу его защитить.

В лице наставника Сюэтина мелькнуло удивление.

– Насколько мне, ничтожному монаху, известно, между несправедным учением и даосскими школами никогда не бывало приязни, а Янь Уши постоянно платил монаху Шэню черной неблагодарностью и воздавал злом за добро. Отчего же он все равно намерен защитить главу Яня?

– Как изволил заметить наставник Сюэтин, пока глава Янь жив, Юйвэнь Юну нечего опасаться, он в полной безопасности, – пояснил Шэнь Цяо. – Если обратим взор на все государства Поднебесной, то увидим, что империя Ци пала, и лишь Чжоу и Чэнь можно назвать могущественными и процветающими. Однако на юге сильно влияние конфуцианцев, там нет места для учения Будды. Уж не для того ли мастер так стремится убить Янь Уши, чтобы проложить тюркам дорогу на Центральную равнину и сделать их господами Поднебесной?

Наставник Сюэтин воззвал к Будде:

– Амитофо! Стало быть, монах Шэнь тоже на стороне чжоуского государя?

– Верно, – подтвердил Шэнь Цяо.

Наставник Сюэтин тихонько вздохнул.

– Видно, сегодня сему ничтожному монаху придется спер-

ва пройти мимо монаха Шэня.

Конец фразы еще висел в воздухе, а посох червонного золота уже стукнул по голубовато-серым плиткам двора – гулкий звон его на миг оглушил Шэнь Цяо. В тот же миг зазвенел Скорбь гор и рек, покидая ножны. Даос взмыл вверх. Меч и посох встретились в воздухе, оружие так и мелькало, создавая причудливую игру света и тени, волны ци противников расходились кругами. Напор этой силы для А-Цина, у которого еще не было основания, необходимого в боевых искусствах, оказался невыносимым – от грохота у него заболели уши, он вскрикнул и попятился. Только когда он укрылся за стеной, ему немного полегчало.

Шэнь Цяо рассуждал так: глава Янь умеет оценивать обстановку, к тому же не отягощен бременем честного имени, которое обязало бы его остаться, а потому можно не тратить время на объяснения – когда Янь Уши увидит, что он сошелся в поединке с наставником Сюэтином, то наверняка тут же развернется и уйдет. Но случилось неожиданное: обменявшись с наставником Сюэтином несколькими ударами, Шэнь Цяо краем глаза заметил, что глава Янь неподвижно стоит на том же месте и даже не думает спастись.

– Почему вы еще здесь?! Уходите! – выкрикнул Шэнь Цяо в гнев.

– А-Цяо, успокойся. Я бы и хотел уйти, но спроси у этого плешивого осла сам – отпустит ли он меня.

Уголки губ Янь Уши немного приподнялись, но глаза его

не улыбались.

Словно в ответ на его слова на черепичной крыше с двух противоположных сторон одновременно появились два молодых бритоголовых монаха в черных одеяниях.

– Сей недостойный – Лянь Шэн, Лотос Созидания.

– Сей недостойный – Лянь Ме, Лотос Разрушения.

И в один голос они возгласили:

– Приветствуем главу Яня!

Наставник Сюэтин входил в тройку лучших мастеров боевых искусств во всей Поднебесной уж явно не потому, что осторожничал и предпочитал действовать наверняка, – он действительно был могуч.

Шэнь Цяо в его силе никогда не сомневался – с самого появления наставника Сюэтина он понял, что сегодня его ждет жестокая битва. Тот был лишь немногим моложе Ци Фэнгэ, но, когда мастер боевых искусств достигает определенной ступени в своем совершенствовании, время перестает оставлять следы на его облике, и стареет он гораздо медленнее обычных людей. Когда Ци Фэнгэ покинул сей бранный мир, он выглядел не старше мужчины лет тридцати-сорока, глядя на него, никто и не подумал бы, что на самом деле ему почти сто лет.

Если бы не полностью обритая голова, наставник Сюэтин походил бы на молодого господина из богатой и знатной семьи: настолько прекрасным и утонченным выглядел он со стороны. Но вместе с тем он производил впечатление чело-

века спокойного и безмятежного: мирская суета не оставила на нем и следа, точно он был не смертным, а чудесной статуей Будды.

Сам Шэнь Цяо тоже хранил душевную простоту, подобную простоте небожителя, но оставался мягкосердечен. Встретив слабых, он помогал им, и порой казалось, что он чувствителен даже более, чем обычные люди. Если сравнивать его и наставника Сюэтина, даоса и буддиста, то второй больше походил на храмового Будду – безошибочного в суждениях, решительного в поступках, не ведающего пощады. Первый же был словно мирная заводь: стоит лишь диким гусям проскользнуть над лазурной гладью воды – и рябью подернется пруд.

Суть первого слоя Печати Ачалы такова: все иллюзорно на этом свете. Видимостей мириады и мириады, но все они – лишь декорации. Миряне не могут их распознать и легко погрязают в обмане, не в силах вырваться. Лишь тот, чье сердце прозрачно и чисто, как стекло, способен отличить истину ото лжи, отринуть наваждение и последовать своему подлинному намерению.

Окруженные сотнями сотен отпечатков ладоней, со всех сторон на Шэнь Цяо летели Печати Будды. В мгновение ока белоснежная правая длань наставника Сюэтина будто увеличилась в тысячу крат, уподобившись своей силой Алмазной печати Будды или беспощадной Ваджра-мудре⁴, укро-

⁴ *Ваджра-мудра* – особое расположение пальцев рук, имеющее ритуальное и

щающей демонов. Однако Шэнь Цяо стоял на месте, заведя левую руку за спину, встречая натиск наставника Сюэтина, непоколебимый, как скала. Повинуясь едва заметному движению его запястья, меч Скорбь гор и рек пришел в движение. Клинок то величаво плыл, точно песня, то робел, словно беззвучно пролитые слезы, то напирал, торжествуя, как гимн древних дней, то летел невесомо едва слышным вздохом. Он порхал в воздухе легко и привольно – и разрушил все ряды Печатей Будды. Среди тысяч и тысяч иллюзий Шэнь Цяо с первого взгляда распознал истину, из сотен и сотен кажущихся отпечатков ладоней он безошибочно нацелил свой меч на правую руку наставника Сюэтина!

Буддист повел ладонью и легко взмахнул ею: кончики его пальцев двигались плавно, напоминая ивовые листочки, колеблемые ветром, – зрелище столь прекрасное и трепетное, что глаз не отвести! Прежняя его атака сметала все на своем пути, перед глазами сама собой вставала скованная льдом река среди белоснежных равнин, где свирепствует пронизывающий зимний ветер, но в один миг все переменилось: над весенними полями широко раскинулось небо с легкими облачками, прилетели гуси и иволги, над водой распустились цветы персика. Картина настолько прелестная – слов не найти!

символическое значение. В Ваджра-мудре указательный палец поднят вверх, тогда как средний, безымянный и мизинец согнуты и прижаты к ладони, при этом большой палец касается ногтя среднего пальца.

Но странное дело – Шэнь Цяо, вместо того чтобы одержать победу, тотчас же опустил меч и отступил. И причина не заставила себя ждать: там, где ветерок, поднятый ладонью наставника Сюэтина, коснулся пола, голубоватые плитки дворика начали трескаться и крошиться, истинная ци буддиста разлилась во все стороны, и даже А-Цин, притаившийся недалеко от противников, ощутил резкую боль, словно его лицо царапали и кололи острые ножи.

Воспользовавшись умением «Радужная тень посреди неба», Шэнь Цяо легко, как пылинка, отлетел на несколько чи и вдруг, подпрыгнув, завис в воздухе вниз головой – «ци меча» струилась вниз, подобно проливному дождю: казалось, мириады снежных львов бесновались и неудержимо рвались вперед в сверкании молний и грохоте грозových раскатов. Какая могучая, неудержимая сила! Талант его сметал все на своем пути!

Столько перемен – а все свершилось в мгновение ока. Лик наставника Сюэтина все это время оставался безмятежным, как водная гладь, но теперь тень изумления скользнула по его челу: «ци меча» Шэнь Цяо вихрем закручивалась вокруг буддиста, окутывая его сверху донизу.

В тот миг наставник Сюэтин как будто мог выбрать один из нескольких способов, как поступить дальше, но ни один не помог бы ему вырваться из западни. Ци чужого меча подступила совсем близко к нему, он воздел левую руку – и посох червонного золота встретился с нею. Раздался грохот.

Все замерло. Ни наставник Сюэтин, ни Шэнь Цяо не могли продвинуться вперед – сила столкновения была такова, что они отступили на несколько шагов друг от друга.

– За несколько месяцев нашей разлуки мастерство монаха Шэня поднялось выше еще на ступень – примите поздравления со столь отрадным событием! – серьезно и торжественно провозгласил наставник Сюэтин. Теперь он перестал отвлекаться на Лянь Шэна и Лянь Ме и всецело сосредоточился на Шэнь Цяо.

Вот только даоса подобное развитие событий отнюдь не радовало. Его мастерство, несомненно, росло, но и другие наверняка не стояли на месте. Пусть таким великим мастерам, как наставник Сюэтин, при всем желании было бы сложно взойти на ступень еще выше, однако и они неустанно продолжали упражняться, дабы лучше постичь собственный дух: чем совершеннее душевный настрой, тем мощнее будет и боевое искусство.

Шэнь Цяо полагал, что прежде, до падения со скалы, мог бы на равных сражаться с Гуан Линсанем, Дуань Вэньяном и им подобными, однако наставнику Сюэтину он, пожалуй, немного уступал. Сейчас же он тем более был не чета ему. Благодаря мощи, заключенной в «Сочинении о Киноварном Ян», его мышцы и кости претерпели многие преобразования и окрепли, но то было лишь начало пути. По сути, объединение лучших качеств трех разных школ – конфуцианства, буддизма и даосизма – требовало времени и напоминало строительство дома: хоть с таким фундаментом он и будет гораздо прочнее всех остальных, но постройка быстрее не завершит-

ся. Шэнь Цяо уже достиг предела «сердца меча», ему оставалось рукой подать до «духа меча», однако его силы сейчас не составляли и семи десятых прежней мощи – он попросту не мог в полной мере воспользоваться своими новыми умениями. Против такого мастера, как наставник Сюэтин, у него не было ни малейшего шанса.

Но Шэнь Цяо не мог позволить противнику распознать истинное положение дел и понять, что никто здесь не в силах его остановить.

Шэнь Цяо опустил меч и, остановившись на прежнем месте, не спеша заговорил:

– В сущности, между буддистами и школой Чистой Луны нет взаимных обид. Наставник Сюэтин, вы уже однажды победили главу Яня, так зачем же снова преследовать его? Даже если глава Янь погибнет, даже если не станет школы Чистой Луны, пока Юйвэнь Юн остается императором, найдутся и другие силы, готовые поддержать его. С вашей мудростью и дальновидностью вы не можете не понимать сию простую истину.

Янь Уши тем временем сражался один против двоих, но все равно улучил миг и заметил:

– Как же ты стал красноречив, А-Цяо, а все трудами сего почтеннейшего! Ты и впрямь добился немалых успехов! Этот плешивый осел от твоей речи аж язык проглотил – наверняка попытается прикрыть свое смущение гневом и начнет досаждать тебе пуще прежнего!

Прежде не то что Лянь Шэн и Лянь Ме – десять Лянь Шэнов и десять Лянь Ме были бы Янь Уши нипочем, но теперь все переменилось. Наставник Сюэтин предвидел это, потому и взял с собой учеников. Быть может, одолеть Янь Уши они и не могли, но задержать его и не дать уйти было им по плечу.

Наставник Сюэтин понял умысел Шэнь Цяо и покачал головой.

– Монах Шэнь, вы должны понимать: речь идет ни много ни мало о том, сможет ли выжить учение Будды. Ваши увещевания напрасны. Сегодня я, ничтожный монах, явился лишь за главой Янем и буду весьма признателен, если вы соизволите устраниться от поединка и отойти в сторону.

Поистине необыкновенный человек! Он явно одерживал верх, но, несмотря на преимущество, все равно оставался любезен с Шэнь Цяо. Наставник Сюэтин словно не ведал ни обиды, ни гнева, был спокоен и свеж, точно легкий ветерок. Вот облик настоящего мастера! Если бы цели даоса и буддиста в корне не различались, Шэнь Цяо с превеликой охотой побеседовал бы с ним и решил дело миром, вместо того чтобы стоять, как сейчас, напротив, готовясь в любой миг снова броситься в бой.

Янь Уши как будто не выносил, когда Шэнь Цяо с почтением относился к кому-то другому. Улучив момент, он привлек его внимание к себе:

– А-Цяо, ну и глуп же ты! Как будто этот плешивый ста-

рый осел сам не знает, что стоит убить Юйвэнь Юна – и все его заботы разрешатся одним махом! Но он без усталости гоняется за мной – а все ради того, чтобы буддисты по-прежнему выглядели благородными да непогрешимыми! Ни в каком случае нельзя, чтобы убийство государя запятнало доброе имя последователей Будды – если правителя нужно устранить, пусть это грязное дело сделает кто-то другой, а они останутся чистенькими! Что, плешивый старый осел, верно я говорю?

Наставник Сюэтин не захотел пререкаться с ним и лишь тихо воззвал к Будде Амитабхе. Обратившись к Шэнь Цяо, он ровно произнес:

– Ежели монах Шэнь не желает отойти в сторону и все-таки настаивает на том, чтобы защитить Янь Уши, то сему ничтожному монаху ничего другого не остается, как нанести вам обиду.

С этими словами наставник Сюэтин шагнул вперед – и в мгновение ока очутился совсем рядом с Шэнь Цяо. Под мелодичный звон нефритового колокольчика посох червонного золота легко приблизился к даосу и коснулся его груди.

Движения наставника Сюэтина казались медленными – такими медленными, что можно было разглядеть каждый жест, но никто не успел бы и рукой пошевелить в попытке спастись от атаки – столь быстро он на самом деле перемещался.

Шэнь Цяо вдруг с ужасом осознал, что его силы все-таки

слишком уступают силам наставника Сюэтина. Пусть он и мог догадаться, куда метит рука противника, но тело его не успевало своевременно отразить нападение или увернуться. Стоило ему вздеть меч, как он ощутил тупой удар в середину груди, и следом по всей грудной клетке разлилась боль, а к горлу подступила кровь. Даос полностью утратил власть над собственным телом и отлетел назад, с размаху ударившись спиной о столб галереи!

Но Шэнь Цяо не остановился ни на миг. Он высвободил всю свою силу, и меч его засиял серебром, точно лунное отражение в речных волнах, накатывающих одна на другую. Все озарилось ярким светом, мерцающим, словно переливы драгоценных камней, и энергия ци бурливым потоком хлынула на буддиста. Даже наставник Сюэтин с его высочайшим уровнем совершенствования поначалу не смог различить, где человек, а где его меч.

Тем временем Лянь Шэн и Лянь Ме вместе сражались с Янь Уши, да так слаженно, словно понимали друг друга без слов, разделяя все мысли и чувства. Боевое искусство Янь Уши было уже далеко не то, что прежде, он еще не успел до конца устранить изъян в Демоническом сердце, а потому неизбежно оставлял прорехи в защите, чем и пользовались двое его противников. Лянь Ме нападал, Лянь Шэн его прикрывал. Они вплотную подступили к Янь Уши и окружили его, но убить не пытались – он просто оказался в западне, столь же прочной и совершенной, как Великий Предел, урав-

новешивающий два начала. Очевидно, наставник Сюэтин за-
благовременно дал ученикам указания. Те, в свою очередь,
знали границы своих возможностей и понимали: пусть Янь
Уши значительно ослабел, убить его им по-прежнему не под
силу. Поэтому они стремились лишь задержать противника
до тех пор, пока учитель не одолеет Шэнь Цяо и не придет
к ним на помощь.

Увы, ожидание затянулось. Шэнь Цяо по-прежнему от-
влекал наставника Сюэтина, и тот не мог подсобить учени-
кам. Тем временем они обменялись с Янь Уши уже сотней
ударов, и лбы их покрылись испариной. Лянь Шэна обуяла
тревога, и пока его шиди Лянь Ме атаковал Янь Уши, он не
удержался и бросил взгляд на учителя. Лишь на миг он от-
влекся – но и этого оказалось достаточно, чтобы Янь Уши
преломил ход сражения в свою пользу!

Все время оборонявшийся, он вдруг перешел в нападе-
ние. Сведенными в подобие острия меча пальцами он ука-
зал в середину ладони Лянь Ме. Видя нынешнее мастерство
Янь Уши, надо сказать, весьма посредственное, тот неволь-
но начал смотреть на противника свысока. Но стоило ему
увериться, что глава школы Чистой Луны ничего особенно-
го собой не представляет, как острая боль пронзила его ру-
ку, словно ладонь пробил раскаленный докрасна железный
пестик.

Не сдержав крика, он отпрянул и уставился на кисть – в
середине ее зияла кровавая дыра, сквозь которую виднелись

мышцы и кости, а из сосудов рекой хлестала кровь.

Заслышав крик, Лянь Шэн тут же оглянулся и ужаснулся увиденному. И тут же его ослепила яркая вспышка – он даже предпринять ничего не успел.

– Идем! – резко выкрикнул Шэнь Цяо.

С этими словами он закинул Янь Уши к себе на спину и бросился прочь.

Шэнь Цяо знал, что наставника Сюэтина не следует недооценивать, и потому все силы вложил в «Радужную тень посреди неба». Взгляни на них с Янь Уши кто-нибудь со стороны – увидел бы лишь два смутных силуэта, но сам даос чувствовал, что все равно недостаточно быстр. Он смертельно боялся, что наставник Сюэтин настигнет их, и мчался не останавливаясь. Вот уже деревья по обе стороны от него превратились в размытые пятна, но он и помыслить не смел о том, чтобы чуть-чуть сбавить шаг.

Даже не оборачиваясь, он явственно чувствовал за спиной опасность, идущую за ним по пятам, – одновременно и далекую, и близкую, словно устремившаяся к нему стрела. То, несомненно, был наставник Сюэтин – он явно не желал отступать от своих намерений. Пускай пока Шэнь Цяо опережал его, он едва ли сумел бы сбежать от буддиста. Еще немного – и тот нагонит его.

Вместе с Янь Уши Шэнь Цяо выбежал за городские стены и ринулся напрямик к высокой горе недалеко от Вэйчжоу, очертаниями напоминающей меч.

У ее подножия раскинулся густой лес, в нем можно было попытаться укрыться, однако Янь Уши бросил:

– Поднимайся в гору.

Шэнь Цяо подчинился без раздумий и, не мешкая ни мгновения, начал подъем.

Путь среди отвесных скал перегораживали сплетенные ветви и корни деревьев, узенькие горные тропки – такие, что и ступить-то некуда – вели круто вверх. Стояла ранняя весна, лед с рек уже сошел, на лугах распускались цветы, в горах журчали ручьи и щебетали птицы. Все кругом наполнилось жизнью, дышало миром и спокойствием – под ногами же то и дело разверзались пропасти, где клубился густой туман, и гора казалась еще неприступнее.

Как раз на полпути к вершине Шэнь Цяо и заметил пещеру, скрытую в лесной чаще. Внутри вел темный извилистый лаз, там же, в пещере, журчал стремительный горный ручей. Сама она была гораздо глубже, чем казалось на первый взгляд. Шэнь Цяо и Янь Уши прошли лишь несколько чжанов, и в глаза им ударил яркий свет: перед ними открылось широкое пространство, словно они очутились в главном зале богатого дома, только вместо стен высились гладкие отвесные камни. Подняв головы, они не увидели свода пещеры – лишь переплетение ветвей, сквозь которые пробивались солнечные лучи и падали на опавшие листья у них под ногами.

– Здесь мы и остановимся, – сказал Янь Уши. – Если Сю-

этин и станет нас искать, то в лесу у подножия, в гору он не полезет.

До сих пор Шэнь Цяо не позволял себе ни на миг ослабить бдительность. Теперь же он наконец смог чуть успокоиться, но передышка не принесла желанного отдохновения. Рот его был полон крови, он согнулся и выплюнул ее. Все потому, что в поединке с наставником Сюэтином он не уберется от внутренних повреждений. Все время, что Шэнь Цяо мчался, унося с собой Янь Уши, грудь его раздирала невыносимая боль. Опасаясь, что лишится чувств, даже если просто откроет рот, он молчал всю дорогу.

Не каждый смог бы выдержать удар одного из трех лучших мастеров боевых искусств во всей Поднебесной. Силы еще не до конца вернулись к Шэнь Цяо – то, что он сумел так долго продержаться против наставника Сюэтина, да еще и сбегать от него с Янь Уши на закорках, было целиком заслугой «сердца меча», пусть сам Шэнь Цяо еще не до конца постиг его возможности. Но пределы владения искусством меча ничто по сравнению с неисчерпаемой внутренней ци. Поэтому-то Шэнь Цяо и не думал о том, чтобы насмерть сражаться с буддистом, – бой еще не начался, а он уже готовился отступить при первой возможности. Улизнуть из-под носа наставника Сюэтина само по себе было задачей не из легких, а тут еще и ношу пришлось прихватить. Но Шэнь Цяо справился.

Он не обсуждал с Янь Уши заранее действия в случае на-

падения, но, очевидно, мыслили они схожим образом и потому не нуждались в словах, чтобы понимать намерения друг друга.

У Шэнь Цяо страшно шумело в ушах, он едва держался на ногах. Все его силы ушли на сопротивление наставнику Сюэтину и последующий побег, к тому же его по-прежнему тревожили последствия внутренних повреждений. В глазах у Шэнь Цяо потемнело, голова закружилась, и он повалился навзничь.

Янь Уши подхватил его и рассмеялся:

– А-Цяо, я и так знаю, что ты мной восхищаешься, – ни к чему падать мне в ноги!

Голос его звучал тихо: очевидно, и сам глава Янь не ушел невредимым, но, несмотря на раны, он все равно по-прежнему беззастенчиво поддразнивал Шэнь Цяо.

Стоило ему умолкнуть, как даос снова выплюнул кровь и перегнулся через руку Янь Уши, почти повиснув на ней. Он был бледен как полотно, казалось, пробил его последний час.

Янь Уши поцокал языком:

– Неужто ты так разозлился, что аж кровью принялся харкать?

Разумеется, кровью кашлял даос отнюдь не от гнева, но сил препираться с Янь Уши у него не было.

– Что теперь будет с дядюшкой У и А-Цином? – только и спросил он слабым голосом.

– Сюэтин не Сан Цзинсин, – успокоил его Янь Уши. – Он

еще печется о доброй славе учения Будды и к тому же знает: если он и схватит этих двоих, надавить на меня все равно не выйдет. Потому он не станет тратить время на лишнюю возню.

Шэнь Цяо кивнул. Алая кровь запеклась на его побелевших губах, окрасив их в багровый и еще больше подчеркнув бледность даоса.

Янь Уши протянул руку и большим пальцем вытер следы крови с его лица.

Давящая боль в груди Шэнь Цяо была невыносимой, он едва дышал. У него не осталось никаких сил следить за тем, что происходит вокруг, все его чувства притупились, и Янь Уши застиг его врасплох, вдруг сунув ему в рот что-то маленькое и крепко зажав ладонью, не давая выплюнуть. Глаза Шэнь Цяо широко распахнулись от неожиданности, но не успел он осмыслить произошедшее, как тело распорядилось само, и он проглотил неизвестный кусочек.

Горло даоса пересохло и саднило, чуть не подавившись, он закашлялся, разбередив внутренние раны. От боли на глаза его навернулись слезы.

– Нефритовая... цистанхе? – пробормотал он.

– С чего ты взял? – назло ему возразил Янь Уши. – Ясно же, что я решил от тебя избавиться и отравил.

Пусть внутренние повреждения даоса и были столь тяжелы, что без боли он слова сказать не мог, понять, что ему дали лекарство, а не яд, он был в состоянии.

– Нефритовая цистанхе лечит лишь внешние раны, мне не будет от нее большой пользы... – ответил он.

В бою наставник Сюэтин сломал даосу грудины, и теперь каждый вдох и выдох Шэнь Цяо сопровождала постоянная колющая боль. Однако мастерам боевых искусств к подобным невзгодам не привыкать. После поединка с Кунье раны Шэнь Цяо получал одну за другой, а уж сломанным костям и вовсе было несть числа. Внутренние повреждения тревожили его куда больше, чем переломы.

– Тогда выплюнь, и дело с концом, – лениво откликнулся Янь Уши.

Но Шэнь Цяо уже проглотил цистанхе, как он мог ее выплюнуть?

Даос уже по опыту знал – пререкаться с Янь Уши бесполезно, а потому счел за лучшее промолчать и вскоре погрузился в сон. Впрочем, проспал он недолго, да и то не спал, а, скорее, дремал, ведь какая-то часть Шэнь Цяо всегда держалась настороже. Когда он пробудился, солнце только-только миновало зенит. Оглядевшись по сторонам, Шэнь Цяо обнаружил, что Янь Уши бесследно исчез.

«Глава Янь все-таки ушел своей дорогой?» – подумалось Шэнь Цяо.

Он через силу сел, стараясь не бередить раны, и прислонился спиной к каменной стене. Прямо над его головой висели мокрые лианы, капля воды соскользнула со стебля и прокатилась по его щеке, обжигая кожу, как лед.

Колющая боль в груди превратилась в тупую – значит, нефритовая цистанхе оказывала свое действие. Шэнь Цяо принял позу лотоса и сосредоточил внимание на токе ци, дабы ускорить выздоровление. Совершив полный круг по меридианам, ци разлилась по всему телу, согревая и окутывая истомой. Понемногу проходили и внутренние повреждения.

Он наконец открыл глаза, и тут из узкого прохода, ведущего в лес, послышалась тихая поступь.

Шэнь Цяо не стал подниматься – по звуку шагов он сразу узнал идущего. С тех пор как зрение его ухудшилось, он нарочно развивал остроту слуха, вплоть до того что обращал особое внимание на малейшие различия в шагах людей. Со временем слух его сделался в два раза лучше, чем у обычного мастера боевых искусств.

Из прохода и в самом деле показался Янь Уши. В руках он нес связку воробьев.

– Вы ходили на охоту? – спросил Шэнь Цяо.

Янь Уши хмыкнул в знак согласия.

– Одолжи-ка мне Скорбь гор и рек, – попросил он.

У Шэнь Цяо, разумеется, и мысли не было, что Янь Уши просит меч, чтобы убить его. Он протянул ему клинок, с которым никогда не расставался, и задал следующий вопрос:

– Вы не повстречали там наставника Сюэтина?

Но едва он успел договорить, как увидел, зачем Янь Уши понадобился меч: глава Янь... срезал им перья!

– Что вы делаете?! – возмутился Шэнь Цяо.

– Ты предпочитаешь есть воробьев с перьями? – удивился Янь Уши.

Шэнь Цяо так разозлился, что чуть не задохнулся от негодования.

– Скорбь гор и рек мне оставил учитель!

– А-Цяо, ни к чему так сердиться, – невозмутимо отвечивал Янь Уши. – А то, чего доброго, опять начнешь харкать кровью. Пусть для тебя Ци Фэнгэ – все равно что небожитель, но и он ел ту же пищу, что и все простые смертные. Откуда тебе знать, может, пока ты не видел, он этим мечом себе усы брил?

За разговором Янь Уши успел соскоблить перья со всех воробьев. Казалось бы, делать это длинным мечом несподручно, однако он управлялся с ним не хуже, чем с кинжалом.

Закончив, Янь Уши опустил меч в ручей. Смыв приставшие к лезвию перья, он убрал клинок в ножны, вернул Шэнь Цяо и потрепал ледяной рукой по голове.

– Полно тебе. Ци Фэнгэ уже давно умер. Даже если ты и вправду будешь бриться его мечом, он не выпрыгнет у тебя из-за спины, браня на чем свет стоит. Истинный меч – у тебя в сердце, а не в руке. Лишь ты один так дорожишь внешним – взгляни хоть на своего соученика Юй Ая. Я сломал его клинок Муж-благородный-не-утварь, и что же? Он без лишних слов заменил его новым мечом. Что-то я не видел, чтобы он с рыданиями бежал к могиле Ци Фэнгэ.

Шэнь Цяо расвирипел так, что больше не желал говорить с Янь Уши. Хорошо хоть он успел восстановить ток ци до его прихода, а иначе его бы и правда снова вырвало кровью.

Янь Уши же как будто пребывал в прекрасном расположении духа. Выбрав подходящее место, он собрал кучу сухих листьев и веток, достал запал, разжег огонь и, нанизав воробьев на ветку, принялся жарить.

Вскоре повсюду распространился запах жареного мяса.

Янь Уши обернулся и поглядел на Шэнь Цяо. Тот сидел с сомкнутыми веками, всецело сосредоточившись на управлении потоками ци. Сине-зеленый ворот даосских одежд охватывал изящную шею, лик его казался высеченным из белого нефрита и как будто светился мягким светом в лучах солнца, а сквозь холодную сдержанность проглядывала почти незаметная на первый взгляд теплота.

За свою жизнь Янь Уши повидал немало красивых людей, но никто из них и сравниться не мог с сидевшим перед ним даосом. Красота их была холодна, как у цветов высоко в горах, Шэнь Цяо же не просто ликом напоминал божество или Будду: доброты в его взгляде, казалось, хватило бы на целый мир.

Стоило Янь Уши подумать так, как Шэнь Цяо разомкнул веки.

– Когда стемнеет, я вернусь и проверю, как там дядюшка У и А-Цин, – сообщил он.

Янь Уши снимал воробьев с ветки и, слышав слова Шэ-

нь Цяо, и бровью не повел.

– Я уже говорил тебе – наставник Сюэтин бережет добрую славу своей школы, так что ни за что не станет средь бела дня убивать их, – заметил он. – К тому же, раз он объявился в усадьбе, это убежище больше не безопасно, и о его существовании известно теперь и всем остальным моим недоброжелателям. Впрочем, У Ми знает, что с этим делать.

Янь Уши от природы был черствым и равнодушным, жизнь и смерть других людей его волновали одинаково мало. Он считал, что раз У Ми принадлежит к школе Чистой Луны, то умереть за нее – его долг. Что до какого-то А-Цина, то Янь Уши не испытывал к нему ни капли жалости или сочувствия. Однако притом он хорошо понимал, что за человек Шэнь Цяо, и не стал говорить, что думает, опасаясь, как бы тот не бросился проверять, как дела у У Ми с А-Цином, прямо сейчас.

Прежде Янь Уши лишь отстраненно наблюдал бы за своим спутником, однако сейчас он отчего-то решил развеять сомнения Шэнь Цяо и успокоить его.

– Знаешь, почему я принес именно шесть воробьев? – внезапно спросил Янь Уши.

Шэнь Цяо опешил – меньше всего он ожидал от главы Яня такого вопроса. Предположив, что в его словах есть иносказание, он чуть склонил голову набок и всерьез принялся размышлять.

Янь Уши тем временем достал откуда-то кусок коры и ак-

куратно разложил на нем жареных птиц: пятеро пташек тесным кольцом окружили шестую, лежащую в середине. Лицо Шэнь Цяо чуть не перекосилось от этого зрелища.

– Это блюдо называется «Воробьиный цвет сливы», – провозгласил Янь Уши.

Шэнь Цяо потерял дар речи. «Это же надо было до такого додуматься!» – мелькнула у него мысль.

– Сперва нужно съесть воробья из середины, – продолжал глава Янь, – и только потом остальных.

– Почему же?... – наконец выговорил Шэнь Цяо.

– Потому что так будет красивее, – пояснил Янь Уши. – Если ты начнешь с воробья, лежащего с краю, то оторвешь «цветку сливы» лепесток.

Шэнь Цяо на это даже сказать было нечего. Он забеспокоился, не вернулся ли к главе Яню прежний недуг, не удержался и пристально поглядел на него.

Но Янь Уши все было нипочем – он непринужденно улыбнулся даосу в ответ и мягко упрекнул его:

– А-Цяо, неужто ты и впрямь вот так отвергнешь мой добрый порыв?

Шэнь Цяо и не надеялся, что глава Янь захочет поблагодарить его за спасение... тем более таким странным образом. Но, вспомнив его обычную манеру себя вести, даос счел, что если в следующий раз глава Янь преподнесет ему «Воробьиный цвет груши» или «Воробьиный цвет персика», то, пожалуй, не стоит этому удивляться. В конце концов, от человека,

который за обедом со скуки выкладывает на тарелке горох ровными рядами, и не такого можно ожидать.

Поколебавшись мгновение, он наконец взял воробья из середины и откусил на пробу.

Соли не хватало, но в остальном вкус оказался неплох.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Шэнь Цяо.

Янь Уши слегка улыбнулся:

– Пока не пощупаешь пульс – не узнаешь.

С этими словами он, к изумлению Шэнь Цяо, беззаботно протянул ему руку.

Точка на запястье недаром испокон веков считалась одной из точек Врат жизни. Ни один из знатоков боевых искусств, сколь бы силен он ни был, не посмел бы действовать опрометчиво, когда противник держит его за запястье. Будь на месте Янь Уши Се Лин, Шэнь Цяо не удивил бы подобный порыв, но сейчас перед ним был отнюдь не Се Лин.

Отмахнувшись от странности происходящего, он взял руку Янь Уши и после недолгого молчания заговорил:

– Есть некоторые внутренние повреждения, но не слишком тяжелые. Пара дней отдыха – и все должно пройти. В горах холодно и сыро, лучше не оставаться здесь дольше, чем на день-другой. Что вы собираетесь делать дальше?

– Сперва пойду в Ханьчжун⁵, оттуда – в Чанъань, – отве-

⁵ Ханьчжун – досл. «среднее течение реки Ханьшуй», округ, располагавшийся на юго-востоке территории совр. провинции Шэньси, известен с 312 г. до н. э. В эпоху Южных и Северных династий считался стратегически важным регионом и не раз переходил из рук в руки.

тил Янь Уши.

Ответ удивил Шэнь Цяо еще больше – получалось, что Янь Уши собирается сделать крюк.

– Я думал, вы направитесь напрямиком в Чанъань, – заметил он. – Когда вы окажетесь в столице, где сильна школа Чистой Луны, да еще и под покровительством чжоуского государя, наставник Сюэтин не посмеет ничего предпринять.

– Раз Сюэтин уже знает, что я выжил, то в скором времени непременно узнают и другие, – объяснил Янь Уши. – И если тебе пришло в голову, что я захочу вернуться в Чанъань, то и другие наверняка подумают то же самое. Отсюда до Чанъаня лишь одна дорога, и на ней нас наверняка будут подстерегать бесчисленные засады.

Шэнь Цяо согласно хмыкнул – он тоже подумал об этом.

Янь Уши же с усмешкой продолжал:

– Почему, по-твоему, наставник Сюэтин и его подельники стремятся убить меня?

– Должно быть, они хотят навредить чжоускому государю, – ответил Шэнь Цяо.

– Так и есть, – подтвердил Янь Уши. – Я уже говорил, что буддисты стремятся расширить свое влияние, а для этого им нужна поддержка власть предержащих. Запятнай они себя убийством императора – и могут забыть о возвышении своего учения, кто бы ни унаследовал престол после смерти Юй-вэнь Юна. Что касается тюрок, Союза Вездесущих и школы Зеркала Дхармы – если они убьют чжоуского государя, то не

только ничего не добьются, а еще и навлекут на себя множество невзгод. Пусть уж лучше Юйвэнь Юна уберут его же присные.

Слова Янь Уши, подобно молнии, озарили коварный замысел, о котором даос прежде не задумывался.

– Императрица Ашина – из тюрок! – воскликнул он.

– Ты быстро учишься, – шутливо заметил Янь Уши и продолжил: – Юйвэнь Юн уже давно отстранился от рода Ашина, он остерегается его, и потому Ашина с превеликой охотой помогут Дуань Вэньяну подлить масла в огонь. Еще есть наследный принц. Он любит легкую жизнь и ненавидит всякий труд. Дни он проводит в развлечениях, никаких других устремлений у него нет. Император давно уже недоволен им, а сам принц, в свою очередь, понимает: он до сих пор наследник престола потому только, что отец еще не решился лишить его титула. Если он не воспользуется случаем, промешкает и ничего не предпримет, то ему недолго оставаться наследником.

Объяснения Янь Уши потрясли Шэнь Цяо до глубины души. Он долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– Наследный принц – его родной сын, не может быть, чтобы...

Но он осекся на полуслове, вдруг вспомнив Юй Ая и ту дружбу, что некогда царила между ними. Разве взаимная приязнь братьев по учению была меньше приязни между императором и его сыном? Однако же Юй Ай не колеблясь под-

мешал ему яд «Радость от встречи». А правящие дома тем более исстари славились безжалостностью, так что наследный принц вполне способен пойти на отцеубийство.

– А-Цяо, ты вовсе не глуп, – вздохнул Янь Уши, – но твое мягкосердечие слишком уж мешает тебе. И в людях, и в их поступках ты всегда склонен видеть только хорошее, вместо того чтобы подумать и о темной стороне. Что бы ты делал без меня?

«Жил бы спокойно!» – чуть не брякнул Шэнь Цяо.

Разумеется, будучи человеком учтивым и благородным, он не мог сказать такого вслух, однако замечание главы Яня заставило даоса задуматься над вопросом, с которого и началась эта беседа.

Разыгрываемая партия не могла не вызвать восхищения – в ней не было ни одного случайного хода. Стоит Янь Уши покинуть сей бранный мир, как школа Чистой Луны останется без руководства, а значит, две другие несправедливые школы не преминут напасть на нее. Бянь Яньмэй, уйдя с головой в хлопоты по спасению Чистой Луны, где-то да допустит оплошность в охране Юйвэнь Юна. Как бы ни был Бянь Яньмэй хитер и предусмотрителен, он не может в любое время оказаться рядом с императором – чего не скажешь о его жене и сыне. Если императрица или наследный принц хотят избавиться от государя, использовать их куда удобнее, чем подсылать убийцу со стороны.

Шэнь Цяо дважды кашлянул.

– А почему Ханьчжун?

– Там сейчас расположился с войсками циский князь, Юйвэнь Сянь, – ответил Янь Уши. – Сперва разведаем обстановку, а уже потом отправимся в Чанъань.

Шэнь Цяо понял ход его мысли.

Янь Уши опасался, что Юйвэнь Юну несдобровать, и потому хотел заранее подготовить пути к отступлению. Наследный принц привечал последователей буддизма и не питал добрых чувств к школе Чистой Луны. Янь Уши, в свою очередь, тоже недолюбливал Юйвэнь Юня, потому-то и решил сделать ставку на владыку Ци Юйвэнь Сяня. Вероятно, в прошлом школа Чистой Луны оказала Юйвэнь Сяню немало благодеяний.

Наставник Сюэтин решит, что они направятся в Чанъань, прочие наверняка будут того же мнения. Пожалуй, никому и в голову не придет, что они, напротив, пойдут в Ханьчжун.

Хитрый заяц три норки имеет – так и Янь Уши не было равных в искусстве найти лазейку и ускользнуть.

В горах темнеет рано – солнце еще только клонилось к закату, а густая листва над пещерой уже поглотила последний лучик света. Внутри потрескивал костер, худо-бедно разгоняя холод весенней ночи.

Но Шэнь Цяо не совершенствовался. Он спал.

Последний поединок с наставником Сюэтином дорого обошелся ему: он получил немало повреждений. И хотя его хранила истинная ци, взлелеянная «Сочинением о Киновар-

ном Ян», он все равно оставался смертным из плоти и крови. Слишком уж велика была разница между мастерством его и наставника Сюэтина, так что его ранам не суждено было зажить за пару дней. К тому же ночью даоса начинала терзать горячка, лоб раскалялся докрасна, и Шэнь Цяо проваливался в кошмары.

Видения были странными, беспорядочными, самые разные люди чередой сменяли друг друга, и Шэнь Цяо никак не мог вырваться из плена жуткого сна.

Вот учитель, которым Шэнь Цяо всегда восхищался и которого так любил, держит в руке Скорбь гор и рек с приставшими к лезвию перьями и вопрошает Шэнь Цяо, зачем он обдирал птицу мечом. Уязвленный несправедливой обидой Шэнь Цяо ответил: «Учитель, это сделал Янь Уши».

Ци Фэнгэ схватил Шэнь Цяо за подбородок, заставляя поднять голову, и поднес меч прямо к его лицу.

«Что еще ты видишь на лезвии? Говори!» – сурово потребовал он ответа.

Опешив, Шэнь Цяо взглянул на клинок и увидел, что к металлу пристали черные волоски. Тут же с языка само собой сорвалось: «Учитель, так вы и в самом деле брились „Скорбью гор и рек“?»

«Наглец! Бесстыдник! – в гневе закричал Ци Фэнгэ. – Никаких сомнений, что это ты непочтительно отнесся к мечу учителя, а еще пытаешься возводить напраслину на других! Только вчера я наставлял тебя в честности, а сегодня ты уже

злостно лжешь! Видно, без наказания не обойтись!»

«Ученик признает вину!» – невольно выкрикнул Шэнь Цяо, вздрогнув от испуга.

Но Ци Фэнгэ как будто не услышал его покаяния. Он велел ему лечь, а сам взял огромный валун и поставил на ученика, прижимая того к земле. «Раз виноват, то должен понести наказание, – произнес Ци Фэнгэ. – Оставайся здесь и не смей вставать без разрешения учителя».

Шэнь Цяо даже предположить не мог, как учитель додумался до столь диковинного наказания. Он чувствовал боль в груди, сдавленной камнем, ему не хватало воздуха, он едва дышал. Не выдержав, он поспешно взмолился: «Учитель, снимите камень!»

Но Ци Фэнгэ пропустил его мольбу мимо ушей. Он развернулся и пошел прочь, уходя все дальше и дальше, пока и вовсе не скрылся из виду.

«Ученик признает вину... Учитель, не уходите...»

Шэнь Цяо опустил веки, губы вытянулись в нитку.

«Как же больно...» – простонал он.

Его бормотание услышал Янь Уши. Он открыл глаза, поднялся и склонился над спящим, вглядываясь в его лицо. В неверном свете костра виднелись слезы, притаившиеся в уголках глаз даоса: тот плакал во сне.

Янь Уши протянул руку и коснулся его щеки – пальцы его увлажнились. Казалось бы, слезы еще не должны были остыть, но они были холодны как лед. Не иначе в детстве

Шэнь Цяо купался в любви и заботе – как еще объяснить, что он вырос таким мягкосердечным и отзывчивым?

Так думал Янь Уши, глядя на него. Шэнь Цяо тем временем что-то по-прежнему снилось, и вдруг Янь Уши услышал, как тот бормочет:

– Се Лин...

Янь Уши застыл. На миг лицо его исказила бесчеловечная гримаса – словно треснула маска, скрывавшая его истинный облик. Следом на нем замелькали самые разные выражения: жестокое, отчужденное, ласковое – словно тысячи обликов наперегонки спешили проявить себя, безраздельно завладеть телом. То было жуткое зрелище.

Внутренняя ци Янь Уши забурлила, ток ее нарушился, и она беспорядочно хлынула по меридианам – точь-в-точь как перед теми приступами безумия, что накрывали Янь Уши после поединка с пятью мастерами, – верный признак искажения ци. Янь Уши закрыл глаза.

Немного погодя он вновь открыл их и склонился над спящим, вслушиваясь в весь тот бессвязный сонный лепет, что рвался из уст Шэнь Цяо.

Даос же лежал в полузабытии – в голове его словно натянулась до предела какая-то струна, он кричал в попытке проснуться, но веки как будто прочно склеились, и, как он ни старался, у него не получалось распахнуть глаза.

Вдруг Шэнь Цяо почувствовал, что задыхается, но давление приходилось не на прижатую камнем грудную клетку, а

на рот и нос. От этого Шэнь Цяо наконец проснулся.

– Выдающийся мастер боевых искусств, грозный настоящий горы Сюаньду – не может ни вдохнуть, ни выдохнуть! Видел бы тебя кто из цзянху – животики надорвал бы со смеху! – прозвучал насмешливый голос. Он раздавался не то вдалеке, не то совсем близко, но на самом деле Янь Уши говорил ему прямо в ухо.

Поначалу растерянный, еще затуманенный сном взгляд Шэнь Цяо обрел осмысленность, и даос тут же нанес удар.

– Ай-яй! – Янь Уши отпустил Шэнь Цяо и отстранился. – А-Цяо, это я, Се Лин!

Шэнь Цяо замер и, сердито нахмурившись, впился в него взглядом.

Янь Уши же мягко повторил:

– Я Се Лин. Ты не узнаешь меня?

Не проронив ни слова, Шэнь Цяо вновь занес руку.

Янь Уши ловко перехватил удар и с изумлением в голосе продолжил:

– Ты, видно, не до конца проснулся, раз готов избить даже Се Лина?

Шэнь Цяо рассердился пуще прежнего.

– Се Лин никогда не звал меня А-Цяо!

Янь Уши фыркнул со смеху:

– И то верно, я совсем позабыл, он же звал тебя красивым братцем. Вот только у меня язык не поворачивается так тебя величать. Когда ты слышал, что тебя зовет Се Лин, то, вер-

но, обрадовался в глубине души, хоть и не подал виду?

– Что за вздор! – Шэнь Цяо отвернулся.

Янь Уши потрепал его по щеке и, сочтя, что нужно уметь вовремя остановиться, пока даос не дал сдачи, в мгновение ока переместился на целых три чи.

Шэнь Цяо хотел было встать, но его порыв растревожил внутренние раны, и он зашелся долгим кашлем, прижимая руку к груди. Лишь спустя какое-то время боль понемногу отступила, и он гневно проговорил:

– Уже столько времени прошло, а вы... опять за свое!

Янь Уши не сдержался и покатился со смеху:

– А-Цяо, ну что ты за прелесть! Даже браниться не умеешь!

Даос рассвирепел, закашлялся, лицо его побагровело от гнева, слезы брызнули из глаз.

Осознав, что Янь Уши разозлил его нарочно, себе на потеху, Шэнь Цяо постепенно успокоился.

– Если вы снова меня прогневаете, то мои раны будут заживать медленнее, – предупредил он. – И если в пути мы столкнемся с убийцами, то я едва ли смогу вас защитить.

– Невелика беда! – рассмеялся Янь Уши. – Я знаю, как нам этого избежать.

– И как же? – спросил Шэнь Цяо в недоумении.

– Ты ведь в прошлый раз нарядил меня женщиной, – ответил Янь Уши. – Хитрый и весьма надежный способ скрыться от недругов! Так почему бы нам с тобой и на сей раз не

поступить таким образом? Возьмем повозку и прикинемся, что направляемся в Ханьчжун погостить у родных. Так мы наверняка всех проведем.

Едва заслышав это, Шэнь Цяо понял, что после того случая Янь Уши наверняка затаил на него обиду. Хотя тогда Демонический Владыка еще не оправился и в женскую одежду наряжался «Се Лин», все «личности» ютились в одном теле, и Янь Уши не мог не знать о происходящем.

Шэнь Цяо сморгнул и попытался перевести беседу в иное русло.

– Как сейчас вы себя чувствуете?

– Ты хочешь узнать, как дела у Се Лина? – ответил Янь Уши вопросом на вопрос.

– Мгм, – немного погодя откликнулся Шэнь Цяо.

Ему внезапно вспомнился только что увиденный кошмар. Сначала ему снился учитель. Вероятно, из-за поврежденной грудной клетки Шэнь Цяо пригрезилось, будто Ци Фэнгэ кладет на него валун. То был странный и нелепый сон, но причина его могла крыться в том, что в глубине души Шэнь Цяо слишком тосковал по учителю. На горе Сюаньду и в самом деле приходилось упражняться до изнеможения, но покровительство учителя было подобно дереву высотой до самого неба, что защищало учеников от любого зла внешнего мира. Пройдя сквозь бесчисленные опасности, пережив множество невзгод, Шэнь Цяо вспоминал прежние годы и все больше тосковал по временам, когда учитель был жив, а

братья по учению казались ближе родных, ибо всех их связывала крепкая дружба. То были поистине беззаботные дни, когда он не знал ни тревог, ни печалей, а все его помыслы были направлены лишь на неустанное совершенствование в боевых искусствах.

После учителя ему снились всевозможные отрывки из последующей жизни, чередой сменяли друг друга люди, которых он некогда повстречал, но после пробуждения из них всех ему вспомнился лишь один – Се Лин.

И тут Янь Уши спросил:

– А-Цяо, лелеешь ли ты надежду, что Се Лин еще существует?

Шэнь Цяо не нашелся с ответом. Если Се Лин, одна из «личностей», отколовшихся от Янь Уши, когда тот впал в безумие из-за искажения ци, еще существовал, это само по себе означало, что Янь Уши до конца не исцелился.

Видя его замешательство, Янь Уши слегка улыбнулся:

– Если да, то вынужден тебя разочаровать. Хотя я пока и не устранил изъян в Демоническом сердце до конца, но сумел подавить причины перемены моего нрава и искажения ци. Ты больше никогда не увидишь Се Лина.

Шэнь Цяо замер и ничего не ответил, лишь глаза его медленно наполнились печалью.

Он закутался в верхнее одеяние и так и застыл, сидя на земле. Очаровательный и притом несчастный, он напоминал осиротевшее дитя, у которого никого не осталось на всем бе-

лом свете.

Однако Янь Уши хорошо знал, что хрупкая оболочка скрывает крепкую сердцевину, которая выдержит тяжелейшие испытания. Прежде он из злонравия пытался содрать многослойный панцирь этого человека, дабы посмотреть, останется ли сокрытое под ним естество неизменным после стольких мучений. Но теперь в душе его зашевелилось странное чувство. Неужели несмотря на то, что он задушил в себе Се Лина, тот все равно оставил на его душе отпечаток?

Но даже если так, – холодно усмехнулся про себя Янь Уши, – что с того? Знай, Се Лин: Шэнь Цяо, который тебе так дорог, рано или поздно забудет о твоём существовании, а ты никогда больше не сможешь прорваться к нему.

Шэнь Цяо не знал, какие мысли роятся в голове Демонического Владыки. Довольно долго он сидел, не произнося ни слова, но наконец тихонько вздохнул и сказал:

– Я устал. Посплю еще немного.

Вид у него был болезненный. Он лег обратно на землю и свернулся калачиком, пытаясь согреться – ему и впрямь нездоровилось, к тому же верхнее одеяние было слишком тонким. Он лежал к спутнику спиной, и тот не видел его лица.

Янь Уши подошел к нему, но Шэнь Цяо не шелохнулся.

Тогда тот потянулся к его лицу, и, хотя Шэнь Цяо оттолкнул руку, кончиком пальца Янь Уши успел задеть его, неожиданно ощутив влагу.

– Ты плачешь? – удивился Янь Уши. – О чем тут плакать? Се Лин – лишь осколок души, тень, его и человеком-то не назовешь.

– Пусть для вас он тень, – печально ответил Шэнь Цяо, – но для меня он человек, когда-то живший на свете.

Янь Уши усмехнулся.

– Верно, потому что он вернулся за тобой тогда, в подземельях?

Шэнь Цяо не удостоил его ответа.

Янь Уши считал, что из всех его «личностей» слабый и наивный Се Лин меньше всего походил на него самого. Но оказалось, что именно этот осколок больше всего пришелся Шэнь Цяо по душе.

Подумав об этом, он скривил лицо в гримасе неудовольствия и с едва слышной насмешкой в голосе заговорил:

– Ты такой мягкосердечный, а еще собираешься когда-нибудь стать моим соперником и выйти против меня на поединок! Боюсь, с таким настроением тебе никогда не достичь вершин мастерства в боевых искусствах!

Повисло долгое молчание. Наконец Шэнь Цяо спросил:

– Что же, по мнению главы Яня, вершина мастерства в боевых искусствах? Кто ее достиг? Мой учитель Ци Фэнгэ, Цуй Юван или, быть может, Тао Хунцзин?

С Се Лином даос разговаривал мягко и ласково, но, обращаясь к человеку, стоявшему сейчас напротив, выбрал холодное «глава Янь».

Подавив недовольство, Янь Уши холодно сказал:

– Их мастерство было велико, но, пожалуй, и они не достигли вершины.

Рассуди так кто иной, и его бы сочли самонадеянным, но до искажения ци боевое искусство Янь Уши лишь немногим уступало мастерству всех троих. Он по праву мог так говорить.

– Верно, – согласился Шэнь Цяо. – Путь постижения боевых искусств не имеет конца, и потому разве можно говорить о вершине? Как бы ни был бездарен сей ничтожный даос, но и он знает, что мягкосердечие и успехи в боевых искусствах никак не связаны между собой. У главы Яня свой путь, у меня – свой. Сказано: «Чего не желаешь себе, не делай и другим»⁶. Я оплакиваю старого друга и печалюсь по нему всей душой – но какое до того дело главе Яню? Я прошу вас вести себя достойно, только и всего.

Янь Уши про себя удивился пуще прежнего. Шэнь Цяо знал Се Лина считанные дни, виделся с ним и того реже и даже не ведал, отчего он носит такое имя. О какой старой дружбе может идти речь?

В глубине души он лишь криво усмехнулся, но отбросил показную суровость и примирительным тоном заговорил:

– Полно тебе. Нам с тобой сейчас друг без друга не обойтись, а я лишь хотел завязать праздную беседу. Почему ты

⁶ Чего не желаешь себе, не делай и другим – Шэнь Цяо цитирует Конфуция, «Лун Юй» («Суждения и беседы»), глава XII (приводится в пер. П. Попова).

так рассердился?

Вместо ответа Шэнь Цяо поплотнее закутался в верхнее одеяние и натянул его на голову, тем самым недвусмысленно давая понять, что разговор окончен. Янь Уши был обескуражен.

За всю ночь они больше не перемолвились ни словом.

Наутро Шэнь Цяо проснулся рано, но, когда он открыл глаза, Янь Уши уже умывался в ручье, протекавшем через пещеру. Почувствовав на себе взгляд даоса, Демонический Владыка со смехом попросил:

– А-Цяо, одолжи-ка мне Скорбь гор и рек.

Он казался приветливым и пребывал в хорошем расположении духа, вчерашнего неудовольствия словно и не бывало.

Шэнь Цяо насторожился.

– Вчера вы не убрали перья до конца, – осторожно ответил он. – У меня от них до сих пор живот болит.

– О-о, – протянул Янь Уши. – Просто я не знал, что перья лучше выщипывать руками. Я больше не буду делать это мечом.

Но Шэнь Цяо это не успокоило.

– Если вы собрались поохотиться, лучше схожу я, – сказал он. Но стоило ему подняться на ноги, как снова вернулась тупая боль за грудиной.

Заметив, что Шэнь Цяо нахмурился, пересиливая недоумование, Янь Уши мягко продолжил:

– Ты пострадал из-за меня, так что мне и идти. Как бы то

ни было, меч мне нужен не для того, чтобы брить птицу.

Шэнь Цяо не верил, что всего за одну ночь в сердце главы Яня может зародиться хоть крупица благодарности. Однако он помнил, что теперь силы Янь Уши далеко не те, что прежде, и, если тот столкнется с опасностью, то ему, по крайней мере, будет чем отбиться. Рассудив так, он передал ему клинок.

Забрав меч с собой, Янь Уши удалился, но, прежде чем уйти, заботливо принес Шэнь Цяо в скрученных листьях воду для умывания.

Стояла ранняя весна. Когда ледяная вода коснулась щек даоса, разум его прояснился. Нефритовая цистанхе и вправду оказывала необыкновенное действие – пусть грудина еще не срослась до конца, после сна ему стало гораздо лучше, а боль при дыхании значительно уменьшилась.

Он сел в позу лотоса и снова сосредоточился на токе ци, дабы ускорить выздоровление. Так он провел половину дня, пока не вернулся Янь Уши.

– Вы спускались с горы? – удивился Шэнь Цяо.

– Нет, я просто тщательно осмотрел окрестности, – пояснил Янь Уши. – Если не случится ничего непредвиденного, то сегодня вечером и спустимся.

Шэнь Цяо кивнул. Увидев в руках у Янь Уши две рыбины, насаженные на ветки, он спросил:

– Почему рыба такая большая?

– Потому что весной идут дожди, все растет – и рыба не

исключение, — ответил он.

Вдруг Шэнь Цяо заподозрил неладное.

— Как вы избавились от чешуи и потрохов?

— С помощью твоего меча, для того и просил, — откликнулся Янь Уши, даже не повернув головы.

— Скорбь гор и рек не для того, чтобы соскабливать чешую! — рассердился Шэнь Цяо.

— А-Цяо, — со вздохом начал Янь Уши, — какой же ты непоследовательный. Ты запретил обдирать этим мечом перья, и я повиновался, но ты не запрещал соскабливать им чешую. Кроме того, разве не окажется в конце концов половина этой рыбыны у тебя в животе? Неужто из-за того, что клинок пропах рыбой, ты не сможешь в бою войти в пределы «сердца меча»?

Весь его вид явственно говорил: «Ты опять нарочно затеваешь ссору, но, к счастью, я человек терпеливый и великодушный». Шэнь Цяо рассвирепел так, что чуть не схватился за ближайший камень, чтобы швырнуть его прямо в Янь Уши.

Глава 29

Погоня

Лучшие ткани во всем уезде Тунгу⁷ продавались в лавке госпожи Фан. По крайней мере, так считали все в округе, и сама госпожа Фан придерживалась того же мнения.

Она была молода – ей еще не исполнилось и тридцати, – однако уже десять с лишним лет как овдовела. Выйдя замуж совсем юной, она и двух лет не прожила с супругом, как тот внезапно заболел и скончался. Госпожа Фан тогда как раз носила под сердцем дитя, родившееся уже после смерти мужа. Свекор и свекровь, чувствуя за собой вину перед молодой женщиной, дали ей денег на открытие лавки. Потом старики друг за другом умерли, наследство перешло к деверю, но тот оказался человеком бездарным, дела вести не умел и за несколько лет растратил все состояние подчистую. В лавке госпожи Фан прибыль же, наоборот, с каждым годом только росла, и теперь она вела торговлю не только в уезде Тунгу, но и открыла лавку в крупном городе Фэнчжоу⁸, что находился в уезде Лянцюань.

Госпожа Фан горячо любила родные места – даже обзаве-

⁷ *Тунгу* – уезд находился на территории совр. провинции Ганьсу.

⁸ *Фэнчжоу* – округ, существовавший во времена Северных и Южных династий на территории совр. провинции Шэньси, включал в себя уезд Тунгу.

дьясь собственностью в Лянцюане, она по-прежнему жила в Тунгу. В тот день она встала рано и направилась в одну из лавок проверить, как идет торговля. Услышав, что пришла хозяйка, приказчик поспешил выйти и поприветствовать ее.

Но тут в дверях появился еще один человек.

– Просим нас извинить, дорогой гость, – с улыбкой шагнул ему навстречу приказчик, – но к нам пожаловала хозяйка проверить счета, и пока мы не...

Но на середине фразы он запнулся и замолчал, не в силах вымолвить больше ни слова, – настолько пугающим был весь вид гостя.

Янь Уши приподнял брови.

– ...не работаете? – закончил он за приказчика.

Госпожа Фан отодвинула работника в сторону и, очаровательно улыбаясь, обратилась к посетителю:

– Лавка открыта, отчего же нам не работать? Приношу глубочайшие извинения за неучтивость моего подчиненного. Чем могу вам услужить? Можем предложить готовые платья, можем сшить на заказ – любого покроя по желанию господина. Ежели изволите выбрать ткань, управимся не больше чем за два дня.

Она занималась торговлей больше десяти лет и считала, что кругозор у нее куда шире, чем у обыкновенной замужней женщины, что целыми днями сидит на своей половине. Однако при виде посетителя госпожа Фан вдруг осознала, сколь мало она повидала в жизни – точно человек, что смот-

рит на небо со дна колодца. Облик и манеры этого господина недвусмысленно говорили, что перед ней человек незаурядный. Пожалуй, не то что начальник уезда, даже начальник округа ему в подметки не годился!

Какой торговец станет запира́ть двери перед покупателем, тем более таким представительным? И какое женское сердечко не растаяло, не затрепетало бы, как испуганный олененок, при виде такого мужчины?

Госпожа Фан была сама любезность — даже улыбалась искреннее обычного.

Изначально Янь Уши собирался зайти и купить две перемены платья, но, выслушав хозяйку, передумал.

Надобно сказать, что за полмесяца до того Янь Уши и Шэнь Цяо покинули пещеру, спустились с гор и направились на юг. В уезд Тунгу округа Фэнчжоу, что находился недалеко от Ханьчжуна, они добрались только вчера и решили остановиться передохнуть.

Шэнь Цяо по природе своей любил покой. Если на постоялом дворе у него выдавалось свободное время, то он посвящал себя упражнениям и совершенствованию и ничуть не сетовал на скуку. Янь Уши же в одиночку выходил на прогулки.

Безопасности ради им следовало бы до прибытия в Чань-ань держаться подальше от людных мест и не попадаться никому на глаза, однако, в сущности, это было невозможно. Приходилось останавливаться на постоянных дворах, чтобы

поесть и переночевать, да и не в обычае Янь Уши было трусить перед лицом возможной опасности.

– Значит, и готовые женские наряды у вас тоже есть? – спросил он.

– Есть, разумеется, есть! – заверила его госпожа Фан – улыбка не сходила с ее лица, однако в глубине души она немного разочаровалась.

Едва ли сей дерзкий и своевольный красавец дал бы собой помыкать кроткой деве. Так для какой такой барышни он самолично покупает наряд?

– Господин желает приобрести наряд для дражайшей половины или для сестры? Или же для старших родственниц? – продолжила расспросы госпожа Фан.

– Какая разница? – удивился Янь Уши.

Госпожа Фан засмеялась:

– Видно, господин, вы никогда не покупали женщинам наряды, а ведь это целая наука! Если выбираете платье для старшей родственницы, нельзя, чтобы цвет был ярким, лучше брать что-то сдержанное, и чтобы вышивки было поменьше. Если хотите сделать подарок для младшей сестры, то можно взять розовую ткань или светло-зеленую, цвета молодой ивы. Такой наряд украшают вышивкой в виде бабочек, роз и тому подобного, а вот на одежде женщин в возрасте подобные рисунки будут выглядеть легкомысленно.

– А если я хочу взять наряд для дражайшей половины? – поинтересовался Янь Уши.

Госпожа Фан умело скрыла еще большее разочарование, постигшее ее при словах покупателя, и ответила:

– Для дражайшей половины следует выбирать расцветку и крой, что ей нравятся. Не подскажите, господин, какой цвет она предпочитает?

Янь Уши ненадолго задумался.

– Небесно-голубой?

– Небесно-голубой не всем к лицу, – заметила госпожа Фан. – Разве что у вашей половины белоснежная кожа.

Янь Уши улыбнулся.

– Кожа и впрямь очень светлая.

– В таком случае желает ли господин приобрести готовое платье или взять отрез и заказать наряд? – продолжила госпожа Фан. – Если изволите выбирать из готового, то есть наряды разных размеров. Какого роста госпожа?

Янь Уши хотел только поквитаться с Шэнь Цяо – пускай даос на себе испытает, каково ходить в женском платье. Но беседа с госпожой Фан раззадорила его.

– На полголовы ниже меня, телосложение более худощавое.

– Всего лишь на полголовы ниже вас? – изумилась госпожа Фан. – Для женщины она весьма высокая. Пошлю слуг поискать, но даже не знаю, найдется ли у нас подходящий размер. Желаете ли выбрать крой и украшения на платье?

Янь Уши приподнял брови и оценивающе осмотрел женщину с ног до головы.

– Что до кроя и украшений, мне нравится то платье, что сейчас на тебе, – проронил он.

Под его взглядом сердце госпожи Фан так и заколотилось, глаза заблестели. Прикусив губу, она рассмеялась:

– Господин, я вам правда нравлюсь?

Она стояла так близко к Янь Уши, что их тела почти соприкасались.

Лукавые заигрывания хозяйки с гостями явно были не в диковинку приказчику с продавцом – они к тому времени уже давным-давно скрылись из виду, плотно притворив за собой двери лавки.

Усмехнувшись, Янь Уши приподнял голову женщины за подбородок, а сам, не сводя с нее глаз, наклонился к ней, словно желая поцеловать.

Госпоже Фан казалось, будто вот-вот что-то случится. Щеки ее заалели, дыхание сделалось жарким, тело обмякло, колени подогнулись...

– Жаль только, что, хоть платье и красивое, сама ты страшенькая. Только ткань зря перевела.

Лицо госпожи Фан застыло, она как будто оцепенела от услышанного. Лишь когда Янь Уши отошел от нее на несколько шагов, она словно очнулась ото сна. Побелев от злости, она скрипнула зубами.

– Сегодня мы не работаем. Господин, прошу вас удалиться!

Что может быть обиднее для женщины, чем услышать, что

она уродлива? Больше всего ей хотелось сказать гостю, чтобы он катился куда подальше, но торговому люду как никому другому известно, что дружелюбие – верный путь к богатству, а госпожа Фан не желала лишних неприятностей, у нее и без того хватало хлопот. Женщина кипела от гнева, но понять это можно было лишь по тому, как едва заметно вздымалась и опускалась ее грудь под расшитой тканью платья.

Янь Уши скривил губы в усмешке.

– Не получилось соблазнить меня, так гневом прикрываешь смущение?

Он достал откуда-то увесистый кошель и положил на стол.

– У того, кто столь легко выходит из себя, торговля едва ли хорошо пойдет, – заметил он. – А будешь долго хмуриться – быстрее состаришься.

– Какой же у вас ядовитый язык, господин! – сердито ответила госпожа Фан. – Видно, вашу дражайшую половину всю жизнь преследует невезение, раз ее угораздило стать вашей возлюбленной!

С этими словами она схватила кошель, чтобы швырнуть его обратно гостю, но стоило госпоже Фан поднять его со стола, как она резко изменилась в лице.

На столе остался отпечаток кошелья.

Даже тяжелый камень не смог бы оставить вмятину на столешнице из красного дерева, что уж говорить о каком-то кошеле с монетами. Тут-то госпожа Фан и поняла, что столк-

нулась с человеком поистине необычайным, выдающимся мастером боевых искусств. На мгновение настоящая буря чувств отразилась на ее лице, но в конце концов победила любезная улыбка.

— Вельможный господин, вы, несомненно, великодушны и не станете держать зла на невежественную женщину. Вы желаете приобрести небесно-голубое платье, верно? Я немедленно велю отыскать для вас подходящий наряд!

Впрочем, что бы госпожа Фан ни говорила, про себя она уже возненавидела Янь Уши лютой ненавистью и проклинала его на чем свет стоит, желая, чтобы его возлюбленная оказалась ему неверна и поскорей его бросила.

Но Янь Уши не мог прочесть ее мысли, а если и догадывался, о чем она думает, то его ничуть это не волновало. Расплатившись за платье и велев отнести покупку на постоянный двор, он налегке вышел из лавки, оставив госпожу Фан в бессилии скрежетать зубами.

На улицах уездного городка было куда спокойнее, чем в окружных столицах, но и здесь нескончаемым потоком спешили по своим делам прохожие. Пройдя несколько десятков шагов, Янь Уши вдруг остановился и насмешливо спросил:

— Кто это, как трусливая домашняя крыса, таится в норке и носа не смеет высунуть?

Он говорил тихо и медленно, однако слова его громом отдались в ушах всех людей вокруг. Не зная, что происходит и чего еще ожидать, оправившись от испуга и наудивлявшись

вдоволь, народ поспешил разойтись, дабы ненароком не попасть в беду.

Янь Уши непринужденно заложил руку за спину, запрокинул голову и проводил взглядом птиц, летящих по небу. Вид у него был самый безмятежный.

– Мой учитель так горевал, получив вести о гибели главы Яня от рук пяти великих мастеров! Но оказалось, что глава Янь – поистине выдающийся человек, даже после такого нападения он остался в живых. Им и вправду нельзя не восхищаться!

Зазвенел нежный смех – не понять было, откуда он доносился: то переливался где-то вдалеке, то раздавался над ухом. Лишь на последнем слове на крыше справа от Янь Уши вдруг показалось красное платье. Но тот даже не взглянул в сторону девушки и продолжил ровным тоном:

– Что ж, явиться вы явились, а все равно ходите вокруг да около. Сразу видно – выкормыши Обоюдной Радости! Неудивительно, что вы служили империи Ци. А теперь империя Ци пала, и вы скитаетесь по Поднебесной, как бесприютные псы. К кому теперь пойдете на поклон?

– Рассуждения главы Яня попросту смешны – как будто школа Чистой Луны праведна да благородна! Если на то пошло, разве Чистая Луна не служит Юйвэнь Юну? Как жаль, что ему осталось недолго, а без твоего покровительства ученики и слуги позавидуют и бесприютным псам!

Разразившись в завершение речи ледяным хохотом, пря-

мо перед Янь Уши появился еще один человек. Окажись сейчас рядом Шэнь Цяо, он бы сразу его узнал – то был Сяо Сэ, от которого даос защищал Юйвэнь Цина.

– Если они настолько бездарны, что не смогут и дня прожить без моего покровительства, так пусть подышают, да побыстрее – меньше хлопот будет! – Янь Уши поглядел на Сяо Сэ и покачал головой. – Значит, это ты. Сему почтеннейшему поистине жаль бедняжку Юань Сюсю – взрастить такого неблагодарного ученика, который только и знает, что целыми днями якшается с людьми Сан Цзинсина! Но и он тоже хорош – у его бывшего ученика Хо Сицзина хоть и не хватало мозгов сообразить, как себя следует вести, но зато боевыми искусствами он владел вполне терпимо. А у тебя не только ума нет, так еще и в боевых искусствах ты бездарь! Как я посмотрю, в школе Обоюдной Радости каждое поколение только хуже предыдущего.

Сяо Сэ зло рассмеялся:

– Глава Янь остер на язык, вот только как бы не пришлось ему в скором времени пасть на колени и молить о пощаде!

Среди мастеров вольницы-цзянху Сяо Сэ и Бай Жун по праву считались одними из лучших. Если они объединят усилия, то Янь Уши, не до конца оправившемся после перенесенных ран, будет нелегко им противостоять. Однако Янь Уши сосредоточился не на них, а на том, кто медленно приближался к нему сзади.

– И сколько же вы тут поджидали сего почтеннейшего? –

поинтересовался он.

– До нас дошли слухи, будто наставник Сюэтин навестил главу Янь в Вэйчжоу, – сладким голоском заговорила Бай Жун. – Вот только затем потерял его след. Тогда старейшина Янь сказал, что Демонический Владыка наверняка направится в Чанъань, но не пойдет короткой дорогой, желая скрыться от недругов. Поэтому-то мы нарочно отправились окольным путем и принялись ждать в Фэнчжоу. И все оказалось так, как и предполагал старейшина Янь!

– Но не досадуйте на себя, глава Янь. Даже пойдя вы иной дорогой, вас бы это не спасло. В Ханьчжуне вас ждут последователи Союза Вездесущих, а в Янчжоу – тюрки. Вы окружены – силки на небе и сети на земле, деваться вам некуда. Слишком уж много врагов вы нажили себе, и теперь само Небо жаждет вашей гибели. Явись сейчас на вашу защиту какой-нибудь бессмертный небожитель – и он не смог бы ничем вам помочь.

Эти слова принадлежали старейшине школы Обоюдной Радости Янь Шоу. Шаг за шагом он медленно подходил к Янь Уши со спины, ступая уверенно, но неторопливо. Он не сводил взгляда с противника, точно гепард, в любой миг готовый броситься на добычу и растерзать ее в клочья.

– Бессмертный небожитель? – расхохотался Янь Уши. – Сей почтеннейший никогда в них не верил!

Надо сказать, что имя Янь Уши по-прежнему наводило ужас на его врагов, однако им было известно, что он пере-

жил нападение пяти величайших мастеров Поднебесной и сильно пострадал: пусть и не лишился всех своих умений, но его боевое искусство уже никогда не будет прежним. Потому троице с избытком должно было хватить сил, чтобы одолеть Янь Уши, даже без участия еще не подросшего Сан Цзин-сина. Умом адепты Чистой Луны понимали все это, но по-прежнему не шевелились.

Когда-то Янь Шоу уже потерпел поражение от руки Янь Уши и сейчас чувствовал себя неуверенно. Да и сюда он явился вовсе не для того, чтобы стереть с лица земли злейшего врага родной школы, а ради цзюани «Сочинения о Киноварном Ян», что, по слухам, попала к Демоническому Владыке. Прошлая безоговорочная победа Янь Уши произвела на Янь Шоу неизгладимое впечатление, и потому теперь, при виде невозмутимого и непринужденно державшегося главы Яня, его охватила смутная тревога.

Что до Сяо Сэ, он хоть и был личным учеником Юань Сюсю, но замыслил присвоить себе общую заслугу и преподнести голову Янь Уши Сан Цзинсину. Однако, увидев, что никто не шелохнулся, он тоже не решился взять на себя первый удар.

Вот так все четверо застыли в безмолвном противостоянии, не способные поступиться личными интересами ради общей пользы. Не могло быть и тени сомнения, что перевес сил – на стороне адептов Обоюдной Радости, и все же они не спешили нападать.

Янь Шоу прищурился – он пристально следил за малейшим движением Янь Уши, выжидая, когда же противник допустит оплошность.

И вот наконец Янь Уши перешел к действию!

Едва умолкнув, Демонический Владыка взмыл вверх – но не нацелился на стоящих перед ним Сяо Сэ и Бай Жун, не развернулся, чтобы сойтись в поединке с Янь Шоу, а взмахнул рукавами и одним прыжком устремился прямо в небо, точно белый журавль!

Сяо Сэ изменился в лице.

– Плохо дело! – воскликнул он.

Кто бы мог подумать, что могучий и грозный глава школы Чистой Луны прибегнет к столь низкой выходке, дабы сбить противников с толку?

Даже Сяо Сэ, утонченный молодой господин, всегда похвалявшийся изяществом своих манер, не выдержал и разразился бранью:

– Если в тебе есть хоть капля отваги, не смей убегать!

Откуда-то сверху донесся смех.

– Как пожелаешь!

Как будто прямо из воздуха соткался человеческий силуэт, и в мгновение ока Янь Уши предстал прямо перед Сяо Сэ. Тот не успел даже заметить начало атаки противника, а глава Янь уже метил ему прямо в грудь!

Сяо Сэ перепугался. Уклониться он не успевал – оставалось только скрепя сердце принять удар и сойтись с Янь Уши

в рукопашной схватке. Истинная ци противника устремилась на Сяо Сэ вздымающимися волнами бурливой реки и захлестнула, поглотив поток его собственной. Ци Янь Уши бушевала и бесчинствовала, под стать сумасбродному нраву своего хозяина, и Сяо Сэ переменялся в лице от ужаса.

До него доходили слухи, что во время поединка с пятью мастерами Янь Уши удалось тяжело ранить лишь потому, что Гуан Линсань сумел отыскать изъян в его Демоническом сердце. Неужто, заполучив драгоценную цзюань, Янь Уши сумел за столь короткое время не только устранить изъян, но и вывести свое мастерство на новую ступень?!

Все эти соображения промелькнули в голове Сяо Сэ быстрее молнии, он содрогнулся – и тут руку пронзила острая боль, а сам он от удара отлетел назад. Не сдержавшись, он вскрикнул: противник раздробил ему кости руки и сильно повредил грудину – казалось, на него обрушилась тяжеленная кувалда. Сяо Сэ упал на землю – рот его не переставая наполняла темно-красная кровь, которую приходилось сплевывать снова и снова.

– Шисюн Сяо, ты цел?! – испуганно пискнула Бай Жун и порхнула к нему на помощь.

Все adeпты неправедных школ думают только о себе, к тому же Бай Жун и Сяо Сэ с давних пор питали друг к другу неприязнь. Бросаться на помощь было отнюдь не в ее духе, и в других обстоятельствах при виде попавшего в беду Сяо Сэ Бай Жун бы только позлорадствовала. Однако сейчас все

ее мысли были заняты тем, как избежать боя лицом к лицу с Янь Уши, а потому она сочла, что сцена сестринской любви будет нелишней.

Янь Шоу, увидев поражение Сяо Сэ, тоже решил повременить с нападением, однако все равно настиг Янь Уши и преградил ему путь.

– Глава Янь, куда вы так спешите? Неужели у вас не найдется времени побеседовать о былом со старым другом?

– Мне бы тоже хотелось побеседовать со старейшиной Янем о былом. Не соблаговолит ли старейшина Янь уделить мне толику своего драгоценного внимания? – ответил вместо Янь Уши кто-то позади Янь Шоу.

Но тот даже не оглянулся. Одним прыжком взлетев на ближайшую крышу, он с высоты взглянул на говорившего.

– Надо же, еще одна бесприютная псина, – презрительно процедил он.

С другого конца улицы с мечом за спиной к ним неспешно приближался Шэнь Цяо. Черноволосый, высокий и стройный, облаченный в сине-зеленое одеяние, он напоминал небожителя, спустившегося в смертный мир.

– В обители Белого дракона старейшина Янь задолжал сему ничтожному даосу две жизни. Уж не знаю, помните ли вы еще тот день? – произнес Шэнь Цяо.

– Я наслышан о настоятеле школы горы Сюаньду, – ответил Янь Шоу. – Он унаследовал рясу и патру Ци Фэнгэ и в боевых искусствах не знал себе равных во всей цзянху,

но увы – одного удара Кунье оказалось достаточно, чтобы повергнуть его с горной вершины в пропасть, слава его обратилась в прах, и ему ничего не осталось, кроме как всецело положиться на покровительство Янь Уши. И, как я ныне погляжу, слухи эти вполне правдивы.

– Разве до старейшины Яня не дошли вести о том, что Кунье, собиравшийся учинить беззаконие в школе Лазоревых Облаков, что на горе Тайшань, в том не преуспел и пал от моего меча? – спокойно осведомился Шэнь Цяо.

В лице Янь Шоу мелькнула едва заметная тень удивления.

Пусть Кунье погиб, но междоусобица подкосила школу Лазоревых Облаков, и все ее силы были брошены на то, чтобы восстановиться после пережитых невзгод. Тюрки же, разумеется, не стали во всеуслышание объявлять о гибели Кунье и о том, как он нашел свою кончину. Поэтому все думали, что Кунье просто вернулся в родные земли, не подозревая, что тюрк принял смерть от руки Шэнь Цяо.

– За несколько месяцев нашей разлуки мастерство Шэнь-лана вновь возросло! Поистине радостная весть! – с нежной улыбкой на устах заговорила Бай Жун. – Вот только наша глава повелела нам во что бы то ни стало завладеть цзюанью «Сочинения о Киноварном Ян», что ныне находится в руках Янь Уши. Старейшина Сан и старейшина Баоюнь уже в пути и скоро придут сюда. Каким бы могучим ты ни стал, Шэнь-лан, боюсь, ты пока еще не в силах противостоять всей школе Обоюдной Радости. И кроме того, это дело никак тебя

не касается, так почему бы тебе не посторониться?

– Пусть остается, раз уж явился, – холодно фыркнул Янь Шоу. – К чему теперь уходить?

Янь Шоу не просто так носил прозвище Будда-Кровавые-Руки: при всей кажущейся мягкости и изяществе его манера ведения боя была свирепой и жестокой. Когда, согнув пальцы правой руки в подобие когтей, он устремился к Шэнь Цяо, тому показалось, будто вокруг завывали демоны и повеяло могильным ветром, он словно оказался в Беспросветном аду⁹, где не прекращаются мучения и резня, высятся горы трупов и разливаются моря крови, а души охвачены отчаянием и страхом.

Шэнь Цяо легким прыжком переместился назад, одновременно обнажая Скорбь гор и рек. Меч, наполненный ци, засиял, точно радуга, белый свет озарил округу, в мгновение ока подавив большую часть высвобожденной ци Янь Шоу.

Тот, в свою очередь, неотступно следовал за противником. Сложив ладони вместе, он отбил атаку Шэнь Цяо, а потом стремительно нанес еще несколько ударов. Быстрее молнии двигался он – и глазом не уследить!

⁹ *Беспросветный ад* – он же ад Авичи, в буддийской космологии самый страшный из адов, где преступники беспрерывно гибнут и возрождаются для новых мучений, пока дурная карма не будет исчерпана. Люди, обреченные на перерождение в этом аду, обычно виновны в одном из пяти тяжких преступлений (совершили преднамеренное убийство отца или матери, убийство архата – монаха, достигшего нирваны, – пролили кровь Будды, вызвали раскол в сангхе – буддийской общине).

С каждым ударом его ци обрушивалась на Шэнь Цяо с силой высокой морской волны, низвергающейся на берег. Волны эти шли одна за другой, каждая сильнее предыдущей, не оставляя противнику ни малейшей возможности уклониться!

То, что Янь Шоу не входил в десятку сильнейших мастеров Поднебесной, вовсе не означало, что он какой-то заурядный боец. За те десять лет, что Янь Уши провел в затворе, школа Чистой Луны сосредоточила свое внимание на императорском дворе Северной Чжоу, школа Зеркала Дхармы удалилась далеко в Тогон, и на Центральной равнине из неправедных школ осталась лишь одна школа Обоюдной Радости, и особенно быстро росло ее влияние в империи Ци. Янь Шоу же стоял особняком даже среди лучших ее дарованных, вплоть до того, что вел себя с Сан Цзинсином как с ровней. Столь высокое положение он обрел отнюдь не за красивые глаза.

Шэнь Цяо рубанул мечом воздух, клинок ослепительно засиял, и в мгновение ока все вокруг успокоилось – казалось, бушующее море обернулось зеркальной гладью, повсюду раскинулись грозные и величественные ледники, завыл ледяной ветер, и следом на противника обрушилась морозная ци!

Пока Янь Шоу сражался с Шэнь Цяо, остальные тоже не теряли времени зря. Сяо Сэ и Бай Жун теперь бились плечом к плечу – один нападал на Янь Уши спереди, другая тес-

нила его сзади. Их слаженные действия отрезали Демоническому Владыке все пути к отступлению. Заметив это, Шэнь Цяо, хоть и был поглощен поединком с Янь Шоу, невольно нахмурился.

Сяо Сэ и Бай Жун принадлежали к молодому поколению адептов Обоюдной Радости и после старейшин были лучшими мастерами боевых искусств своей школы. Оба они обладали одинаково прекрасными задатками и способностями, и мастерство их с каждым поединком, казалось, возрастало сразу на несколько ступеней. В особенности сказанное относилось к Бай Жун. Когда Шэнь Цяо впервые встретил ее, она едва-едва могла считаться сильным бойцом, но девушка неустанно стремилась к безупречности и в конце концов отточила «Печать голубого лотоса» до совершенства. Несмотря на прелестный облик, Бай Жун была смертельно опасным противником, от которого едва ли можно было скрыться.

Уже несколько раз девушка проявляла к Шэнь Цяо милосердие – даже сейчас она осторожно предупредила его о скором появлении Сан Цзинсина и посоветовала не лезть не в свое дело. Но даос прекрасно понимал: сочувствовать она готова только ему, для Янь Уши у нее не припасено ни капли снисхождения. Сейчас Бай Жун и Сяо Сэ вместе атаковали Демонического Владыку, каждый их свирепый удар грозил отнять у противника жизнь. Они как будто понимали друг друга без слов, неустанно сплетая вокруг Янь Уши сеть, из которой не вырваться.

Из-за внезапного могучего удара, что Янь Уши нанес Сяо Сэ, они остерегались пока сражаться в полную мощь. Один лишь Шэнь Цяо знал, что силы Янь Уши ограничены и не составляют и половины его могущества в пору расцвета. Янь Уши сумел тяжело ранить Сяо Сэ, но на деле то был его предел, и он едва-едва держался против Бай Жун, чье мастерство заметно возросло. Если так пойдет и дальше, то скоро Бай Жун и Сяо Сэ обо всем догадаются, отбросят всякую осторожность и сделают все возможное, дабы одолеть противника. Шэнь Цяо осознавал, что не сможет уследить сразу за всем, и потому ему во что бы то ни стало нужно было победить Янь Шоу.

Рассудив так, Шэнь Цяо не мешкая высвободил всю свою мощь. Прогнав все посторонние мысли, он вступил в пределы «сердца меча».

В следующий миг клинок его ярко разгорелся, озаряя белым все вокруг до самого неба, как будто разом засверкали сотни молний. Казалось, в мече Шэнь Цяо сосредоточился весь свет этого мира.

Человек был вовне меча, но сердце его – внутри, а пред «сердцем меча» все сущее – ничто!

Побледнев от ужаса, Янь Шоу поспешно опустил занесенную руку и отступил, не осмелившись встретиться с разящим лезвием лицом к лицу. Вот только если меч воссиял – обратного пути уже нет. Изливающаяся из клинка ослепительно-белая ци следовала за Янь Шоу по пятам, не желая

отставать. Мощь ее была такова, что казалось, будто все небо сотрясают громовые раскаты или десять тысяч бурливых потоков стремительно несутся с гор по камням. Пусть Шэнь Цяо впервые воплотил «сердце меча», пусть ему еще недоставало умения, но в клинке его уже крылась сила, способная перевернуть всю Поднебесную.

Шэнь Цяо взмахнул мечом, однако же не шагнул вперед, а, наоборот, отступил и развернулся, направляясь к Бай Жун.

Бай Жун с Сяо Сэ и Янь Уши стояли насмерть: противники и уступить не желали, и одолеть друг друга не могли. Будь Янь Уши так же силен, как и прежде, когда мог в одиночку победить хоть десять мастеров, он бы ни за что не очутился в таком безвыходном положении. Еще немного, и Бай Жун с Сяо Сэ неизбежно заподозрили бы неладное... Но тут мимо них порхнула сине-зеленая тень и унесла Янь Уши с собой.

Увидев, что добыча вот-вот ускользнет, все трое адептов Обоюдной Радости бросились в погоню. Из-за болезненной раны Сяо Сэ скоро отстал, а вот Янь Шоу наступал беглецам на пятки – он не собирался так просто дать им уйти.

– Спасайтесь! Ступайте в тот лес, что мы миновали на входе в город, а я задержу их! – стремительно проговорил Шэнь Цяо и, не дожидаясь ответа, подтолкнул Янь Уши в нужную сторону. Затем, с мечом наготове, он пошел навстречу трем преследователям.

Янь Уши обернулся и посмотрел на него глубоким взгля-

дом, а потом, не говоря ни слова, зашагал прочь.

Видя, что Янь Уши с вожденной цзюанью удаляется все дальше и дальше, Янь Шоу рассвирепел не на шутку. Казалось, руки его окутала кровавая тень, град ударов обрушился на вставшего у него на пути дерзкого даоса.

Однако его яростный натиск отнюдь не смутил Шэнь Цяо – напротив, теперь он сражался еще спокойнее. Ему уже не приходилось беспокоиться о Янь Уши, и потому он мог целиком сосредоточиться на поединке. Скорбь гор и рек так и гудел на ветру, а сам даос в развевающемся сине-зеленом одеянии напоминал бессмертного небожителя. Искусство «Меча Лазурной волны», улучшенное Шэнь Цяо, по-настоящему завораживало. Ци привольно разливалась во все стороны, и казалось, будто одновременно распускаются тысячи цветов, а струящийся свет оmyвает землю и небо. На краткий миг сияющая «ци меча» преградила дорогу всем трем противникам, не давая им продвинуться ни на шаг.

Янь Шоу глухо охнул. Казалось, тело его начало меняться прямо на глазах – трудно было понять, в самом ли деле его длинные тонкие пальцы превратились в смертоносные лезвия, или то была лишь иллюзия. И вдруг, безоружный, он прорвался сквозь сотканную из «ци меча» преграду и схватил Шэнь Цяо за руку!

Всю дорогу Шэнь Цяо почти летел. Сторонний наблюдатель увидел бы лишь сине-зеленую тень, что, подобно стрекозе над водой, скользила, едва опускаясь на поверхность и тотчас взмывая вверх. Мыски его почти не касались земли — он довел до совершенства цингун школы Сюаньду «Радужная тень посреди неба». Увидь его в тот миг сам Ци Фэнгэ, и он бы, пожалуй, не удержался от похвалы.

Он мчался так стремительно, что деревья, будто убежавшие назад, казались ему расплывчатыми пятнами, и даже враги, гнавшиеся за ним по пятам, пока что пропали из виду. Рукава его одежд развевались по ветру, поднятая им пыль не успевала осесть на ткани. Изяществом и легкостью движений он был подобен красивой птице... нет, он был еще прекраснее!

Но Шэнь Цяо ни на миг не ослаблял бдительности, не позволяя себе даже вздохнуть лишний раз. Он спешил, но сперва, дабы ввести врагов в заблуждение, направился в горы неподалеку от города и лишь потом спустился и повернул к убежищу, нырнув в лесок у их подножия.

Пусть лес был небольшой, но из-за близости гор зелень росла там густо и пышно, лозы тесно сплетались друг с другом, и казалось, что он отрезан от всего остального мира. Окажись там простой человек, ступи на неровную почву, ис-

пещеренную петляющими обрывистыми тропками, как лес тут же поглотит его: несчастный заблудится и вовек не найдет пути обратно.

Отталкиваясь ногами от стволов, Шэнь Цяо углубился в чащу. Хоть он и замедлил шаг, а все равно не оставлял никаких следов. Даже если враги доберутся сюда, они не поймут, вошли Шэнь Цяо с Янь Уши в лес или нет.

За то время, что даос шел по лесу, успела бы догореть палочка благовоний. Он был уже в самом сердце чащи и знал, что вот-вот доберется до деревьев у подножия. Выбившись из сил, он присел немного передохнуть.

Вдруг прямо рядом с ним возникла чья-то рука и потянулась к его запястью.

Шэнь Цяо успел ощутить чужое присутствие, отдернул руку и хотел было отступить в сторону, но, увидев, кто перед ним, остановился и с облегчением перевел дух.

– Это я, – произнес Янь Уши. Одной рукой он крепко сжал локоть Шэнь Цяо, а другой поддержал его за пояс, помогая пройти дальше в чащу. – Почему ты так долго не мог отделаться от них?

Шэнь Цяо был так измучен, что покорно принял помощь Янь Уши и оперся на предложенную руку.

– Будь их только трое, мне не о чем было бы беспокоиться, – ответил он. – Я даже намеревался убить Янь Шоу, дабы отомстить за смерть Чжу Лэнцюаня и Чу И. Но вдруг сзади на меня напал еще один мастер, даже моложе Бай Жун, оде-

тый как буддийский монах. Боевым искусством он не уступал Янь Шоу, и я понимал, что, ежели бой затянется, поражение мое неизбежно. Потому мне осталось лишь бежать при первой же возможности.

Шэнь Цяо не знал имени четвертого мастера, но Янь Уши по его описанию сразу догадался, о ком идет речь.

– Должно быть, ты говоришь о Баюэне, – пояснил он. – Он один из старейшин школы Обоюдной Радости. Любит одеваться буддийским монахом и разгуливать по белу свету с проповедями, соблазняя верующих женщин. Буддисты ненавидят его лютой ненавистью за то, что он порочит доброе имя Будды, и в последние годы они не раз пытались его убить. Поэтому-то теперь он редко показывается за стенами школы, хоть и равен по мастерству Янь Шоу.

Услышав об омерзительных деяниях сего человека, Шэнь Цяо нахмурился, на лице его явственно читалось отвращение.

– Бай Жун упомянула, что Сан Цзинсин и Баюэнь направлялись сюда. Баюэнь явился, а значит, и Сан Цзинсин где-то недалеко, – задумался Шэнь Цяо. – Нам нужно скорее уходить. Их много, сомневаюсь, что они не сумеют нас отыскать.

– Ты сможешь идти дальше? – спросил Янь Уши.

Шэнь Цяо, горько усмехнувшись, покачал головой.

– Я знаю выход, – проговорил Янь Уши.

– Хм? – откликнулся Шэнь Цяо.

Янь Уши погладил его по голове. Шэнь Цяо попытался

увернуться от чужого прикосновения, но Янь Уши не отступал, и тогда даос пристально посмотрел на него. Янь Уши едва заметно улыбнулся и изложил свой замысел:

– Из-за тебя Сан Цзинсин сильно пострадал – ты нанес ему тяжкую рану, и потому он ненавидит тебя до смерти. Однако прочие адепты Обоюдной Радости не питают к тебе столь глубокой неприязни, наоборот, сами страшатся тебя. Уходи прямо сейчас, и один. Оставь меня. Так ты ускользнешь из их силков, к тому же тебя не будет больше обременять обуза в моем лице.

Шэнь Цяо в ответ тяжело вздохнул:

– Я-то думал, вы предложите что-то дельное. Хватит пустой болтовни, сперва поднимемся на гору.

– И чем же плохо мое предложение? – удивился Янь Уши.

– Если бы я хотел вас бросить, зачем бы выжидал до сих пор? – ответил Шэнь Цяо вопросом на вопрос. – Раз решил спасти, так спасу. Недаром говорят: взялся провожать Будду, так провожай до самых западных небес. И поскольку я начал вам помогать, то теперь уж сделаю все, что смогу.

Вместе они двинулись вперед. Вот только Шэнь Цяо, который только что мчался так быстро, как никогда в жизни, совсем изнемог. Каждый шаг давался ему с неимоверным трудом. Наконец он не выдержал и сказал:

– Я и правда не в силах идти дальше. Ступайте в гору, я останусь здесь и прикрою вас.

Янь Уши рассмеялся.

– А-Цяо, ну до чего ты заботливый, просто прелесть! Ты с ног валишься от усталости. Если останешься меня прикрывать, боюсь, Сан Цзинсин тебя живьем проглотит и не заметит!

Не успел Шэнь Цяо ему ответить, как вдруг земля ушла у него из-под ног. Это Янь Уши взвалил его к себе на спину.

Такого Шэнь Цяо от него никак не ожидал и потому в первый миг обмер от неожиданности.

Янь Уши ступал быстро и легко – в скором времени они выбрались из леса и очутились у подножия горы. Но он не стал останавливаться и продолжил подъем, выбрав тропку, что вилась вокруг горы и уходила на другую ее сторону.

Молчавший всю дорогу Шэнь Цяо наконец спросил:

– Куда мы идем?

– С обратной стороны горы есть заброшенный храм, – пояснил Янь Уши. – Он скрыт от чужих глаз и пустует уже много лет.

Шэнь Цяо удивился:

– Откуда вы так хорошо знаете окрестности?

– В свое время после сражения с Цуй Юваном именно на этой горе я ушел в затвор, дабы посвятить себя совершенствованию, – пояснил Янь Уши.

Шэнь Цяо растерялся и не стал больше ни о чем спрашивать. К тому же он очень утомился. Совсем недавно ему пришлось сражаться сразу против четырех противников, и пускай Сяо Сэ, тяжело раненного Янь Уши, можно не считать,

но вот Бай Жун, Янь Шоу и Баюнь все как один были могучими бойцами. Не постигни Шэнь Цяо «сердце меча», с его нынешними силами он бы никак не сумел сбежать от них целым и невредимым.

Янь Уши шел быстро, но ровно, и уставший от тревог и забот Шэнь Цяо, сам того не заметив, задремал. Когда он вновь открыл глаза, то был уже не в лесной чаще, а в храме.

Храм и в самом деле был очень старый. В нем давным-давно никто не возжигал благовоний, курильницы и вовсе куда-то делись, а статуя Будды была сильно повреждена. Повсюду – грязь, пыль и паутина. Однако там, где пробудился Шэнь Цяо, было чисто. Он лежал на занавесях, что некогда висели меж колонн с двух сторон. Ветхая ткань местами прохудилась, но, по крайней мере, он спал не на холодном каменном полу.

Шэнь Цяо немного посидел, прислонившись спиной к стене. Хотя в последнем поединке ему удалось избежать сколько-нибудь серьезных ран, последствия сражения с наставником Сюэтином еще давали о себе знать, и потому он не мог драться в полную силу. По этой причине он не сумел убить Янь Шоу, а потом, когда в поединок вступил Баюнь, с мыслями о мести и вовсе пришлось попрощаться.

Шэнь Цяо схватился за голову и тихо вздохнул.

Касание чьей-то холодной руки застало его врасплох, он невольно вздрогнул.

– Что вздыхаешь? – Рядом с ним сидел Янь Уши, сжи-

мая шелковый свиток. Прищурившись, Шэнь Цяо взгляделся в иероглифы и убедился, что Янь Уши читал отнятую у Чэнь Гуна цзюань «Сочинения о Киноварном Ян».

Не успел он ничего сказать, как у него на глазах Янь Уши легким движением кисти отправил шелковый свиток прямоком в костер. В мгновение ока драгоценную цзюань пожрало пламя.

Шэнь Цяо потерял дар речи. Янь Уши обернулся, заметил выражение лица даоса и, не дожидаясь расспросов, пояснил:

– Я уже запомнил содержание свитка, так к чему он мне?

– Если дела пойдут хуже некуда и нас нагонит школа Обоюдной Радости, вы хотя бы могли откупиться от них этим свитком, – заметил Шэнь Цяо. – Неужто вам так нравится сжигать за собой мосты?

– Даже отдай я им свиток, думаешь, они поверят, что он настоящий? – возразил Янь Уши.

Шэнь Цяо нахмурился, но промолчал.

Янь Уши усмехнулся:

– Некогда в школе Солнца и Луны бытовало одно тайное умение, о котором тебе, скорее всего, слышать не доводилось. Если объяснять простыми словами, это доведенная до совершенства «Демоническая песнь». С ее помощью можно подчинить себе мысли и действия человека, так что несчастный даже против своей воли расскажет все, что от него захотят услышать. Будь я на месте адептов Обоюдной Радости, я бы предпочел именно так вызнать желаемое, а не довериться

письменам на каком-то куске шелка.

— Значит, они решили воспользоваться вашей слабостью и пленить вас, — понял Шэнь Цяо. — Дабы, когда вы окажетесь в их руках, вытащить из вас содержимое цзюани.

— Все так, — подтвердил Янь Уши. — Мой труп им не нужен. Я прочел «Сочинение о Киноварном Ян» и возглавляю школу Чистой Луны, окажись я у них в руках — и они смогут распоряжаться Чистой Луной как им вздумается.

Насколько Шэнь Цяо было известно, Янь Уши прочел три из пяти цзюаней «Сочинения о Киноварном Ян», но особенно заинтересовался цзюанью, добытой в Жоцяне, содержащей дополнения к «Основному Канону Феникса и Циляня». И Сан Цзинсин, и Юань Сюсю опирались в своем совершенствовании на этот канон и не могли не знать, к чему может привести изъясн Демонического сердца. Если его не устранить, не удастся в полной мере воплотить все положения «Основного Канона Феникса и Циляня» и достичь вершин мастерства, а потому они больше, чем кто-либо, жаждали заполучить эту цзюань.

Будь Янь Уши столь же силен, как прежде, из страха перед Демоническим Владыкой никому не хватило бы безрассудства напасть на него — все знали, что в боевых искусствах ему нет равных. Однако теперь, пережив нападение пяти сильнейших мастеров Поднебесной и чудом вернувшись с того света, Янь Уши утратил былое могущество. И враги его осознали: если они не разделаются с ним сейчас, то не разде-

лаются никогда.

Шэнь Цяо хорошо понимал, какая судьба ждет Янь Уши в руках Обоюдной Радости. После того как даос убил Хо Сицзина, ученика Сан Цзинсина, старейшина Обоюдной Радости возненавидел его лютой ненавистью. Он хотел уничтожить основание Шэнь Цяо, дабы тот навсегда утратил боевое искусство, отрубить ему руки и ноги и сперва самому поглотиться над даосом, а затем швырнуть его на потеху adeptам несправедливой школы. Чистая Луна многие годы во всем противостояла Обоюдной Радости, к тому же Янь Уши всегда был смел на язык и дерзок в поступках. Адепты Обоюдной Радости едва ли будут обращаться с ним лучше, чем с Шэнь Цяо.

Подумав об этом, даос нахмурился пуще прежнего.

– Что ж, – сказал он, – тогда следует поскорее отправляться в путь, пока нас не нагнали.

– Ты так заботишься обо мне, – улыбнулся Янь Уши. – Неужто надеешься, что я растрогаюсь до слез и буду кланяться тебе в ноги?

Шэнь Цяо пропустил его насмешку мимо ушей и серьезным тоном продолжил:

– Мне ведомо, что глава Янь всегда и на всех глядел свысока. Однако сейчас решается вопрос жизни и смерти. Изъян в Демоническом сердце еще не устранен до конца, ваши силы не те, что прежде. Одно дело, если бы за нами гнался лишь Янь Шоу с парой помощников, но ежели явится Сан

Цзинсин, мне не выстоять против него. Осторожность нам не повредит.

Янь Уши без тени тревоги выслушал его, безмятежно подкинул в огонь пару веток, отчего пламя разгорелось еще ярче, и вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Если бы можно было все обратить вспять, ты бы хотел, чтобы я спас тебя у подножия пика Полушага?

Шэнь Цяо растерялся от неожиданности и покачал головой:

– Боюсь, у меня все равно не было бы выбора.

– Значит, даже знай ты, что потом спутаешься со мной, а я собственноручно передам тебя Сан Цзинсину, ты бы все равно несколько не сожалел? – продолжил допытываться Янь Уши.

– К чему сожаления? – отвечивал Шэнь Цяо. – Прошлого не воротить. Чем упорствовать в обиде и погрязать в путях мирской суеты, не лучше ли поблагодарить вас за то, что научили меня смотреть и видеть мир вокруг, научили по-настоящему заботиться о людях.

Отблески костра падали на его лицо, и казалось, что за внешней суровостью таится необыкновенная мягкость.

Янь Уши вдруг рассмеялся.

– Глупенький А-Цяо, – промурлыкал он, – я хоть раз поступал с тобой благородно?

Он потянулся к Шэнь Цяо, словно бы желая погладить того по голове. Даос отшатнулся, уклоняясь от прикоснове-

ния, и заслонился от предполагаемого удара. Но Янь Уши не ударил, а лишь взмахнул рукавом прямо перед носом Шэнь Цяо. Даос тут же учуял странный аромат и задержал дыхание, но немного вдохнуть все равно успел. Тело его, без того обессилевшее, совсем обмякло. Янь Уши, не теряя времени, тут же надавил ему на несколько жизненных точек.

– Когда же ты наконец избавишься от своей прискорбной доверчивости? – Янь Уши неодобрительно покачал головой. – Или ты возомнил, будто наконец можешь мне доверять?

Шэнь Цяо сверлил его гневным взглядом, но Янь Уши и бровью не повел. Склонившись над даосом, он поднял его на руки и пошел с ним за статую Будды.

Только тогда Шэнь Цяо обнаружил, что в спине статуи имелось углубление – не слишком большое, но и не крошечное. Там вполне мог разместиться взрослый человек в позе лотоса.

– Изготовить статую Будды стоит немалых средств, – беззаботно принялся объяснять Янь Уши. – Потому-то многие храмы и монастыри либо делают со спины углубление, либо отливают статую полой – все ради того, чтобы уменьшить расходы. Я уже бывал в этом храме, здесь статуя вообще сработана кое-как. Сделать ее полой мастера поленились и вместо этого изготовили одну лишь переднюю ее часть. Впрочем, тебе это только на руку.

– Что вы собираетесь сделать?! – не выдержал Шэнь Цяо.

– Во внутренних покоях при дворе чжоуского императора хранится еще одна цзюань «Сочинения о Киноварном Ян», – спокойно продолжал Янь Уши. – Мне довелось прочесть ее, но сейчас время поджигает, и я не успею передать знание тебе. Ежели пожелаешь ознакомиться с ней, отправляйся в Чанъань к Юйвэнь Юну. Вы уже встречались, и он оценил тебя по достоинству, а потому наверняка соизволит допустить к драгоценной цзюани. И еще, передай Бянь Яньмэю: пусть не беспокоится обо мне. Нужно воспользоваться тем, что Чжоу присоединила к себе циские земли, и распространить в них влияние Чистой Луны, а там видно будет.

Шэнь Цяо поменялся в лице.

– Эти речи должно вести лично вам. Я не адепт Чистой Луны, какое отношение я имею к делам школы?

Янь Уши ничего на это не ответил, лишь улыбнулся.

– Ты очень хорош собой, – произнес Янь Уши. – Неудивительно, что тебе удалось растопить сердце той девчонки, Бай Жун. Хорошо, что она тоже здесь. Если другие адепты Обоюдной Радости и заметят здесь что-то подозрительное, она наверняка поможет тебе и сделает все, чтобы ты не оказался в руках Янь Шоу и его подручных.

Тут уже только дурак не догадался бы, что замыслил Янь Уши, а Шэнь Цяо дураком не был.

– Глава Янь! Всю дорогу я из кожи вон лез, чтобы помочь вам сбежать, а вы собираетесь сами сунуть голову в петлю!

Янь Уши расхохотался.

– Я всегда поступал так, как мне вздумается, и никогда ни о чем не сожалел. Однажды я своими руками передал тебя Сан Цзинсину и с тех пор ни разу не раскаивался в содеянном. Сегодня тебе выпал случай полюбоваться моим несчастьем – тебе бы радоваться моей беде, ликовать всей душой, так отчего же ты заливаешься слезами, будто родную мать потерял? Эх А-Цяо, А-Цяо, ты меня сильно разочаровываешь! Только не думай, что я поступаю так в порыве искупить вину или из-за такой нелепицы, как угрызения совести. Не считай, что ты в долгу передо мной, и уж тем более не воображай, что я к тебе привязался, – от подобных иллюзий меня просто воротит.

Он большим пальцем стер хрустальные бисеринки пота со лба Шэнь Цяо и тихо усмехнулся:

– Сей почтеннейший надеется, что однажды ты исполнишь свое обещание и станешь достойным противником. Возможно, тогда сей почтеннейший задержит свой взгляд на тебе подольше.

Тем временем Шэнь Цяо изо всех сил пытался открыть свои жизненные точки, но увы – Янь Уши запечатал их каким-то хитрым способом, и сколько Шэнь Цяо ни пытался, терпел неудачу за неудачей. Даос тяжело дышал, лицо покраснелось, но со стороны могло показаться, что он смущен и рассержен словами Янь Уши.

Наконец тот отвернулся. Увидев, что он собирается уходить, Шэнь Цяо пришел в такое волнение, что даже голос его

изменился:

– Стойте!

Янь Уши и в самом деле остановился – но лишь для того, чтобы запечатать еще одну жизненную точку – точку немоты.

Грудь Шэнь Цяо часто вздымалась и опускалась, а из блестящих глаз, подернутых прозрачной пеленой влаги, чуть ли не бежали слезы. Янь Уши посмотрел на него в изумлении, фыркнул со смеху, наклонился и шепнул на ухо:

– Не стоит глядеть на людей такими глазами. Тут не то что Сан Цзинсин – даже я могу не сдержаться.

Выпрямившись, он одним ударом придвинул статую Будды вплотную к стене, скрыв убежище Шэнь Цяо от чужих глаз. Обнаружить его теперь было бы не так-то просто. Затем он затушил костер и взмахнул рукавом – на то место, где только что сидел Шэнь Цяо, сверху обрушились обломки и всякий мусор, не оставляя и следа его пребывания.

Как только Янь Уши покончил со всеми предосторожностями, его вдруг охватило предчувствие, присущее каждому, кто достиг определенных высот в боевых искусствах: какая-то смертельная опасность мчалась прямо к нему. Едва заметно усмехнувшись, он широким шагом вышел из храма и стрелой метнулся вперед, в мгновение ока растворившись в ночи.

Сквозь разрушенные стены и прохудившуюся крышу в храм струился лунный свет, проникая и к человеку, спрятанному в статуе Будды.

Влага наконец переполнила глаза Шэнь Цяо, и слезы покатались у него по щекам.

Спустя какое-то время снаружи до него донеслись голоса.

– Как могло случиться, что старейшина Сан с его мастерством не сумел нагнать такое ничтожество, как Янь Уши?

– Это Янь Уши-то ничтожество? – ответила Бай Жун. В ее голоске слышалась ледяная насмешка. – Братец Сяо, а хватит у тебя смелости повторить это Янь Уши в лицо?

– Замолчите! – рявкнул Янь Шоу, не выдержав их препирательств, и нахмурился. – Янь Уши ушел один, Шэнь Цяо с ним не было. Кто знает, быть может, даос все еще скрывается где-то в окрестностях. Он совсем недавно выдержал бой с нами, силы его иссякли, далеко убежать он не мог. Общайте все вокруг!

Глава 30

Озарение

После ухода Янь Уши Шэнь Цяо не оставлял попыток открыть жизненные точки: даос тревожился за главу Яня, зная, что с нынешними силами тот не сможет дать Обоюдной Радости достойный отпор. Если же Янь Уши попадет в руки Сан Цзинсина, то кто знает, какие мучения придется пережить Демоническому Владыке!

Вдруг истинная ци в меридианах Шэнь Цяо потекла так быстро и бурно, точно вознамерилась вырваться из тела. Грудь обожгло изнутри, словно сердце вспыхнуло пламенем, а затем остудило, будто он нырнул в ледяную полынью. Голова шла кругом, все смешалось, он перестал ощущать течение времени, словно очутился во сне наяву.

Даоса попеременно кидало то в жар, то в холод, его сознание блуждало где-то вовне. Казалось, оно изо всех сил стремится освободиться от брэнного тела, но нерушимые путы крепко удерживают его в темнице плоти. Оттого-то истинная ци и носилась по меридианам стремительно и беспорядочно. Из-за нарушенного тока ци грудь больно сдавило, к горлу подступила кровь, руки и ноги онемели.

Прежде Шэнь Цяо жизнью жил спокойной и тихой. Гора Сюаньду служила ему надежным заслоном от всех опасно-

стей и невзгод внешнего мира. Что он сам, что другие обитатели Сюаньду и даже честолюбивый Юй Ай – все они жили вдали от мирской суеты, оттого суждения их отличались некоторой наивностью, но они полагали, что так и должно быть. Ци Фэнгэ укрывал их на горе Сюаньду ото всех бед, и никто из них не знал, каков же внешний мир на самом деле.

Поединок на пике Полушага навсегда изменил жизнь Шэнь Цяо. Ему довелось испытать многое. Он побывал в таких переделках, когда казалось, что лучше умереть, чем жить, изведаль и милость людскую, и злобу, познал и добродетели, и пороки этого мира. Однако, несмотря на все пережитое, в сердце его не зародилось ни капли ненависти. В его памяти пронеслись события прошлого: вот погибают Чжу Лэнцюань и Чу И, вот он принимает в ученики Ши У, сражается плечом к плечу с адептами школы Лазурных Облаков, вот Янь Уши прощается с ним, дабы отвлечь на себя Сан Цзинсина... Все миновало, рассеялось, как дым, не оставив и следа.

Это чувство ледяной водой медленно омыло его душу.

И тогда сознание его наконец вырвалось из пут тела, из статуи Будды, из заброшенного храма и очутилось на широком просторе, имени которого Шэнь Цяо не знал и который не смог бы описать словами. Боль постепенно утихла. Глаза его были закрыты, но вдруг он прозрел каким-то иным зрением, словно одновременно взошли солнце и луна, и перед ним раскинулись все горы и моря, что есть на свете, и рыбки выпрыгивали, играя, из накатывающих на берег волн, и

в каплях дождя отражались сверкающие звезды.

Замороженные чужим прикосновением жизненные точки постепенно оттаяли, по меридианам теплым потоком заструилась ци, возвращая силы онемевшему, измученному болью телу.

Шэнь Цяо казалось, будто он превратился в маленькую рыбку, что, махнув хвостом, прыгнула прямо в небо, в сонм бесчисленных звезд и мириад миров. Над головой его раздался плеск капающей воды – это листочек не выдержал веса скопившейся росы, стебель надломился, и влага соскользнула прямо в глубокий пруд, нарушив тишину.

Шэнь Цяо запрокинул голову – сквозь прозрачные воды пруда он глядел на мир снаружи, и его охватило то таинственное, непостижимое чувство, которое можно лишь испытать и постигнуть мыслью, но не выразить словами. Верно сказано: «Путь можно воспринять, но нельзя передать»¹⁰!

Капля росы, упавшая в пруд, как будто упала прямо в его сердце. И следом изменился и весь мир.

В один миг морозная зима сменилась теплой весной, и проточная вода в пруду тоже согрелась. Вокруг него весело сновали бесчисленные рыбки, такие же, как и он сам. В воде отражались звезды и луна, свет их дробился в легкой ряби на крошечные осколки и, преломляясь, проникал глубоко в толщу пруда, отчего казалось, что вокруг все тоже сверкает

¹⁰ *Путь можно воспринять, но нельзя передать* – отсылка к «Чжуанцзы», глава 13, «Небесный путь», и «Дао дэ цзин», глава 56.

и переливается.

Шэнь Цяо закрыл глаза. Ему казалось, что рыбка-он умерла и переродилась в безбрежный глубокий пруд. День за днем дожди наполняли его, по берегам распускались и изливали ему свои тревоги цветы, вслед за тем увядая, а он хоронил их лепестки в своих глубинах. Рассеивались облака, знаменуя начало весны, шли дожди, предвещая наступление осени. Издалека до него доносился чистый звон колокола, вокруг высились персиковые деревья в цвету.

И вдруг ему вспомнились слова «Сочинения о Киноварном Ян».

«Кроме тебя самого нет ничего сущего».

Шэнь Цяо до сих пор помнилось, что впервые он увидел эту фразу в той цзюани «Сочинения о Киноварном Ян», что передал ему учитель. Потом, очутившись в безвыходном положении, он сумел благодаря положениям драгоценной цзюани и возвращенной ими истинной ци восстановить основание и вернуть себе силы, однако все это еще не означало, что он полностью уяснил ее смысл.

Перед этой фразой была еще одна: «Ежели проникнешь в чужое сердце, то последуешь велениям собственного». И это положение он более-менее понял. Говоря простыми словами, оно означало следующее: если изучаешь боевые искусства с мечом-цзянь, нужно постичь сердце меча-цзянь, если же упражняешься с мечом-дао, то должен постичь сердце меча-дао. Если же сражаешься с противником, то, когда по-

стигнешь собственное сердце и сердце врага, будешь непобедим и невредимым выйдешь из сотни битв. В таком случае «свое» и «чужое» сливаются воедино, так зачем же их разделять и притом говорить, что «кроме тебя самого нет ничего сущего»?

В свое время Шэнь Цяо счел сие положение случайно, ошибкой Тао Хунцзина, так и оставшейся незамеченной им, но сейчас вдруг осознал смысл, скрытый в загадочном утверждении. Он узрел, что прежде по косности своей блуждал окольными путями.

Человек находится между Небом и Землей, и свое для него всегда следует прежде чужого. По себе он мерит других людей и все, существующее на свете. Если он несчастлив, то ни на Небе, ни на Земле он не найдет счастья. Если не знает скорби, то не найдет скорби нигде в мире. Если на сердце его радость, то и самые простые слова отзовутся ему весенним теплом. Если душа его скорбит, то самые горы и реки для него поблекнут.

И когда Шэнь Цяо посетило озарение и он постиг сию истину, не только сознание его расширилось, вмещая в себя прежде недоступное, но и тело как будто сделалось безграничным, принимая в себя неистощимую истинную ци. Широкая душа подобна океану, вбирающему сотни рек, и ци вольно потекла по раскрывшимся меридианам, не зная преград.

Будто почуяв успехи хозяина и его настрой, Скорбь гор и

рек слегка задрожал – клинку словно не лежалось спокойно в ножнах, когда рядом были враги.

А тем временем в заброшенный храм вошли четверо и остановились у статуи Будды.

– Осмотрите здесь все как следует, – холодно распорядился Янь Шоу.

Из-за полученной раны Сяо Сэ ступал медленно, но Бай Жун, хоть и обошлась без единой царапины, все равно не старалась его опередить – она явно не стремилась опять ввязываться в драку.

Вдвоем они обошли весь храм, и Сяо Сэ, вернувшись на прежнее место, сказал:

– Старейшина Янь, мы не смогли отыскать и следа Шэнь Цяо. Быть может, увидев, что нас больше, он бросил Янь Уши и сбежал?

– Едва ли, – заметил Янь Шоу. – Когда он сражался с нами, силы его уже были на исходе. За столь короткое время он наверняка не успел бы восстановиться. Даже пожелай он сбежать, все равно не ушел бы далеко. Если он и не захотел отправиться вместе с Янь Уши, то наверняка подыскал укрытие, а этот храм – место весьма подходящее, чтобы спрятаться. Вы все тщательно проверили?

– Все, – откликнулся Сяо Сэ. – Храм крошечный, в дальней части – лишь одна комнатка, спрятаться негде. Можно было бы укрыться в колодезе, но колодезь заполнен водой, там не пересидеть. Никаких скрытых помещений или тайных хо-

дов мы тоже не нашли. Между прочим, сестренка Бай, – он покосился на Бай Жун, – будто склонна щадить Шэнь Цяо. Где-то мешкает как нарочно, где-то слишком торопится. Вот бы знать, что у нее на уме?

– Братец Сяо, ты все время на меня ябедничаешь, – чарующим голосом посетовала Бай Жун. – Неужели думаешь, что, если избавишься от меня, учитель обратит на тебя внимание? Забыл, что ты вообще-то ученик главы Юань? А ежели желаешь переметнуться к другому наставнику, надо бы как следует постараться. Пока что ты только задираешь беззащитную девушку – все ломаю голову, чего ты хочешь этим добиться?

– Еще не отыскивали мерзавца, а уже снова грызетесь? – вдруг заговорил Баюнь, стоявший подле Янь Шоу. – Ученикам главы Юань и старейшины Сана не пристало так себя вести.

Зловещий тон его голоса разительно расходился с образом благочестивого, исполненного достоинства буддийского монаха. Но желаемого он достиг: Бай Жун и Сяо Сэ мигом закрыли рты и не проронили больше ни слова.

Янь Шоу огляделся по сторонам. Наконец взор его остановился на большой статуе Будды, и, немного помешкав, адепт направился к ней. Остальные тоже присмотрелись к статуе, и Баюнь даже охнул от удивления:

– А ведь Будда и правда гигантский! Если статуя полая, внутри вполне может уместиться человек.

Тщательно осмотрев статую сверху донизу, от макушки до каменного постамента, Янь Шоу внезапно сорвал прикрывавший его полог и увидел оставшиеся на камнях следы. Губы его скривились в холодной усмешке, и вдруг он ударил прямо по статуе!

От места, куда пришелся удар, побежали трещины, и металлическая статуя развалилась на четыре части.

Теперь все видели – их жертва и впрямь все это время была внутри! Не давая врагу ударить первым, Янь Шоу расхотался и бросился на даоса, точно сокол, камнем падающий на добычу.

Длань Янь Шоу еще не коснулась несчастного, а высвобожденная ци уже захлестнула все вокруг. Казалось, налетела свирепая буря, небо окрасилось кровью, тьма заволокла округу и воцарился беспощадный, пронизывающий до костей холод. Всякий бы содрогнулся от ужаса, пал в пучину отчаяния при виде окутанной мглой кровавой руки, от которой не сбежать и не спрятаться. К тому же Шэнь Цяо недавно сражался один против четверых и совсем выбился из сил. Но даже будь он по-прежнему свеж и бодр, все равно едва ли успел бы отразить удар Янь Шоу, заслонивший самые небо и землю.

В предыдущей стычке внезапное мастерство даоса напугало Янь Шоу, но он успел прощупать противника и обнаружить, что тому не хватает сил для удержания пределов «сердца меча». Другими словами, даос стремительно входил в со-

стояние «сердца меча», не успевая восполнять запасы внутренней ци. За короткое время сей роковой недостаток никак не устранить. Потому-то Янь Шоу верил, что одним ударом если не покалечит Шэнь Цяо, то, по крайней мере, задержит на одном месте и обеспечит себе преимущество.

Мысль эта молнией мелькнула в его голове, ветер, поднятый его ладонью, налетел на Шэнь Цяо, до противника оставалось всего ничего – но тот отразил удар, даже не успев развернуться!

Перед глазами Янь Шоу вдруг сверкнул белый свет, в лицо ударила суровая морозная ци, пронизанная стремлением умертвить врага. Созданный им ветер рассеялся, а ци чужого меча прорезала кровавую мглу и подобралась к Янь Шоу вплотную!

– Осторожно, старейшина Янь! – крикнул Сяо Сэ.

Но он мог и не надрываться: Янь Шоу и сам уже поспешно отступал.

Остальные adeпты Обоюдной Радости не стояли сложа руки. Баюнь высоко подпрыгнул, собираясь ударить Шэнь Цяо в спину. Даос взмахнул мечом – исходящая из клинка ци широкой рекой хлынула вперед, ее сияние дождем пролилось на развевающиеся сине-зеленые одежды. Взгляни на него в тот миг случайный прохожий – и у него зарябило бы в глазах от переливающихся огней.

Янь Шоу скривился. Шаг за шагом он все отступал и отступал, пока не уперся в стену.

Остановившись, он увидел, что даос неумолимо надвигается на него, не обращая внимания на Баоюня и остальных: «ци меча» пологом окутала двух противников, заслонив ото всех нерушимой преградой, – волны атак разбивались о щит, не причиняя Шэнь Цяо ни малейшего вреда. Было ясно, что даос твердо вознамерился уничтожить Янь Шоу.

Но ведь совсем недавно он полностью выбился из сил! Как за столь короткое время он сумел восстановиться?!

Но у Янь Шоу не было времени на раздумья. Он взмыл к самой кровле старого храма, пробив черепицу. Шэнь Цяо последовал за ним.

На крыше их силуэты мелькали словно бесплотные духи. Сверкали мечи, с каждым ударом поднимался порыв ураганного ветра. И вдруг ударил мороз: травы увяли, листья пожухли, все живое затихло и затаилось – это Янь Шоу воздел знаменитую «Кровавую руку». Вокруг него, казалось, самый ветер пах растерзанной плотью, кровавый дождь лился с неба. Мрак и холод накрыли бойцов, зловещая, смертоносная ци устремилась к Шэнь Цяо. Но тут с новой силой воссиял меч – будто розовые облака на рассвете или пестрые цветы, усыпающие горные склоны вблизи каменистых ручьев. Сей чудесный свет проник во все уголки храма, заполнил собой всю округу. Даже яркая луна как будто померкла и стыдливо скрылась за пеленой облаков, и меж небом и землей не осталось более ничего, кроме ослепительного сияния меча. Скорбь гор и рек, пение бронзы и камня... Поистине необы-

чайное зрелище!

Сяо Сэ понял, что старейшине ничем не помочь, и перестал рваться в бой. Он замер в сторонке, наблюдая за поединком, но тут краем глаза заметил, что Бай Жун тоже стоит неподвижно, и не удержался от презрительной насмешки:

– Видно, любовь сестренки Бай к Шэнь Цяо так и не прошла! Сердечко ее не выдержит, если придется собственноручно убить его!

Бай Жун звонко рассмеялась:

– Если уж старейшины Янь и Баоюнь вместе не могут его сразить, то я буду только под ногами мешаться! Братец Сяо, ежели вы так искусны, что готовы показать пример, ваша младшая сестрица с удовольствием вам подсобит!

Бай Жун несколько не преувеличивала. Шэнь Цяо в одиночку сражался против двоих старейшин Обоюдной Радости, но те до сих пор не сумели одолеть его. Не только Баоюнь оказался бессилен против даоса – даже Янь Шоу начал понемногу ему уступать! Отчего же он вдруг сделался так могуч?!

Сяо Сэ в изумлении не знал, что и думать. У него даже мелькнула мысль, не позаимствовал ли Янь Уши у их школы искусство парного совершенствования. Но с последней их стычки у леса времени прошло всего ничего – парным совершенствованием никто не успел бы заняться.

Он высокомерно фыркнул. Ему не хотелось сейчас препираться с Бай Жун, и он устремил все внимание на поединок на крыше. Пока они с Бай Жун обменивались насмешками, стало ясно, чья сторона одерживает верх, а чья проигрывает.

В школе Обоюдной Радости единства не было и в помине, что и проявилось во всей красе во время поединка Шэнь

Цяо и Янь Шоу. Пусть даосу и удалось открыть жизненные точки, всего за одну ночь он никак не смог бы вернуть себе прежнюю мощь, не говоря уж о том, чтобы покорить новые вершины мастерства. В лучшем случае – немного расширить меридианы, что лишь чуть-чуть прибавило бы ему сил. Но даже с прежними способностями он, хоть и был ровней Янь Шоу, едва ли выстоял бы против Будды-Кровавые-Руки, присоединись к нему Баоюнь. Однако тот, заметив, что Шэнь Цяо, кроме Будды-Кровавые-Руки, никого из противников в упор не видит, мало-помалу устранился и позволил Шэнь Цяо теснить старейшину Яня.

Янь Шоу возненавидел его за то лютой ненавистью и решил показать, чего стоит. Вот только даос был уже не тот, что прежде. Скорбь гор и рек не позволял Янь Шоу даже близко подобраться к своему хозяину. Старейшина Обоюдной Радости несколько раз порывался перейти в наступление и не решался, страшась сияющего заслона из ци. Волей-неволей ему снова и снова приходилось обращать нападение в защиту, дабы спастись от неотступно накатывающих волн чужой ци. Некогда самоуверенный Будда-Кровавые-Руки очутился в безвыходном положении. Брови на его суровом лице нахмурились, лоб покрылся испариной.

Загнанный в угол, Янь Шоу в конце концов допустил ошибку и пропустил чужую атаку. Сияющий меч Шэнь Цяо устремился напрямик ему в межбровье.

Разумеется, Баоюнь не мог и дальше оставаться безучаст-

ным – как бы он оправдался перед школой за то, что допустил гибель старейшины Яня?

– Что застыли? Помогайте! – рявкнул он Сяо Сэ с Бай Жун и атаковал Шэнь Цяо.

Сяо Сэ с Бай Жун не мешкая вступили в бой, взяв даоса в кольцо. Удары посыпались на Шэнь Цяо со всех сторон.

Когда сражаются настоящие мастера, исход борьбы непредсказуем. Не успели адепты Обоюдной Радости вместе атаковать даоса, как слышали пронзительный вопль своего старейшины. За пеленой, сотканной сияющей ци Скорби гор и рек, вспыхнул багровый отсвет, сияние меча померкло, и что-то окровавленное упало на крышу и скатилось вниз: то была отрубленная по локоть рука Янь Шоу.

Старейшина Янь пятился, зажимая жизненную точку на плече в попытке остановить кровотечение. Лицо его исказилось от дикой боли, он чуть не свалился с крыши следом за отсеченной рукой. С такой раной не могло быть и мысли о том, чтобы продолжать поединок.

Тем временем на Шэнь Цяо наседали Баоюнь: обменявшись с ним несколькими ударами, он с раздражением обнаружил, что драка с Янь Шоу вовсе не вымотала дерзкого даоса – ци, наполнявшая его меч, словно была неисчерпаема. Тщательно все взвесив, Баоюнь пришел к мысли, что, если он в конце концов и одержит победу, достанется она ему нелегко, он и сам тяжело пострадает. Лютой ненависти к Шэнь Цяо Баоюнь не питал, особой выгоды смерть даоса

ему не сулила, так что он задействовал лишь чуть больше половины своей мощи, только чтобы задержать Шэнь Цяо и не дать ему добить Янь Шоу.

Тут Баоюня окликнул Сяо Сэ:

– Старейшина Баоюнь, старейшине Яню совсем худо!

Янь Шоу на глазах истекал кровью. Зажатые жизненные точки и попытки изменить ток ци не спасали от внешних ран и внутренних повреждений. Но хуже всего было то, что он остался калекой – Шэнь Цяо лишил его правой руки, благодаря которой он и получил свое прозвание. Теперь, даже если Янь Шоу выживет, сил у него изрядно поубавится, а для мастера боевых искусств подобный исход ничем не лучше смерти. В глубине души он ненавидел и Шэнь Цяо, и Баоюня с младшими адептами за то, что те не поспешили ему помочь, а просто стояли и смотрели. От гнева и бессилия Янь Шоу лишился чувств. Баоюнь же, услышав слова Сяо Сэ, решил воспользоваться ими как предлогом для выхода из сражения.

– Шэнь Цяо, – воскликнул он напоследок, – сегодня ты покалечил одного из старейшин школы Обоюдной Радости. Однажды ты заплатишься за это!

– Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, – спокойно заметил Шэнь Цяо. – Лучше уж сразу расплатиться по всем счетам!

С этими словами он, по-прежнему с мечом наперевес, воспарил над землей и одним прыжком перенесся к Янь

Шоу, намереваясь покончить с ним, пока тот не мог дать отпор.

Баоюнь на миг опешил – он не ожидал от Шэнь Цяо такого упорства, – но тут же бросился вдогонку и ударил даоса в спину.

Тут подросла Бай Жун. Она порхнула к сражающимся, и ее нежные руки замелькали, порождая все новые и новые цветки голубого лотоса. Движения ее были столь грациозны, исполнены такого изящества, что глаз не оторвать!

Но одно движение меча Шэнь Цяо – и сотканный из ци полог разлетелся несколькими щитами, не только заслонив хозяина от атак Баоюня и Бай Жун, но и перенаправив ее удар на старейшину.

– Бай Жун! – рявкнул Баоюнь.

– Ой-ой! – вскрикнула Бай Жун и премиленьким голоском поспешила извиниться: – Прошу меня простить, старейшина Баоюнь! Это все наш враг, гнусный негодяй, виноват!

Ее плавная поступь стала еще легче, из рукавов одеяния не переставая сыпались цветы лотоса – снова и снова в воздухе распускались их полупрозрачные бутоны, осыпая Шэнь Цяо лепестками с головы до ног. Со стороны то было нежное и красивое зрелище, однако знаток боевых искусств с первого взгляда бы понял: перед ним не цветы, а сгустки истинной ци. Так проявляла себя мощь «Печати голубого лотоса». Если использующий ее мастер был достаточно силен, он мог вложить в каждый цветок обилие ци невероятной си-

лы, и тогда атаки сыпались на противника одна за другой, непрестанно усиливаясь, и каждая следующая была гибельнее предыдущей.

Сейчас Бай Жун со всей свирепостью обрушивала на даоса цветок за цветком, однако Шэнь Цяо, отражая ее атаки, чувствовал, что на самом деле девушка не вкладывала в них и половины той силы, какую показала при их первой встрече.

Баоюнь, однако, не собирался затягивать поединок. Воспользовавшись тем, что даоса отвлекли на себя Бай Жун с Сяо Сэ, он поднял лежащего без чувств Янь Шоу и помчался прочь. Лишь возглас его донесся издалека:

– Школа Обоюдной Радости еще вернется к вам за наставлениями!

Раненому Сяо Сэ тоже не было нужды продолжать бой. Завидев, что Баоюнь удалился, он, недолго думая, решил последовать за ним. Вот только Шэнь Цяо следил за каждым его шагом, и стоило Сяо Сэ развернуться, как Скорбь гор и рек устремился за ним по пятам, оставив на его спине глубокую рану – одежды Сяо Сэ мигом потемнели от хлынувшей из нее алой крови. Он вскрикнул от боли, перешел на цингун и бросился бежать без оглядки. В мгновение ока он скрылся из виду, затерявшись во мраке ночи.

Шэнь Цяо и рад бы был броситься за ним в погоню, но никак не мог отделаться от Бай Жун. Мировоззрение ее школы в корне противоречило его собственному, на ее совести бы-

ло немало жизней, однако она отчего-то раз за разом щадила Шэнь Цяо, и особенно он благодарен был ей за обитель Белого дракона – не задержи она тогда Сяо Сэ, они с Ши У едва ли успели бы сбежать. А потому, хоть Шэнь Цяо и не мог ничем ответить на то благорасположение, что выказывала ему Бай Жун, в бою он старался не быть с ней слишком жесток. Сейчас девушка мешала ему погнаться за Баоюнем и Сяо Сэ, но он чувствовал, что не в силах обрушить на нее всю свою мощь, и у него сделалось тяжело на душе.

Бай Жун же, глядя на него, прыснула со смеху и прекратила атаку. Увидев, что она перестала нападать, Шэнь Цяо тоже вернул меч в ножны.

– С тех пор как мы с тобой простились у подножия горы, на которой стоит школа Лазурных Облаков, я ночами не спала, все ворочалась с боку на бок – так тревожилась за тебя! А теперь, Шэнь-лан, я вижу, что твои силы возросли, ты никому не дашь помыкать тобой, и мое сердечко успокоилось. Но какой же ты бесчувственный! Я в тебе души не чаю, все щажу тебя, помогаю втайне всякий раз, а ты только меня увидел – и сразу в драку!

На губах ее играла легкая улыбка – ни тени горечи, ни следа удивления. Даже и не поймешь, правду она говорит или лжет.

– Сделанное вами добро я крепко помню и ни за что не забуду, – чистосердечно ответил Шэнь Цяо.

Бай Жун рассмеялась, прикрыв рот ладошкой:

– Да я же не всерьез, а ты и поверил! Но какой же ты все-таки красавчик, сил нет, как хочется тебя приласкать!

Напустив на себя грозный вид, она двинулась в его сторону. Шэнь Цяо так перепугался, что отпрянул аж на три шага. Бай Жун немедленно застыла на месте и захихикала.

Даос не мог не сравнить ее с Янь Уши – у него был такой же взбалмошный и непредсказуемый нрав. Видно, недаром она была ученицей несправедливой школы – у всех последователей этого учения было между собой нечто общее.

– Вы знаете, куда Янь Уши заманил Сан Цзинсина? – спросил у нее Шэнь Цяо.

Бай Жун закивала:

– Знаю, а как же! Они направлялись вниз, под гору. Сдается мне, что Янь Уши замыслил укрыться от Сан Цзинсина за городскими стенами!

Шэнь Цяо так спешил их нагнать, что чуть не сорвался с места, стоило ей договорить. Однако Бай Жун не собиралась его отпускать.

– Мы с тобой так долго не виделись! И так-то ты относишься к своей благодетельнице? – возмутилась девушка.

– Премного благодарен вам за то, что рассказали мне, – произнес Шэнь Цяо, – а обо всем остальном побеседуем как-нибудь в другой раз!

– Шэнь Цяо!

Заслышав из уст Бай Жун свое полное имя, Шэнь Цяо остановился и обернулся к ней.

Улыбка стерлась с лица девушки, взгляд ее ясных глаз, подобных лепесткам персика¹¹, был устремлен прямо на него. В них читалась настоящая буря чувств.

– Я еще не поблагодарила тебя. Из всех адептов Обоюдной Радости Янь Шоу недолюбливал меня больше остальных. Ты покалечил его, и теперь в стенах школы у меня на одного могучего врага меньше. Но помни, Шэнь-лан, я и сама из Обоюдной Радости. Если при нашей следующей встрече ты вновь выступишь против моей школы, я уже не смогу тебя пощадить.

Немного помолчав, Шэнь Цяо наконец спросил:

– Вы хотите возглавить школу Обоюдной Радости?

Бай Жун не смогла скрыть изумление, но тут же обворожительно улыбнулась.

– Я-то уж думала, Шэнь-лану до меня и вовсе дела нет, а он, оказывается, читает у меня в сердце!

Шэнь Цяо с тяжелым вздохом подумал о бесконечных распрях в школе Обоюдной радости, где все и каждый были коварны и жестокосердны. Многие ему хотелось сказать, многое посоветовать, но в конце концов он не вымолвил из всего этого ни слова. Почтительно поклонившись, он попрощался с девушкой:

– Желаю вам удачи, и паче всего остального – берегите

¹¹ ...глаз, подобных лепесткам персика – глубоко посаженные живые глаза с изящным изгибом линии верхнего века, густыми ресницами и легким румянцем близ уголков.

себя. Надеюсь, мы еще свидимся.

Развернувшись, он пошел прочь. Провожая его взглядом, Бай Жун вдруг показала язык и воскликнула:

– Дурак ты, Шэнь-лан!

Шэнь Цяо мчался как ветер – цингун его был столь хорош, что он, можно сказать, не бежал, а летел. Но близилось утро, а он так и не нашел ни следа Янь Уши с Сан Цзинсином.

Могущество Янь Уши еще не вернулось к нему во всей полноте, а значит, Сан Цзинсин непременно должен был настигнуть его. Сражаясь, они бы не ушли далеко, и Шэнь Цяо с его скоростью уже бы догнал их. Поразмыслив, он понял, что Бай Жун обманула его и наверняка нарочно указала прямо противоположное направление, чтобы он только впустую потратил силы.

Шэнь Цяо остановился, переводя дух. Он опустил взгляд на Скорбь гор и рек, а затем вскинул голову и посмотрел вдаль.

Ночь была на исходе. Возвращаться в заброшенный храм было незачем – обманщицы давно уже след простыл. Куда на самом деле отправились Янь Уши и Сан Цзинсин, он не знал, так что надежда отыскать Демонического Владыку была весьма призрачной.

Даос припомнил слова, что сказал ему Янь Уши напоследок, закрыл глаза и усилием воли подавил все бушующие в груди чувства.

Верный меч тихо лязгнул в ножнах, как будто почувство-

вав беспокойство хозяина и смятение, воцарившееся в его душе.

Близилось утро. Кромка бескрайнего неба у горизонта заалела – казалось, солнце спешит вырваться из пучины и залить светом весь мир.

Из глубины сердца Шэнь Цяо тихо всплыло одно-единственное слово.

Чанъань.

#

До Чанъаня на севере было рукой подать, но даже мастера боевых искусств нуждаются в отдыхе и не могут идти без остановки день и ночь, а потому, как Шэнь Цяо ни подгонял лошадь, путь все равно растянулся на несколько дней.

Еще на подходе к Чанъаню даос почуял неладное.

Он следовал по ведущему в столицу казенному тракту, и ему то и дело попадались вереницы ссыльных – домочадцев осужденных сановников. Навстречу им под началом правительственных чиновников шли согнанные на общественные работы крестьяне и преступники. Шэнь Цяо и прежде доводилось видеть тех и других, но лишь изредка, а уж вместе – и вовсе никогда.

Даос в очередной раз остановился перевести дух в чайном домике и из окна приметил семью, которую гнали куда-то конные солдаты. Запястья и щиколотки несчастных скovy-

вали кандалы, люди шатались и едва волочили ноги, на лицах застыло уныние.

Сопровождавшие их солдаты решили отдохнуть и расселись внутри чайного домика, однако осужденное семейство не могло и мечтать о сколько-нибудь хорошем обращении. Их оставили сидеть на улице и даже глотка воды не дали.

Шэнь Цяо подозвал слугу, шепнул ему на ухо пару слов, а затем подошел к столу, где сидели два солдата.

– Все встречи предопределены, – обратился он к ним. – Ежели господа соблаговолят, то сей ничтожный монах хотел бы угостить их чаем.

Надо сказать, что к тому времени Шэнь Цяо успел вновь облачиться в просторные даосские одеяния. Еще не сказав ни слова, он уже производил впечатление человека высоко-нравственного, постигшего Дао, а когда начинал разговор, то своим приятным ласковым голосом сразу же располагал к себе других.

Хоть Юйвэнь Юн и запретил буддизм и даосизм, настроить против буддистов и даосов народ ему не удалось. К тому же достаточно было одного взгляда, чтобы понять: Шэнь Цяо – не какой-то заурядный монашек. Так что солдаты, в свой черед, отнеслись к нему с уважением и не посмели вести себя высокомерно – наоборот, поднялись с мест и ответили:

– Да разве можем мы допустить, чтобы почтенный монах угощал нас! Уж лучше вы пожалуйста за наш стол, и побеседуем!

Шэнь Цяо того и добивался.

– Сей ничтожный монах некогда дал обет небожителю, – продолжал он, – и поклялся в течение трех лет свершить девяносто девять благодеяний. Ныне осталось лишь одно – не помогут ли господа с исполнением обета? Сей ничтожный монах желал бы угостить чаем тех несчастных, что сидят на улице у сего чайного домика, дабы хоть немного облегчить их голод и жажду.

– У вас поистине доброе сердце, почтенный монах! – с улыбкой ответили солдаты. – Поступайте по своему усмотрению.

Шэнь Цяо велел слуге поднести бедолагам чаю, отчего домочадцы осужденного сановника растрогались до слез. Затем даос не преминул поинтересоваться:

– По дороге в столицу сей ничтожный монах встретил немало ссыльных семейств провинившихся сановников – неужто в Чанъане что-то произошло? Видно, эти сановники чем-то вызвали неудовольствие его величества?

– Ну, они и правда прогневали государя, – подтвердили солдаты. – Его величество изъявил желание обновить дворец, а бывшие чиновники, отцы, старшие братья, мужья теперешних ссыльных, один за другим представили доклады с возражениями. Сим проступком они и навлекли на себя такое несчастье.

– Обновить дворец? – удивился Шэнь Цяо. – Сему ничтожному монаху доводилось слышать, будто его величество

– человек трудолюбивый и рачительный, к себе строгий, в быту непритязательный, непохожий на того, кто стремится к удовольствиям и наслаждениям.

Солдаты напряглись.

– Почтенный монах, советую вам оставить подобные речи, как только вы войдете в столицу! – предостерег один из них. – Предыдущий государь и вправду радел о народе, был непритязателен и жил скромно, однако нынешний не таков. Не прошло и месяца после кончины государя¹², а император уже приказал жителям Поднебесной завершить траур. Об участии тех, кто посмел советовать и возражать ему, вам лучше не знать!

Услышав эти слова, Шэнь Цяо резко изменился в лице, сердце его заколотилось.

Так Юйвэнь Юн умер?!

Видя, что известие потрясло собеседника, солдат попытался его утешить:

– Прежний государь не привечал буддистов и даосов, зато нынешний император, едва взойдя на престол, тут же снял ограничения, прежде наложенные на даосизм, а буддизм и вовсе вновь сделался государственным учением. Так что, почтенный монах, вы теперь можете спокойно гулять по Чанъ-аню, не опасаясь, что вас остановит стража и учинит допрос.

¹² ...не прошло и месяца после кончины государя... – траур по императору обыкновенно длился до трех лет и, хотя существовала практика «замены месяцев на дни», обыкновенно составлял не менее двадцати семи дней. Юйвэнь Юнь же снял траур спустя всего десять дней.

Шэнь Цяо горько усмехнулся – это и есть то добро, без которого нет худа?

– Отчего же его величество не пожелал блюсти траур по отцу? – поинтересовался он.

Вопрос встревожил обоих солдат, прежде чем ответить, те огляделись по сторонам и, лишь убедившись, что никто их не подслушивает, зашептали:

– Откуда нам знать! О таком, почтенный монах, не стоит спрашивать!

– Тогда, быть может, вам известно, где сейчас циский князь Юйвэнь Сянь? – попытался хоть что-то выведать Шэнь Цяо.

Оба солдата лишь покачали головами – этого они тоже не знали.

В конце концов, они и правда были всего лишь простыми солдатами, в воинской иерархии стояли ниже всех, так что местонахождение циского князя их и впрямь не касалось.

Шэнь Цяо не о чем больше было спрашивать. Он поблагодарил солдат, допил чай и вышел на улицу проводить их и попрощаться. Вместе с домочадцами осужденного сановника те тронулись в путь, а Шэнь Цяо отвязал поводья от изгороди, вскочил на лошадь и направился в Чанъань.

Войдя в столицу, Шэнь Цяо не заметил сколько-нибудь явных перемен. То был по-прежнему шумный многолюдный город, где жизнь кипела ключом, куда более оживленный и пышный, чем уездные города, которые Шэнь Цяо довелось

повидать. Впрочем, одно отличие все же бросилось ему в глаза: теперь на улицах, особенно прилегающих к окрестностям императорского дворца, гораздо чаще попадались правительственные чиновники. Кто-то обходил город, кто-то сопровождал осужденных, среди которых, как заметил Шэнь Цяо еще на подходе к Чанъяню, были и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Вид у всех был подавленный, и они резко выбивались из нарядной крикливой толпы прохожих.

Шэнь Цяо замедлил шаг, наблюдая за вереницами осужденных. Где-то меж них зарыдал ребенок. У Шэнь Цяо сердце разрывалось от детского плача, но он понимал: даже если люди эти пострадали несправедливо, спаси он их, ему все равно негде будет устроить несчастных, и может так случиться, что своим вмешательством он причинит им только еще больше зла.

Но главное, что в будущем подобная судьба, скорее всего, постигнет еще больше людей. Можно спасти одну-единственную семью, но как спасти народ?

Вздыхнув про себя, Шэнь Цяо отвел взгляд, развернулся и пошел прочь.

Первым делом он направился к резиденции младшего наставника, где Янь Уши останавливался в свой прошлый приезд в столицу, но не стал сразу стучать в ворота, а сперва поглядел на нее издали. Даос не особенно удивился, увидев, что усадьба опечатана, ворота заперты на замок, а вокруг — запустение. В столице повсюду яблоку негде было упасть, но

мимо резиденции даже повозки не проезжали – люди как будто опасались, что их могут уличить в какой бы то ни было связи с владельцем усадьбы, и потому держались от нее подальше. Только несколько зеленщиков и расположились рядом с резиденцией младшего наставника; то и дело к ним подходили покупатели, но не нужно было долго приглядываться, чтобы понять: с этими людьми что-то нечисто. Судя по всему, никакие то были не торговцы, а наблюдатели, нарочно приставленные следить за усадьбой и всеми, кто ей интересуется.

Прежде Шэнь Цяо наверняка ничего не заметил бы и подошел к зеленщикам с расспросами, но, путешествуя с Янь Уши, он незаметно для себя перенял его манеру обращать внимание на всевозможные мелочи. Заподозрив, что зеленщики – не те, за кого себя выдают, он решил обойти их стороной.

У Бянь Яньмэя в столице было два дома: особняк чиновника, который Юйвэнь Юн пожаловал ему так же, как Янь Уши – резиденцию младшего наставника, и его собственная усадьба – в секрете он ее не держал, но знали о ней немногие. Когда Шэнь Цяо в прошлый раз очутился в Чанъане, Бянь Яньмэй превратно истолковал суть его отношений с наставником и пригласил в гости. Молодой человек так тепло принял даоса, что тому было неловко.

Чиновничий особняк, как и резиденция младшего наставника, оказался опечатан, а у ворот точно так же стояли пере-

одетые наблюдатели. Оставалось попытать счастья в усадьбе.

Усадьба Бянь Яньмэя располагалась в западной части города, в глубине переулка. Соседи его по большей части были люди ученые и небогатые, а потому в переулке не было оживления и суеты, обычных для домов высоких сановников и жилищ торгового люда. Другими словами, место для укрытия было превосходное.

Ворота были закрыты, но замка Шэнь Цяо на них не увидел. Стучать он не стал, а просто перелез через стену усадьбы, будучи мастером боевых искусств, проделав это совершенно бесшумно.

Сад выглядел ухоженным, в доме – полный порядок, нигде ни пылинки, однако повсюду царила тишина и не видно было ни души. Шэнь Цяо обошел всю усадьбу, заглянул почти во все комнаты, но покамест никого и ничего не обнаружил.

Куда же делся Бянь Яньмэй?

В последние годы могущественная Чистая Луна и власти Северной Чжоу в лице императора и его сановников работали сообща. Юйвэнь Юн высоко вознес школу Чистой Луны, без нее он был бы как без рук. Именно в Чаньане находилось, если можно так выразиться, сердце Чистой Луны, их главная резиденция. Однако Чистая Луна отличалась от других неправедных школ: у ее главы было только два личных ученика, Бянь Яньмэй и Юй Шэньян, остальные же адепты были разбросаны по всей Поднебесной, отчего казалось, что школа Чистой Луны весьма малочисленна. Теперь же Чистая Лу-

на покинула столицу, усадьбы ее опустели, и искать ее сторонников – все равно что пытаться найти иголку в стоге сена.

Так размышлял Шэнь Цяо, когда вдруг услышал какой-то стук. То был тихий, еле слышный звук, словно кто-то случайно наткнулся на стол. И раздался он из последней комнаты в восточном крыле, куда Шэнь Цяо еще не заходил.

Там явно прятался человек. Незнакомый старался почти не дышать, но чуткое ухо Шэнь Цяо все равно явственно улавливало вдохи и выдохи.

Отворив двери, Шэнь Цяо шаг за шагом приблизился к ширме.

Сдавленное дыхание становилось все тяжелее. Шэнь Цяо остановился перед кроватью, наклонился к самому полу и только протянул руку, как кто-то вскрикнул, выскользнул из-под кровати и бросился к дверям.

Но далеко убежать фигурка не успела. Она – это была девочка – сделала несколько шагов, а потом застыла как вкопанная: теперь она ни словечка вымолвить не могла, ведь кто-то прожал ее точку немоты. Лицо ее перекосилось от страха.

– Не бойтесь, – услышала она позади чей-то голос. – Я заглянул к вам, желая навестить старинного друга, и никак не ожидал, что он со всем семейством куда-то уехал. Позвольте взглянуть на вас. Кто вы?

Из-за ее спины вышел красивый даосский монах: настоящий небожитель, и голос у него был добрый и ласковый.

Монах определенно не походил на злодея, и прежде бешено колотившееся сердце девочки постепенно успокоилось.

Шэнь Цяо открыл ее точку немоты.

Девчушка оказалась совсем маленькой, личико у нее было перепачкано, но даже грязь не могла скрыть нежную белую кожу. Волосы были убраны в два круглых пучка – по одному с каждой стороны, как обычно заплетали детей ее возраста. Судя по одежде, родилась она в богатой и знатной семье, где в ней с самого рождения души не чаяли. Шэнь Цяо даже предположить не мог, как она тут очутилась.

– А вы кто? – набравшись храбрости, задала встречный вопрос девочка.

– Меня зовут Шэнь Цяо, я даос с горы Сюаньду, – с улыбкой ответил он.

– Шэнь Цяо? – задумчиво повторила девочка. – «Шэнь» как «сок»¹³ в сочетании «сок вяза», что упоминается в «Книге обрядов»? А «Цяо» как «вершина» в имени Круглой горы, иначе Юаньцяо, что упоминается в главе «Вопросы Тана» из «Ле-цзы»?

– И то, и другое совершенно правильно, – ахнул Шэнь

¹³ «Шэнь» как «сок»... – девочка объясняет, как пишется имя Шэнь Цяо. Иероглиф «Шэнь» восходит к одной из книг конфуцианского Пятикнижия, «Ли цзи» («Книге обрядов»), составленной в IV–I вв. до н. э., и появляется в главе «Тань Гун Ся» при упоминании сока вяза, что использовался в погребальных обрядах. Гора Юаньцяо в русскоязычной литературе известна также как гора Юаньцзяо, упоминается в даосском трактате «Ле-цзы», составленном якобы в V–III вв. до н. э., как одна из гор в Великом океане, где живут бессмертные.

Цяо. Его весьма удивило, что девочка в столь нежном возрасте обладала такими глубокими познаниями. – Из какого вы семейства? И отчего здесь прячетесь?

Как уже упоминалось, девочка была еще совсем крохой и потому не смогла долго сохранять степенный и сдержанный вид. Услышав ответ, она вздохнула с явным облегчением.

– Мой дядя по матушке как-то упоминал монаха Шэня. Надеюсь, монаху Шэню не повелели меня разыскать?

Ее уклончивые речи поначалу запутали Шэнь Цяо.

– Кто же ваш дядя? И кто мог повелеть мне разыскать вас?

– Я – А-Янь из семейства Доу, моя матушка – старшая принцесса Сяньян¹⁴.

Наконец Шэнь Цяо понял.

– Ваш дядя, должно быть, покойный император?

Доу Янь¹⁵ кивнула.

– За нашей усадьбой следят, – продолжила она. – Меня хотят заставить прийти во дворец и встретиться с его величеством, поэтому мне пришлось потихоньку убежать. Я хотела просить о помощи дядюшку Бяня, вот и пришла сюда,

¹⁴ *Принцесса Сяньян* – точные годы жизни неизвестны; старшая сестра Юйвэнь Юна, супруга высокопоставленного сановника Доу И (519–582).

¹⁵ *Доу Янь* (ок. 569–613) – посмертно императрица Тайму, супруга Ли Юаня (566–635), приходившегося племянником жене Ян Цзяня и ставшего впоследствии первым императором династии Тан. В детстве действительно проявила себя как одаренный ребенок, отличалась прекрасной памятью и росла в императорском дворце, пользуясь расположением Юйвэнь Юна. С юности славилась как выдающаяся красавица. Хорошо разбиралась в политике, была искусна в каллиграфии.

но в доме никого не оказалось, а потом я услышала, как на улице кто-то ищет меня, и уже не осмелилась уйти...

– Но как же так вышло? – нахмурился Шэнь Цяо. – Ваша матушка была покойному императору старшей сестрой, нынешнему государю она приходится родной теткой. Кто осмелится причинить зло вашей семье?

Едва договорив, он все понял сам: никто, кроме самого императора. А значит, Юйвэнь Юнь и осмелился.

Доу Янь закусила нижнюю губу, как будто в знак того, что не хочет отвечать на столь щекотливый вопрос, но Шэнь Цяо уже и не нуждался в ответе. Он ласково сказал девочке:

– Боюсь, все, кто здесь жил, давным-давно покинули усадьбу, ждать их бессмысленно. Не лучше ли вам вернуться домой? В присутствии вашей матушки его величество не станет...

– Нет-нет! Мне никак нельзя возвращаться! – помотала головой Доу Янь. – Тогда его величество непременно прикажет мне явиться во дворец, и отец с матушкой никак не смогут ему помешать. А тогда мне придется распрощаться с жизнью!

Видя ее серьезность, Шэнь Цяо немного растерялся, не зная, как быть дальше. Он хотел было спросить ее, как она в таком случае намерена поступить, как вдруг с улицы донеслись крики, раздался топот целой толпы, а следом – грохот от выломанных ворот усадьбы.

– На этот дом можно особо не рассчитывать, к тому же

обитатели, кажется, давным-давно съехали. Всем заходить незачем, я сам схожу проверю, – слышался чей-то голос.

Он показался Шэнь Цяо смутно знакомым, даос напряг память и наконец вспомнил: говорил Пулюжу Цзянь.

Доу Янь тем временем в страхе спряталась за спиной Шэнь Цяо и тянула его за рукав:

– Бежим, бежим отсюда!

Но монах не двигался с места. Девочка с досады топнула ногой и бросилась обратно в комнату – несомненно, чтобы снова схорониться под кроватью.

Она только-только забежала внутрь, как во внутренний дворик широким шагом вошел Пулюжу Цзянь и столкнулся с Шэнь Цяо лицом к лицу.

Даос остался совершенно невозмутим, тогда как Пулюжу Цзянь удивился до глубины души.

– Вы... – начал было он, но тут же закрыл рот, бросил взгляд в сторону ворот и жестом дал Шэнь Цяо понять, чтобы тот молчал.

Шэнь Цяо кивнул, ожидая, пока Пулюжу Цзянь не заговорит сам. Тот нахмурился, на лице его явственно читалась озабоченность – он как будто колебался, пытаясь правильно подобрать слова.

Из замешательства их вывела Доу Янь: девочка притаилась в комнате, но, не слыша никакого шума, не удержалась и захотела узнать, что происходит. Она на цыпочках подошла вдоль стены к дверям и выглянула наружу. Доу Янь думала,

что со двора ее не углядеть, но Пулюжу Цзянь заметил барышню. Он страшно изумился, сделал несколько шагов в ее сторону, но Доу Янь поняла, что ее обнаружили, и так перепугалась, что убежала обратно в глубь комнаты.

– Монах Шэнь, вы знаете, где сановник Бянь? – быстро прошептал Пулюжу Цзянь. Голос его был едва слышен, но Шэнь Цяо понял вопрос. Увы, он не знал и отрицательно покачал головой.

– У меня поручение, которое сам я сейчас никак не могу исполнить, – так же тихо и быстро продолжил Пулюжу Цзянь. – Ничего не остается, кроме как затруднить этой просьбой вас. Монах Шэнь, сделайте одолжение, помогите: нужно доставить барышню Доу к семейству Су, пусть спрячется у них, там она будет в безопасности.

К семейству Су? Шэнь Цяо недоуменно поглядел на Пулюжу Цзяня.

– В усадьбу уездного гуна Мэйяна! – пояснил он.

Тут с улицы донесся чей-то громкий голос:

– Гогун Суй, позвольте узнать, не обнаружили ли вы что-нибудь? Не нужна ли помощь?

– Ничего не нужно! – крикнул в ответ Пулюжу Цзянь. – Я уже возвращаюсь!

Он не успевал сказать ничего более, потому лишь сложил руки у груди, поклонился Шэнь Цяо и поспешно удалился.

Снаружи донесся неразборчивый гул голосов, но вскоре люди прикрыли за собой ворота, наложили снаружи запор и

начали расходиться один за другим.

Доу Янь снова высунулась из комнаты – она все еще была испугана.

– Все ушли, – сказал ей Шэнь Цяо. – Гогун Суй попросил меня доставить вас в усадьбу уездного гуна Мэйяна, дабы вы спрятались у них. Что вы на это скажете?

– Это можно, – немного подумав, одобрила девочка. – Уездный гун Мэйяна с давних пор прителествует с батюшкой, должно быть, это батюшка и решил порекомендовать меня его заботам. Тогда, монах Шэнь, мне придется побеспокоить вас просьбой сопроводить меня к нему. Не слишком ли это затруднит вас и не навлечет ли на вас беду?

– Никоим образом, – улыбнулся Шэнь Цяо. – Для меня это проще простого.

Он взял Доу Янь на руки, легко перепрыгнул через стену, а затем, следуя указаниям девочки, окольными улочками направился к усадьбе семейства Су. Доу Янь никогда прежде не видела столь совершенного цингуна – всю дорогу она восхищенно улыбалась от уха до уха. Когда спутники добрались до черного хода усадьбы Су, девочка смотрела на Шэнь Цяо с благоговейным трепетом. Не удержавшись, даос погладил ее по головке, а затем перемахнул через стену усадьбы Су.

Доу Янь шепотом подсказывала ему, куда идти:

– Нужно пересечь этот дворик, второе здание впереди – это кабинет, днем уездный гун Мэйяна всегда там, мы с батюшкой как-то раз заходили к нему...

Мастерство Шэнь Цяо достигло таких высот, что прокрасться незаметно в усадьбу Су было для него сущим пустяком. Су Вэй преспокойно сидел себе в кабинете и читал книгу, как вдруг двери отворились и к нему вошли двое: мужчина и ребенок. Он чуть не завопил от неожиданности, но, к счастью, тут же признал Шэнь Цяо и Доу Янь, сдержал крик, едва не сорвавшийся с губ, и уже обыкновенным голосом воскликнул:

– Монах Шэнь? Вторая барышня Доу?

Доу Янь слезла с рук Шэнь Цяо и звонко заговорила:

– Не тревожьтесь, дядюшка, А-Янь пришла без злого умысла!

Су Вэй поднялся, подошел к дверям, выглянул наружу и осмотрелся. Убедившись, что подглядывать и подслушивать некому, он затворил двери и повернулся к неожиданным гостям:

– Почему вы пришли сюда? – спросил он. – А-Янь, я слышал, что усадьбу семейства Доу оцепили люди его величества – разыскивают вас.

– Все так, – удрученно подтвердила девочка. – Это из-за меня у батюшки с матушкой неприятности. Его величество боится, как бы родители не спрятали меня, и теперь пристально наблюдает за нашей семьей. Я пока не могу вернуться домой, потому и пришла молить дядюшку приютить меня.

– В усадьбе сановника Бяня мы повстречали гогуна Суй, – добавил Шэнь Цяо. – Это он велел нам обратиться к уездно-

му гуну Су.

Су Вэй вздохнул:

– Ладно. Идите за мной.

Он не стал выпрашивать подробности – похоже, в общих чертах уже знал, что происходит. А вот Шэнь Цяо, напротив, с момента, как ступил за ворота Чанъяня, чувствовал, что все идет совсем не так, как он себе представлял. Оставалось только надеяться, что по ходу дела он во всем разберется.

Су Вэй тем временем подошел к книжному шкафу и толкнул его в сторону. За ним оказался потайной ход. По нему он и увел неожиданных гостей в какое-то другое здание.

Они очутились в комнате, за окнами которой буйствовала густая зелень. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь листья, и оттого в помещении было темновато, но в жаркие летние дни здесь наверняка царили прохлада и свежесть. К тому же растительность хорошо скрывала домик от посторонних глаз – чужаки, пожалуй, и вовсе не смогли бы его отыскать.

У одного из окон, заложив руки за спину, стоял и смотрел вдаль мужчина. Услышав, что потайной ход открылся с другой стороны, он обернулся навстречу Су Вэю, увидел Доу Янь и невольно воскликнул:

– Вторая барышня?! – В голосе его прозвучало неприкрытое удивление.

Доу Янь всю дорогу вела себя точь-в-точь как взрослая, но при виде этого человека в конце концов не выдержала и

расплакалась:

– Пятый дядюшка! Дядю-императора погубил мой двоюродный братец!

При этих словах трое взрослых побелели от ужаса.

– Вторая барышня, вы понимаете, что говорите? – воскликнул Юйвэнь Сянь, не веря своим ушам.

Доу Янь зашмыгала носом.

– Я была рядом и все видела. Его величество тяжело больной лежал в постели, к нему пришел двоюродный братец и сказал... сказал...

Неожиданно встретив родного человека, она так разволновалась, что никак не могла успокоиться и договорить до конца.

Юйвэнь Сянь сжал руку девочки и усадил ее.

– Не торопитесь, рассказывайте по порядку.

Су Вэй налил воды и подал Доу Янь.

Стиснув в руках чашку с теплой водой, она мало-помалу собралась с силами и продолжила:

– Братец пришел навестить его величество и сказал ему такие слова: «Да когда ж ты наконец помрешь?! Чем быстрее это случится, тем быстрее я взойду на престол. Пока ты жив, мне не будет покоя! Сколько труда, чтобы ты оказался прикован к постели, а ты все никак не подохнешь! Тебе лишь бы помучить меня!»

Доу Янь всегда была умна не по годам, в своем нежном возрасте знала наизусть все классические книги, а потому ей

не составило труда запомнить и воспроизвести слово в слово все сказанное двоюродным братом. Никто бы и помыслить не мог, что именно эта девочка, которой не исполнилось и десяти, убедила Юйвэнь Юна ради блага страны перетерпеть унижение и не выказывать холодности императрице из рода Ашина. Юйвэнь Юн, в свою очередь, души не чаял в племяннице и порой жалел, что Доу Янь не родилась мальчиком. Он с самого детства держал ее при себе: когда Доу Янь была совсем малышкой, она и вовсе прожила во дворце несколько лет и, даже когда вернулась домой, по-прежнему могла свободно посещать дядю-императора – стража, охранявшая все входы и выходы, ее не останавливала.

Вся императорская родня знала Доу Янь как на редкость смышленную девочку, и потому Юйвэнь Сянь ни на миг не усомнился в правдивости ее слов. Он был вне себя от ужаса и гнева:

– Он действительно так сказал?!

Доу Янь кивнула:

– Стоило его величеству заболеть, и братец начал все чаще проявлять дурной нрав. Мне не хотелось с ним видеться, и в тот день, как только я узнала, что он идет в императорскую опочивальню, отыскала укромное место и спряталась. Оттуда я и слышала все, что братец говорил его величеству... Его величество страшно рассердился, назвал его послушником и строптивцем, непочтительным сыном, хотел кликнуть кого-нибудь, чтобы ему помогли написать указ о

лишении Юйвэнь Юня титула наследного принца, но братец сказал его величеству, чтобы тот не утруждал себя понапрасну, и... и...

Бледная как полотно, она крепко стискивала чашку в ладонях. На лице отражался страх, будто она снова очутилась в императорской опочивальне и, прячась за тяжелым пологом, смотрела, как стоявший у ложа дракона Юйвэнь Юнь вдруг наклонился, накинул на голову отца одеяло, а потом...

– Он задушил его величество! Я своими глазами видела, что Юйвэнь Юнь задушил его величество! – не в силах сдержаться, Доу Янь разрыдалась в голос.

Какое-то время никто не говорил ни слова. В комнате слышалось лишь тяжелое дыхание да тихое всхлипывание девочки.

Юйвэнь Сянь не знал, что и думать: от потрясения он лишился дара речи и застыл в растерянности – лишь щека дергалась. Су Вэй был ошарашен не меньше. Он всегда старался держаться подальше от придворных дел, на службе не состоял и, сколько бы Юйвэнь Юнь ни приглашал его занять должность, неизменно отвечал отказом. Он пошел на риск и приютил Юйвэнь Сяня из дружбы с ним и Пулюжу Цзянем и никак не ожидал услышать страшную правду о заговоре против императора.

В борьбе за власть отцы и дети испокон веков шли друг против друга, в этом не было ничего удивительного. Но Юйвэнь Юнь носил титул наследного принца уже давно, трон

рано или поздно все равно перешел бы к нему. И раз он оказался столь нетерпелив, что не остановился даже перед убийством родного отца, значит, вырос по-настоящему бесчестным злодеем.

– Юйвэнь Юнь знает, что вы все видели и слышали, потому и хочет схватить вас? – уточнил Шэнь Цяо у Доу Янь.

Глаза девочки покраснели от слез, но она кивнула и ответила:

– Я страшно боялась, что братец меня увидит, так что не смела даже пошевелиться, пока он находился в опочивальне. Потом он вышел и объявил, что его величество скончались, поднялась суматоха, и тогда я выбежала из комнаты. Но Юйвэнь Юнь заметил меня близ покоев его величества и заподозрил, что я видела, как он убивал государя. Он послал за мной и велел прийти во дворец, дабы «вместе с двоюродной сестрицей предаться воспоминаниям».

– Известно ли сие вашему отцу и старшей принцессе Сяньян? – спросил Су Вэй.

– Братец очень мнительный, – покачала головой Доу Янь. – Я не посмела ничего рассказывать батюшке с матушкой из опасений, что они ненароком выдадут себя в его присутствии, ежели узнают правду. Они думают, что я просто глубоко опечалена кончиной дядюшки. Едва объявили о завершении траура, как братец тут же послал за мной, а я, побоявшись, что батюшка с матушкой не смогут ему помешать, в одиночку сбежала из дома и отправилась к господину Бя-

ню. Увы, его усадьба уже опустела.

Тут в дверь постучали. Су Вэй вышел и вскоре вернулся с миской горячей лапши.

– Вы наверняка проголодались, А-Янь. Поешьте, потом продолжим разговор.

Девочка давно не ела, и при виде лапши у нее слюнки потекли. Низко склонившись над миской, Доу Янь жадно принялась за еду. Она была так голодна, что от всей ее сдержанности и утонченного воспитания не осталось следа – в конце концов, несмотря на всю спокойность и рассудительность, она была лишь ребенком.

У Юйвэнь Сяня сердце разрывалось при виде исстрадавшейся девочки.

– Не спешите, – вырвалось у него. – А то можете поперхнуться.

– Неужто прежний государь не ведал, каков собой Юйвэнь Юнь? – проговорил Шэнь Цяо. Однажды ему довелось встречаться с Юйвэнь Юном, и тот не показался ему глупцом.

Су Вэй спохватился, что не представил Шэнь Цяо, и поспешил исправить оплошность:

– Ваше высочество, сей господин – монах Шэнь с горы Сюаньду.

Юйвэнь Сянь вздохнул:

– Монах Шэнь, вы, должно быть, не знаете, что покойный государь держал наследного принца в строгости. Зная, что

тот пристрастился к выпивке, он велел, чтобы в Восточном дворце не было и капли вина. Наследный принц давно таил недовольство, но, пока государь здравствовал, ему приходилось молча сносить такое обращение.

Никаких иных пояснений Шэнь Цяо не требовалось. Ему тут же все стало ясно.

Юйвэнь Юня слишком долго ограничивали в его прихотях, и нрав его испортился: он сделался жестоким и кровожадным. Видя, что отец пребывает в расцвете сил, и не зная, сколько еще придется ждать трона, наследный принц потерял всякое терпение и решился действовать. Неизвестно, были у него сообщники или он действовал сам по себе. В любом случае, врагов у Юйвэнь Юна, запретившего буддизм и даосизм, покончившего с Северной Ци и готовившегося к войне с тюрками, хватало во всей Поднебесной, и желающих поспособить Юйвэнь Юню даже и в императорском дворце нашлось бы предостаточно. Взять хотя бы императрицу Ашина: как терем над рекой, что первым встречает луну, она ближе всех была к государю, а потому ей было проще, чем кому-либо, навредить ему.

Шэнь Цяо вдруг вспомнились слова Янь Уши о наследном принце и рассуждения о судьбе Северной Чжоу. Все его предсказания сбывались одно за другим прямо на глазах.

Вспомнил он и о том, что произошло в заброшенном храме. Сердце даоса сжалось, он тяжело вздохнул и лишь усилием воли взял себя в руки.

– В дороге я слышал, будто бы Юйвэнь Юнь пожелал обновить дворец и развернул большое строительство, – заговорил он. – Слышал и о том, что он будто бы выслал немало сановников, посмевших ему прекословить. Правда ли сие?

Монах не был подданным Северной Чжоу, к тому же и сам Юйвэнь Юнь не пользовался народной любовью, а потому никто не считал упоминание нынешнего государя по имени неподобающим.

– В двух словах и не расскажешь, – начал Су Вэй. – Согласно обычаю, траур по почившему государю надобно держать больше месяца, однако минуло лишь десять дней, и его величество велели всем прекратить скорбеть. Тогда многие придворные сановники принялись возражать и зывали к сыновней почтительности нового государя, но тот ответил лишь, что предки его были сянбийцами, потому ему незачем следовать ханским обычаям, а сановникам нечего нести всякий вздор и лезть в дела правящей семьи. Он заявил, что впредь любой, кто посмеет во всеуслышание поучать государя, будет объявлен смутьяном, наказан палками, а потом со всей семьей выслан из столицы.

– Государь досадовал, что нынешний дворец слишком мал и недостаточно пышен для хозяина Поднебесной, – продолжил Юйвэнь Сянь, – а потому распорядился обновить его, а у дворцовых стен разбить большой сад, дабы императорская семья могла там отдыхать и охотиться. Война предыдущего государя с империей Ци потребовала много людей и

денег, но император не хотел поднимать налоги для простого народа и велел все богатства Северной Ци передать в государственную казну. Никто не ожидал, что новый государь, едва взойдя на трон, одним росчерком кисти вернет эти богатства в дворцовую сокровищницу... — Он горько улыбнулся. — Многие сановники подавали прошения с возражениями и поплатились за это.

— Отец был подобен отважному тигру, а сын оказался хуже шелудивого пса! — сердито нахмурившись, заметил Шэнь Цяо. — Поистине достойно сожаления!

Солнце Северной Чжоу до сих пор поднималось все выше и выше — неужто по вине какого-то взбалмошного юнца ему суждено закатиться?

Юйвэнь Сянь покачал головой:

— Монах Шэнь, вы посвятили себя боевым искусствам и оттого не особенно сведущи в дворцовых интригах. На первый взгляд кажется, будто император просто захотел присвоить богатства и потратить их на личные нужды, но на самом деле то лишь предлог, дабы выявить несогласных, устранить недовольных и посмотреть, кто по-настоящему ему предан. Те, кто всецело поддерживал предыдущего государя, ему не нужны, как и те, кто не захочет слепо следовать за новым, вот он и хочет нанести удар первым, дабы избавить себя от лишних хлопот в будущем. Его величество, как-никак, много лет пробыл наследным принцем и в совершенстве овладел всеми уловками, свойственными правителю.

– Это уж точно, – мрачно согласился Су Вэй. – В управлении государством он ничего не смыслит, сколько его ни учили, но, чтобы расправляться с неудобными, ему наставник не нужен – эту премудрость он и сам освоил. Так хорошо освоил, что вы, циский князь, аж ко мне примчались в поисках убежища!

Юйвэнь Сянь лишь печально усмехнулся.

Некогда Янь Уши говорил, что хочет поддержать циского князя, и, памятуя о его словах, Шэнь Цяо заговорил:

– Простите сего ничтожного даоса за прямоту, но с давних времен говорят: «Больше содействия получает тот, кто обретает путь к истине, а кто теряет этот путь, тому меньше оказывают помощи»¹⁶. Юйвэнь Юнь готов попать здравый смысл, лишь бы поступить наперекор покойному отцу. Если так пойдет и дальше, боюсь, все достижения прошлого государя пропадут втуне – их все равно что водой смоем. От нынешнего благополучия империи Чжоу не останется и камня на камне: земли Ци к ней присоединили совсем недавно, обстановка в стране беспокойная, к тому же у границы тиграми ходят тюрки, бросая на нас алчные взоры и поджидая лишь удачного случая. Ваше высочество, вы всегда пользовались большим уважением и обладали огромным влиянием...

Юйвэнь Сянь жестом остановил его. Вид у него был удру-

¹⁶ ...Больше содействия получает тот, кто обретает путь к истине, а кто теряет этот путь, тому меньше оказывают помощи – Шэнь Цяо цитирует трактат «Мэн-цзы», главу «Гун-сунь Чоу», часть 2. Здесь приводится в пер. В. С. Колоколова.

ченный, в лице отразился испуг:

– Монах Шэнь, я понимаю, к чему вы клоните. Предыдущий государь всегда привечал меня, и потому едва новый император взошел на престол, он тут же отнял у меня всякую военную власть и велел своим людям денно и ночно наблюдать за моим домом. Вся моя семья от мала до велика сидит под стражей в стенах собственной усадьбы. Но у меня никогда и мысли не было пойти против императорской власти, к тому же если я и впрямь подниму восстание, то поступлю именно так, как хочется новому государю: дам ему повод заклеить меня предателем и мятежником.

– Монах Шэнь, вы, верно, не знаете, что после кончины отца новый император один за другим отменил все его запреты, – добавил Су Вэй. – Монах Сюэтин вновь сделался наставником государя, а сам государь особенно покровительствует Юань-гуйфэй¹⁷, которая приходится монаху Сюэтину ученицей в миру.

Наставник Сюэтин был могучим бойцом, и с его присутствием при дворе тайное убийство Юйвэнь Юня становилось невозможным. А что до открытого выступления против нового императора, то Юйвэнь Сянь сейчас не имел сколько-нибудь значимого преимущества и оттого не хотел развязывать войну.

Доу Янь к тому времени уже давно доела лапшу, щеки ее порозовели, и теперь она внимательно слушала разговор

¹⁷ *Гуйфэй* – титул императорской наложницы, досл. «драгоценная подруга».

взрослых. Посмотрев на приободлившуюся девочку, Юйвэнь Сянь улыбнулся:

– Почтенный монах, это ведь вы привели к нам А-Янь, а я даже не поблагодарил вас.

– Не нужно благодарности, ваше высочество, – ответил Шэнь Цяо. – Меня сие нисколько не затруднило.

– Вы, верно, прибыли в Чанъань по какому-то важному делу? – продолжил циский князь.

– Один старый друг попросил меня приехать в столицу, дабы проведать предыдущего государя, но увы, я опоздал.

– А друг, ваш, должно быть, младший наставник Янь? – уточнил Юйвэнь Сянь.

– Верно, – сказал Шэнь Цяо. – Еще когда на главу Янь ополчился весь белый свет, он предвидел, что в столице могут случиться внезапные перемены, и просил меня отыскать циского князя, ежели Юйвэнь Юна постигнет беда.

Юйвэнь Сянь горько усмехнулся:

– Я понимаю, что имел в виду глава Янь, но он переоценил меня. Ныне я потерял почти всю власть, войска мне не подчинены, а если и удастся поднять восстание, оно закончится ничем: прольются реки крови, пострадают безвинные, и все зря.

– Но, ваше высочество, нельзя же просто сидеть сложа руки и покорно ждать смерти, – возразил Су Вэй. – Вы много лет командовали войсками, солдаты вас любят и уважают. Пусть Юйвэнь Юнь лишил вас полномочий, стоит вам обра-

титься к армии, и многие откликнутся на ваш призыв. Еще есть возможность все изменить.

– А что мне делать, если Юйвэнь Юнь возьмет в заложники мою семью? – рассердился Юйвэнь Сянь. – Неужто я должен пожертвовать родными ради трона? И чем тогда я буду отличаться от Юйвэнь Юня? Недаром сказано: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований»¹⁸. Юйвэнь Юнь унаследовал престол от отца, даже если он и вправду убил предыдущего государя, многие ли про то знают? Пусть я ворвусь во главе войска в императорский дворец, что помешает Юйвэнь Юню сбежать на пару с наставником Сюэтином? Тогда он объявит себя императором в изгнании, и империя Чжоу погрязнет в междоусобице. Мы с братьями столько лет не щадя живота своего трудились, дабы объединить северные земли под нашим началом, и что же, все наши труды пойдут прахом? Как я буду смотреть людям в глаза, если стану тем негодяем, что ввергнет родную страну в пучину беспорядков?

Су Вэй промолчал.

На глазах Доу Янь заблестели горячие слезы – несмотря на свой юный возраст, девочка как будто все поняла.

Шэнь Цяо вздохнул про себя. Есть те, кто от рождения ве-

¹⁸ ...Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований – цитата из трактата Конфуция «Лунь Юй», глава XIII, «Цзы Лу» (здесь приводится в пер. Л. С. Переломова). В широком смысле слова Юйвэнь Сянь имеет в виду, что если придет к власти, нарушив моральные принципы, то утратит право именоваться достойным правителем и ничем не будет отличаться от Юйвэнь Юня.

ликодушен и мягкосердечен, пусть даже им довелось воевать и сразить многих врагов. В смутные времена таким людям ни за что не возвыситься, и Юйвэнь Сянь принадлежал к их числу. Он, может, и знал, как должен поступить, но не мог.

– Увэй, ты всегда старался держаться подальше от властей, ибо тебе претило их пренебрежение к человеческой жизни. – Юйвэнь Сянь повернулся к Су Вэю. – Со мной ты сдружился именно потому, что я не таков, как они, а теперь сам подталкиваешь меня ступить на тот же путь?

Су Вэй почтительно сложил руки у груди и поклонился:

– Я допустил неподобающие речи, прошу циского князя меня простить.

Юйвэнь Сянь придержал его за локоть:

– Ты знаешь меня лучше всех. Я родился в богатой и знатной семье, скакал верхом по полю боя, разил врагов без счета, но, будь моя воля, я бы никогда не стал воином. Я бы предпочел поселиться с семьей в каком-нибудь уединенном месте, где горы чисты и прекрасна вода, разбил бы сад и выращивал цветы. Вот настоящее счастье!

Увы, человек – лишь игрушка в руках случая. Некогда могущественный циский князь, что вселял страх во врагов по всей земле, теперь прятался у друзей, страхась гибели и оттягивая неизбежное.

Видя общую подавленность, Юйвэнь Сянь обратился к Шэнь Цяо:

– Что вы намерены делать теперь, почтенный монах?

Немного подумав, Шэнь Цяо спросил:

– Цискому князю ведомо, где сейчас Бянь Яньмэй?

Юйвэнь Сянь лишь покачал головой:

– Предыдущий государь почил, а на следующее утро Бянь Яньмэй исчез и дом его опустел. Никто не знает, куда он направился. Похоже, брат Бянь давно предвидел нынешние невзгоды и потому заблаговременно поспешил скрыться. Надо сказать, он оказался куда дальновиднее меня.

– Монах Шэнь, ежели не погнушаетесь, можете остановиться у нас в усадьбе Су, – предложил Су Вэй. – Вы оказали нашей семье немалую услугу, матушка часто о вас вспоминает, а мой брат восхищается вашим мастерством в боевых искусствах. Они будут рады вас повидать, пусть и в таких обстоятельствах.

Юйвэнь Юн скончался, Бянь Яньмэй бесследно пропал. Шэнь Цяо понимал, что ему нужно как можно скорее найти Янь Уши, но где его искать, он тоже не знал. Оставалось лишь одно: постепенно выведать, чем сейчас занимаются школы Чистой Луны и Обоюдной Радости. Чанъань же как раз стоял на перекрестке многих дорог, сюда стекались все новости, и о происходящем в Поднебесной он узнал бы здесь быстрее, чем где бы то ни было. Другими словами, покамест остаться в столице представлялось наиболее разумным решением.

Все обдумав, Шэнь Цяо ответил:

– Тогда придется мне вас побеспокоить, уездный гун Мэй-

яна.

– Не нужно церемоний, почтенный монах, – улыбнулся Су Вэй. – Можете звать меня просто Увэй.

Пока они беседовали, в дверь снова постучали. Су Вэй отворил – на пороге стояла доверенная служанка.

– Господин, у задних ворот мужчина с ребенком, назвался Янь Ин, говорит, что он из подчиненных циского князя, а ребенок с ним – это маленький господин из усадьбы его высочества. Он просит дозволения встретиться с князем.

Су Вэй нахмурился:

– Откуда он знает, что циский князь у меня?

Но Юйвэнь Сянь переспросил:

– Янь Ин? Он и вправду был моей правой рукой в бытность командующим. Быть может, это принцесса сказала ему, где я, и велела привести сюда седьмого молодого господина, чтобы спрятать. Пусть войдут, я встречу с ними.

Су Вэй провел своих гостей по потайному ходу назад в кабинет, а оттуда – в павильон для приема посетителей. Служанка тем временем удалилась, дабы передать распоряжение господина, и вскоре привела юношу с ребенком на руках.

– Янь Ин! – в радостном удивлении вскричал Юйвэнь Сянь. – Ты привел седьмого молодого господина?

Юноша рухнул на колени, на глазах его выступили слезы:

– Ваше высочество! Янь Ин так тревожился за вас!

– Вставай, вставай! – громко говорил Юйвэнь Сянь. – Мужчине не пристало плакать! Да что же ты, вставай!

Он принял ребенка из рук Янь Ина. Малыш схватил Юйвэнь Сяня за щеки, с сосредоточенным видом долго в него вглядывался, а потом выпалил:

– Батюшка, ты похудел.

Юйвэнь Сянь крепко обнял сына и долго не хотел его отпускать. Наконец, разжав объятия, он спросил:

– Как вы нашли меня?

– Ваше высочество, – заговорил Янь Ин, – после вашего исчезновения по столице поползли слухи, будто вас убил Юйвэнь Юнь...

Под пристальным взглядом Юйвэнь Сяня он осекся, замялся и неохотно проговорил:

– Император поместил вашу семью под стражу в вашем собственном доме, несколько дней усадьба циского князя была оцеплена, и все мы места себе не находили, но без вашего распоряжения не смели ничего предпринять. И тогда Вэй Сюй сказал, что на всякий случай – мало ли что произойдет в усадьбе – я должен пойти к принцессе, узнать, где вы, поочередно вывести из усадьбы молодых господ и переправить их в безопасное место, дабы император в гневе не совершил непоправимого!

– И тогда принцесса попросила тебя вывести первым седьмого молодого господина? – уточнил Юйвэнь Сянь.

– Да, – кивнул Янь Ин. – Принцесса сказала, что седьмой молодой господин самый младший, его даже еще не записали в родословную, что случись – его будет непросто разыскать.

И она велела сему подчиненному отвести седьмого молодого господина к вам.

Юйвэнь Сянь покрепче прижал к себе малыша. Новости весьма опечалили его: оказывается, даже принцесса готовилась к худшему.

Су Вэй был серьезен и мрачен.

– Говоришь, тебя просил так поступить Вэй Сюй? – переспросил он. – Пока ты шел сюда с седьмым господином, ты не заметил за собой слежки?

Янь Ин задумался.

– Да нет, вроде, ничего такого, я был крайне осторожен...

Не успел он договорить, как Шэнь Цяо изменился в лице и вскочил. Все взоры обратились на него:

– Монах Шэнь?

– Сюда спешат люди, конные и пешие! – проговорил он. – Должно быть, солдаты.

Все разом побледнели.

– Живо назад, в потайной ход! – крикнул Су Вэй.

Но Юйвэнь Сянь не шелохнулся.

– Слишком поздно, – сказал он. – Наверняка они явились по следам Янь Ина и уже окружили усадьбу Су, дабы схватить всех заговорщиков одним махом. Если семейство Су меня не выдаст, император так просто этого не оставит.

Янь Ин с досадой хлопнул себя по бедру:

– Вэй Сюй, мерзавец, неужто и впрямь нарочно послал меня к принцессе?! Принцесса мне доверилась, сказала, где

вы, а он отправил за мной по пятам соглядатаев!

Тем временем большой отряд уже подошел к стенам усадьбы Су. Снаружи слышались угрожающие крики, ворота загрохотали от ударов. Поднялся такой шум, что его слышали даже гости усадьбы.

В павильон вбежал управляющий:

– Господин, беда! У ворот целая толпа, говорят, пришли за циским князем по приказу его императорского величества. Если не откроем сами – выломают ворота и ворвутся силой! Что нам делать?!

Юйвэнь Сянь тяжело вздохнул.

– Как говорится, коль счастье – так не горе, а коль горе – так что поделать? Похоже, от судьбы не уйдешь, чему быть – того не миновать. Отворяйте ворота, я уйду с ними. Нельзя допустить, чтобы семейство Су пострадало!

– Куда вы собрались?! – топнул ногой Су Вэй. – Уйдете вы или нет – нас все равно обвинят в укрывательстве преступника! Так за чем дело стало, прячьтесь, а я сам с ними разберусь! Не думаю, что они посмеют разнести всю усадьбу Су!

– Кажется, уездный гун Мэйяна совсем не почитает государя! Даже готов спрятать у себя изменника и навлечь беду на собственную семью! – донесся издалека чей-то холодный смех. Несмотря на расстояние, речь слышалась весьма отчетливо. Су Вэй содрогнулся – он никогда не занимался боевыми искусствами, а потому каждое слово отдавалось у него в ушах барабанным боем.

Первым в павильон вошел Юйвэнь Цин, которого Шэнь Цяо знал по совместному путешествию в Южную Чэнь, но смеялся не он, а тот, кто держался поодаль.

И этот человек тоже не был для Шэнь Цяо незнакомцем. При виде даоса тот в первый миг удивился, но тут же овладел собой и осклабился:

– Монах Шэнь! Вот уж точно, мир тесен!

– Мужун Цинь, – обратился к нему Шэнь Цяо и спокойно осведомился: – Как поживает Чэнь Гун?

Мужун Цинь расплылся в улыбке:

– Как нельзя лучше. Вы будете рады узнать, монах Шэнь, что государь пожаловал моему господину титул гогун Чжао за то, что тот преподнес ему меч Тайэ.

Глава 31

Юйвэнь

Что ж, значит, Чэнь Гун не бросил сломанный им меч, из рукояти которого извлек одну из цзюаней «Сочинения о Киноварном Ян», а забрал с собой и перековал. Меч сей прославился во времена Сражающихся царств, а благодаря Цинь Шихуанди за ним закрепилось поверье, будто владеющий им будет владеть всей Поднебесной. Самому Чэнь Гуну меч Тайэ был без надобности, и он, желая угодить новому чжоускому государю, преподнес клинок Юйвэнь Юню. Если уж при Гао Вэе Чэнь Гун чувствовал себя как рыба в воде, то и с Юйвэнь Юнем, который от Гао Вэя мало чем отличался, найти общий язык ему было проще простого.

Появление большого отряда стражников, конных и пеших, которые ворвались в усадьбу Су и оцепили ее со всех сторон, переполошило ее обитателей. Кто-то боялся, кто-то гневался, и лишь некоторые сохраняли спокойствие.

Госпожа Цинь, мать Су Вэя, не могла сидеть на месте. Она вышла к непрошеным гостям в сопровождении второго сына, Су Цяо. Тот уже давно посвятил себя боевым искусствам, принадлежал к вольнице-цзянху и потому мог позволить себе не держать язык за зубами. Завидев чужаков, он холодно осведомился:

– Юйвэнь Цин, что ты себе позволяешь? Семейство Су ничего не нарушило и никого не обидело, так зачем ты явился сюда со сворой шелудивых псов?

Лицо Мужун Цина, к которому относилось это оскорбление, перекошило от гнева, но он сумел сдержаться.

Юйвэнь Цина, судя по всему, отправили выполнять грязную работу совершенно внезапно, сам он меньше всего искал ссоры с семейством Су. Выслушав Су Цяо, он с улыбкой ответил:

– Рад встрече, второй господин Су. Пару дней назад я слышал, будто бы вы отбыли на гору Цинчэн. Не думал, что вы могли так быстро вернуться.

Затем он повернулся к Юйвэнь Сяню, Су Вэю и госпоже Цинь, поприветствовал всех и обратился к Шэнь Цяо как к старому знакомому:

– После нашего расставания, монах Шэнь, я часто вас вспоминал. Похоже, теперь вы пребываете в добром здравии?

Шэнь Цяо кивнул:

– Весьма тронут, ныне мне гораздо лучше.

– Вот и славно, славно.

Непринужденное обхождение Юйвэнь Цина несколько разрядило обстановку.

Поклонившись Юйвэнь Сяню, Юйвэнь Цин наконец заговорил о деле:

– Почтенный князь, некто донес, будто именно вы при-

частны к тяжелой болезни и скоропостижной кончине предыдущего государя. Его величество страшно разгневался и велел мне привести вас во дворец, дабы вы могли объясниться. Ежели обвинение несправедливо, его величество поступит с вами по совести.

– Какая чушь! – не сдержавшись, выкрикнул Янь Ин. – Его высочество циский князь служил покойному государю верой и правдой, как мог он его погубить?! Все это гнусная клевета!

Шэнь Цяо, не удержавшись, оглянулся на Доу Янь: девочка пряталась за спиной Юйвэнь Сяня, она была потрясена и напугана.

Шэнь Цяо не разбирался в хитросплетениях дворцовых интриг и обыкновенно видел в людях только хорошее, но после всего пережитого он понемногу научился рассуждать как Янь Уши.

Юйвэнь Юнь знал: Доу Янь видела, как он убил отца, к тому же он ни на миг не забывал, что его дядя обладал немалым влиянием, совершил множество подвигов на поле брани и пользовался уважением и любовью среди солдат. Он опасался, как бы Юйвэнь Сянь не стал для него угрозой, и решил ударить первым, обвинив того в убийстве государя. Его не волновало, поверят в то или нет. Другое имело значение: никто теперь не поверит Доу Янь. Даже если девочка расскажет правду, она станет лишь очередным слухом.

Как-никак, Юйвэнь Юнь был родным сыном Юйвэнь

Юна. Может, он и не блистал умом, но решительности и хитрости, необходимых для государя, ему было не занимать. Юйвэнь Сянь, в свою очередь, промешкал слишком долго. И сегодняшний день, пожалуй, ничем хорошим для него не закончится.

Если уж Шэнь Цяо все понял, то сам Юйвэнь Сянь тем более не мог не понять. Мысли обо всем, что предшествовало нынешним обвинениям, вихрем пронесли в его голове.

На самом деле Янь Уши приходил к нему еще при жизни Юйвэнь Юна и недвусмысленно дал понять: если тот жаждет великих свершений и готов сместить наследного принца Юйвэнь Юня, то школа Чистой Луны окажет ему всяческую поддержку. Но тогда Юйвэнь Сянь не дал согласия. А потом Юйвэнь Юн вдруг занемог, да так тяжело, что слег. Тогда Бянь Яньмэй снова намекнул Юйвэнь Сяню, что надобно заранее готовиться к тому, что последует за смертью государя, но Юйвэнь Сянь и в этот раз не решился действовать и отказался идти против воли Неба.

Бянь Яньмэй не стал его уговаривать. На следующее утро после кончины императора в его усадьбе не осталось ни души, и никто не знал, куда делись ее обитатели. А сам Юйвэнь Сянь, отказавшись от помощи, допустил роковую оплошность и оказался в западне. Все случилось ровно так, как и предвидел Янь Уши.

Когда-то глава школы Чистой Луны сказал ему: «Не пройдет и месяца после кончины Юйвэнь Юна, как Юйвэнь Юнь

выступит против собственного дяди».

Его слова сбылись.

Юйвэнь Сянь вздохнул – он и сам не знал, что теперь чувствует.

– Всю свою жизнь я верно служил государю, – ответил он Юйвэнь Цину. – Солнце и луна свидетели, что я не лгу. Это знал прошлый император, знает нынешний, знают все придворные сановники. В день смерти императора я и вправду приходил во дворец навестить его, но государь утомился и задремал, потому я пробыл у него не больше четверти часа, а затем сразу же удалился. Лишь потом я узнал о том, что его величество почил. Как же я могу быть причастен к его кончине?

Юйвэнь Цин смутился:

– Почтенный циский князь, сии речи вам лучше прибегать до встречи с его величеством. Я лишь исполняю высочайшее повеление, решать что-либо – не в моей власти.

– Если циский князь войдет во дворец, то выйдет ли оттуда живым и здоровым? – холодно спросил Су Вэй.

Юйвэнь Цин промолчал. По правде говоря, ответ и не требовался – все и так его знали.

– Сановник Юйвэнь, – вдруг подал голос Мужун Цинь, – когда мы отправлялись, государь велел не затягивать с сим делом, чем быстрее, тем лучше!

В лице Юйвэнь Цина читалось недовольство его словами, однако он не осадил Мужун Циня, а обратился к Юйвэнь

Сяню:

– Почтенный князь, вы сами все слышали. Прошу, следуйте за мной.

– Ваше высочество, вам нельзя с ними идти! – выпалил взволнованный Янь Ин. – Если пойдете – назад уже не вернетесь! Всяк в Поднебесной знает, что вас обвиняют несправедливо, но император ни за что вас не отпустит. Только прикажите – и я жизнь отдам, но помогу вам уйти!

Мужун Цинь криво усмехнулся:

– Государь подготовился загодя, как говорится, силки на небе и сети на земле. На всем пути от усадьбы Су до выезда из столицы расставлены засады, где караулят опытные мастера боевых искусств. Даже если вы и вырветесь отсюда, из Чанъаня вам не сбежать! Да и кроме того, вся ваша семья по-прежнему остается в усадьбе: неужели вы так жестоки, что обречете их на смерть?

– Какой же ты подлец, Мужун Цинь! – обрушился на него Янь Ин. – Слуга трех господ! Да как ты смеешь рот открывать!

– Су – древний и знатный род, – внезапно заговорила госпожа Цинь. – Он всегда славился благородством и честностью, в нем не было ни одного подлеца или труса. Циский князь проливал кровь на поле брани во имя Чжоу, совершил немало ратных подвигов, доблесть его всем известна, народ уважает и преклоняется перед ним. Разве можно бросить его в темницу, поверив злomu навету? Если его величество со-

мневаются, я готова от имени рода Су поручиться за невиновность циского князя!

– Верно, – поддержал мать Су Вэй. – Род Су готов свидетельствовать в пользу циского князя.

– Воля ваша, – равнодушно ответил Мужун Цинь. – Ступайте к его величеству и перед ним говорите все что пожелаете, а нам не мешайте исполнять приказ. Мы пришли за Юйвэнь Сянем, и ничьи слова нас не остановят.

Су Цяо смерил Мужун Циня гневным взглядом:

– А если мы его не отдадим?

– Тогда не взыщите, – Мужун Цинь медленно обнажил меч.

– Господин Мужун! Сей юноша – второй господин Су, но притом он личный ученик монаха И Бичэня из храма Чистого Ян с горы Цинчэн! – Юйвэнь Цин предостерег Мужун Циня и вновь повернулся к Юйвэнь Сяню: – В сущности, господин Мужун прав: даже если вы сбежите, ваши домочадцы сбежать не смогут. Прошу вас, хорошо подумайте.

– Даже если я пойду с вами, разве государь уберет стражу от стен усадьбы циского князя? – вымученно улыбнулся Юйвэнь Сянь, спустил с рук Юйвэнь Суна – седьмого господина, – обернулся к госпоже Цинь и вдруг опустился на колени в глубоком поклоне: – За эти несколько дней Юйвэнь Сянь причинил вашему достопочтенному семейству немало хлопот, прошу, госпожа, не держите обиды. Благодарю, что попытались меня защитить, но каждый отвечает сам за себя.

Я пойду к государю: не хочу, чтобы вы пострадали по моей вине.

– Князь... – вымолвила госпожа Цинь.

Юйвэнь Сянь шагнул вперед и протянул руки, позволяя себя связать.

Юйвэнь Цин дал отмашку: солдаты тут же скрутили князя.

– Ваше высочество! – вырвалось у Янь Ина.

– Янь Ин, прошу тебя, позаботься о седьмом господине: увези его из столицы к дяде по матери... – начал Юйвэнь Сянь.

Но Мужун Цинь его оборвал:

– Циский князь изволит попусту тревожиться. Никто из ваших домочадцев, будь то сыновья, дочери, да хоть распоследняя служанка, не смеет покинуть столицу без высочайшего дозволения.

На Юйвэнь Сяня страшно было взглянуть:

– Я и так уже сдался без боя, чего же еще хочет государь? Неужто истребить всю мою семью?

Мужун Цинь не удостоил его ответа.

– Схватить седьмого господина Юйвэня! – приказал он.

Янь Ин самоотверженно заслонил собой Юйвэнь Суна – он скорее бы умер, чем отдал ребенка. Но разве мог он противостоять Мужун Циню? Тот оттолкнул солдат, легко взмахнул клинком – и всего через три удара несчастный Янь Ин скорчился на земле. Мужун Цинь с нескрываемым пре-

зрением глянул на него и потянулся к Юйвэнь Суну.

Вдруг путь ему преградил меч в ножнах. Стройную белую руку, державшую клинок, словно высекли из прекрасного, безупречного нефрита. Мужун Цинь, впрочем, не обратил на эту руку никакого внимания. Безо всяких раздумий он потянулся к собственному мечу, пальцы его уже почти сомкнулись на рукояти, как вдруг он вспомнил и клинок, и его владельца. Перед его мысленным взором появились руины Жоцяна и Шэнь Цяо, в одиночку сражавшийся против стаи свирепых обезьян.

Мужун Цинь на миг замешкался... а затем выпустил меч и отступил на шаг, дабы уклониться от порыва чужой ци, грозившего ударить ему прямо в лицо. Однако, приглядевшись, он увидел, что Шэнь Цяо даже не обнажил свой клинок. Одежды его развевались по ветру, весь облик дышал чем-то неземным, возвышенным, словно у бессмертного небожителя, удалившегося от мирской суеты. Он казался самым безобидным из всех собравшихся во дворе.

Но Мужун Цинь знал: то была лишь видимость. Если когда-то он и смотрел на Шэнь Цяо свысока, то после Жоцяна уже не смел недооценивать стоящего перед ним монаха – тот был по-настоящему могучим бойцом.

Успокоившись, он ледяным тоном процедил:

– Видно, вы, монах Шэнь, родились в год собаки: сколько вас ни встречаю, вы вечно суете нос куда не просят.

– Вина циского князя еще не доказана, приговор не выне-

сен, а вы хотите покарать даже ребенка? – ответил ему Шэнь Цяо.

Мужун Цинь усмехнулся:

– У злодея, посмевшегося убить императора, карают всю семью.

При этих словах Доу Янь не смогла больше сдерживаться и звонко выкрикнула:

– Циский князь не убивал императора, императора сгубил Юйвэнь Юнь!

Только уже знавшие об этом остались спокойны. Остальные разом побледнели.

– Что?! – вырвался возглас у Юйвэнь Цина.

– Лукавые речи ведут к смущению в народе, – громко провозгласил Мужун Цинь. – Схватите и ее тоже! Никто не должен избежать наказания!

И, повинуясь его приказу, во двор ворвались Тоба Лянчжэ и Мужун Сюнь: один устремился к Доу Янь, другой бросился к Юйвэнь Суну.

Дети ничем не могли дать отпор – нападавшие двигались так быстро, что глазом нельзя было уследить. Им оставалось лишь покорно ждать своей участи. Но ни Тоба Лянчжэ, ни Мужун Сюнь так и не добрались до них.

Скорбь гор и рек в руке Шэнь Цяо засиял, внутренняя цихлынула бурлящей рекой, и казалось, то было лишь предвестие по-настоящему сурового натиска – как в горах в преддверии бури терем весь продувается ветром. Бойцам при-

шлось отступить на несколько шагов.

– Кто посмеет их тронуть, пока я здесь? – спросил Шэнь Цяо.

Говорил он спокойно, без тени угрозы, однако противникам казалось, будто каждый звук обрушивается на них весом в тысячу цзюней.

Мужун Цинь свирепо ухмыльнулся:

– Мы еще поглядим, Шэнь Цяо, как ты один их защитишь!

С мечом наперевес он ринулся на даоса.

– Кто вам сказал, что он один? – воскликнул Су Цяо, заступая путь Мужун Циню. Оглянувшись на Шэнь Цяо, он крикнул: – Забирайте детей и уходите!

– Неужели семейство Су решило взбунтоваться? – гневно рявкнул Мужун Цинь.

– Не взбунтоваться, а восстановить справедливость! – госпожа Цинь с силой стукнула сандаловым посохом по земле, тот распался на две части, и показался клинок, светлый, словно прозрачные осенние воды. Смертоносная ци так и окутывала его. С одного взгляда всякому становилось ясно: перед ним оружие, прославленное в веках. Су Вэй глазам своим не верил: он и не подозревал, что посох матушки, с которым та не расставалась уже многие годы, хранил в себе такую тайну.

Противники схлестнулись в поединке, и усадьба Су превратилась в поле брани. Янь Ин хотел отбить Юйвэнь Сяня, но тот гаркнул:

– Если сбегу – признаю свою вину! Хватай седьмого господина и уходи с монахом Шэнем! Уходи как можно дальше и не возвращайся!

– Ваше высочество! – Янь Ин смотрел на него, не в силах смириться с неминуемым.

– Отец, ты хочешь ценой собственной жизни доказать государю, что верен ему, дабы государь опомнился? И тогда сия смута прекратится сама собой? – спросил Юйвэнь Сун.

– Все так! Бегите же! – Радостно и печально было у Юйвэнь Сяня на душе. Радостно оттого, что его младший сын уже в столь юном возрасте умен и проницателен – в будущем он наверняка станет выдающимся человеком, грустно же оттого, что ему самому уже не суждено этого увидеть. – Со мной вам не выбраться из столицы, к тому же я не могу бросить тех, кого удерживают в заложниках!

Юйвэнь Сун порывисто опустился на колени и трижды глубоко поклонился отцу. Слезы заструились по щекам Юйвэнь Сяня, и он отвернулся.

Глаза Янь Ина покраснели, но он, стиснув зубы, подбежал к Юйвэнь Суну, взял его на руки и помчался к Шэнь Цяю, подхватившему Доу Янь. Под прикрытием Су Цяю и госпожи Цинь они быстро выбрались из усадьбы и поспешили в сторону городских ворот.

Позади раздался истошный вопль, а следом – ледяной голос Мужун Циня:

– Таково было веление государя: ежели Юйвэнь Сянь ста-

нет противиться, в назидание другим убить его на месте.

Пока Мужун Сюнь и Тоба Лянчжэ сдерживали госпожу Цинь с сыном, он просто-напросто прикончил Юйвэнь Сяня, притом нарочно не стал лишать его голоса, дабы Шэнь Цяо все услышал.

– Мерзавец! – от гнева Янь Ин застыл как вкопанный, Юйвэнь Сун, сидевший у него на руках, заплакал горячими слезами.

– Останавливаться нельзя, нужно уходить! – окликнул его Шэнь Цяо.

А тем временем Мужун Цинь уже нагнал их. Удерживая одной рукой Доу Янь, Шэнь Цяо развернулся и другой, с мечом, нанес удар. Но Мужун Цинь не просто так считался в свое время лучшим мастером боевых искусств на службе у государя Северной Ци, затем сделавшись правой рукой Чэнь Гуна. Разумеется, один-единственный выпад не сразил бы его. Воин двигался быстрее ветра, а его искусство меча отличалось коварством и непредсказуемостью. Он прекрасно находил уязвимости противника и пользовался ими. Однако Мужун Цинь осознавал, что нынешнему Шэнь Цяо он не ровня, убить его он не сможет, и потому держался к нему вплотную, атакуя одну лишь Доу Янь. Он рассчитывал, что, переключившись на девочку, Шэнь Цяо ослабит бдительность и оставит брешь в защите, к тому же замедлит шаг.

Мечи так и сверкали, Доу Янь дрожала от страха, крепко обнимая Шэнь Цяо за шею, но не проронила ни звука, лишь

бы ненароком не отвлечь его.

– Шэнь Цяо, – сурово обратился к нему Мужун Цинь, – по дороге до городских ворот тебя ждет еще немало бойцов куда сильнее меня, а двое из твоих спутников – маленькие дети. Думаешь, тебе удастся далеко с ними уйти?

– Я следую Дао, и если, обратившись к самому себе¹⁹, найду, что я прав, то пойду против всех, хотя бы их было тысяча и даже десять тысяч человек, – спокойно отвечивал Шэнь Цяо.

«Ци меча», подобно приливной волне, хлынула на Мужун Циня, он не успел дать отпор и получил мощный удар в грудь. Из рта его потекла кровь. Но воин не только не поспешил прервать поединок, а, напротив, расхохотался:

– Дао? – голос его сочился ядом. – Что твое Дао? В смутные времена уважают лишь силу. Если от твоего Дао есть хоть какой-то прок, то почему тебя преследуют неудачи? Почему ты уже не настоятель горы Сюаньду? Почему просвещенный государь, на которого ты так уповаешь, до сих пор не появился?

Шэнь Цяо ничего не сказал ему – лишь улыбнулся. Но это и был ответ. Тому, кто его понимал, не нужны были объяснения, а тому, кто не понимал, они и не помогли бы, так к чему тратить слова попусту? У Мужун Циня свой путь, а у даоса

¹⁹ ...если, обратившись к самому себе... – Шэнь Цяо отсылается на трактат «Мэн-цзы», главу «Гун-сунь Чоу», часть 1 (здесь приводится в пер. В. С. Колокова).

свой, и вместе им не сойтись.

Доу Янь, сидевшая на руках у даоса, не могла отвести от него глаз. Улыбка его была как ветерок, что тревожит родниковые воды, поднимая легкую рябь. Казалось, приди в ярость горы и реки – она умиротворила бы даже их. Девочка вмиг позабыла, что напугана, что вокруг враги, желающие ей смерти... Улыбку эту она запомнила на всю жизнь.

Вдруг откуда-то послышался шелест опадающих листьев, завыл пронизывающий ветер: удары Шэнь Цяо вдруг изменились, яростную мощь сменила суровая холодность. То было новое искусство меча, которое Шэнь Цяо создал, наблюдая за уличным танцором. После второго поединка с Кунье в школе Лазоревых Облаков он многое постиг и сумел выразить обретенную истину на языке боя. Каждое движение казалось простым и бесхитростным, и Мужун Цинь подумал было, что теперь одолеет противника, но стоило ему попытаться встретить удар и перейти в наступление, как меч его словно сам собой уходил в сторону. Монах водил его за нос!

Мужун Цинь не мог более сопротивляться. Одной рукой Шэнь Цяо держал Доу Янь и не мог сражаться в полную силу, но все равно загнал его в угол! Мужун Цинь врезался спиной в стену. Он только и успел, что сплюнуть переполнившую рот алую кровь: острое клинка даоса дрогнуло, «ци меча», будто палец, прожала жизненные точки на плечах противника, и тот понял, что не может пошевелиться.

Шэнь Цяо не хотел сражаться. Легко оттолкнувшись от

земли, он бросился за Янь Ином.

Тем временем Янь Ин с Юйвэнь Суном почти добежал до ворот. Янь Ин всю жизнь провел в армии: он был умелым бойцом, но цингуном владел не очень хорошо. И сейчас он бежал изо всех сил, отчаянно пытаясь как можно скорее покинуть город, унести Юйвэнь Суна подальше от опасностей и исполнить последнюю волю циского князя.

И вдруг что-то просвистело у него над ухом!

Янь Ин вовремя повернул голову – пущенная с городских ворот стрела пролетела совсем рядом.

Как и сказал Мужун Цинь, на выходе из столицы беглецов ждала засада. Все воины держали луки наизготовку, готовые одновременно спустить тетиву и осыпать Янь Ина и Юйвэнь Суна тучей стрел.

Но Янь Ин не остановился, а помчался еще быстрее. Склонившись к ребенку на руках, он сказал:

– Седьмой господин, послушайте меня. Когда у лучников кончатся стрелы, бегите со всех ног вдоль городской стены. Там есть небольшая дверца – она всегда открыта. Меня не ждите, бегите вперед, монах Шэнь наверняка скоро вас нагонит. Уходите вместе с ним, ни о чем не тревожьтесь и назад не оглядывайтесь. Вам все ясно?

Юйвэнь Сун с малолетства был любимцем Юйвэнь Сяня – тот считал его самым одаренным ребенком из всех. Не по годам умный малыш не мог не понять, что кроется за словами Янь Ина, и сжал кулаки.

– Дядюшка Янь!

Видя, что малыш все уразумел, Янь Ин через силу улыбнулся, уворачиваясь от града стрел. Даже когда несколько стрел вонзились ему в спину, он не остановился ни на миг и лишь крепче сжал Юйвэнь Суна в объятиях.

Вместе с ребенком он добрался до боковой дверцы – она и впрямь была не заперта. Солдаты с копьями бросились им наперерез, но Янь Ин расшвырял их одного за другим.

– Бегите! Бегите, не останавливайтесь! – крикнул он, опуская Юйвэнь Суна на землю.

– Не стреляйте, стойте! – кто-то метнулся к городским воротам, останавливая лучников, уже готовых обрушить на беглецов вторую тучу стрел.

Командир городской стражи узнал этого человека и не посмел послушаться, но некто рядом с ним тут же распорядился:

– Продолжайте! Без моего приказа стрельбу не прекращать!

– Всем стоять! – снова крикнул Пулюжу Цзянь. – Великий военачальник, что вы делаете? Его величество не приказывал уничтожать всю семью циского князя!

Лю Фан²⁰ рассмеялся:

²⁰ Лю Фан (?–586) – высокопоставленный сановник, служил Юйвэнь Юню еще в бытность его наследным принцем, после кончины Юйвэнь Юна пользовался беспрецедентной благосклонностью юного императора и порой занимался вместо него государственными делами. Занимал, помимо прочего, должность Великого военачальника – высшую военную должность в стране. Отличался коварством, в дальнейшем стал одним из заговорщиков, что посадили Ян Цзяня на

– Гогун Суй, неужто вы забыли, как Юйвэнь Сянь в свое время предостерегал против вас покойного государя? А вы, выходит, не только не возненавидели его, но и заступаетесь за его семью. Отчего же?

– Циский князь следовал своему долгу и желал блага стране, – ответил Пулюжу Цзянь. – Я не настолько бесчестен, чтобы у меня не нашлось капли великодушия простить ему этот поступок. К тому же это дитя ни в чем не виновато. Великий военачальник, отпустите его, добро вам зачтется!

Лю Фан задумался. Юйвэнь Сянь пользовался уважением и любовью как при дворе, так и в народе, и никто не ожидал, что нынешний император вдруг ополчится против него. Циский князь слишком быстро попал в опалу, но, когда буря уляжется, наверняка многие начнут просить за его семью. Так зачем ему, Лю Фану, искать себе неприятностей?

– Хорошо, гогун Суй, – решил он. – Я сохраню вам лицо. Но должен вас предупредить: от моего снисхождения проку все равно не будет. Его величество загодя устроил за городом засаду из могучих бойцов. Ребенок, может, и покинет Чанъань, но впереди его все равно ждет только смерть.

Сердце Пулюжу Цзяня сжалось. Он невольно глянул вниз. Со стены он хорошо видел, как Юйвэнь Сун, спотыкаясь, выбегает из ворот – а к нему уже направляются трое:

трон. После воцарения Ян Цзяня стал пренебрегать обязанностями, был в конце концов отстранен от всех должностей и замыслил новый заговор, не увенчавшийся успехом и закончившийся казнями заговорщиков.

один плешивый, другой безрукий, а третий... Третий был прекрасно сложен и держался горделиво.

Плешивого и безрукого Пулюжу Цзянь не признал, а вот статный господин слева от них был ему известен. Отправлять его против ребенка – все равно что резать дышло ножом для забоя быка.

– Чэнь Гун? Его величеству столь важен Юйвэнь Сун, что он послал самого Чэнь Гуна?

Все знали, что император с недавних пор особенно благоволил гогуну Чжао, Чэнь Гуну. Именно Чэнь Гун преподнес государю меч Тайэ и познакомил его со школой Обоюдной Радости, тем самым ослабив влияние буддистов. Так что теперь школа Обоюдной Радости заняла при дворе место школы Чистой Луны. Юйвэнь Юнь стремился, чтобы ни одна из сил не получила преимущества во дворце, и потому неудивительно, что Чэнь Гун легко сделался его любимцем.

– Убирая траву, вырывают ее с корнем, – откликнулся Лю Фан. – Все в один голос твердят, что седьмой господин Юйвэнь необыкновенно одарен. Государь опасается, что в его лице отпустит в горы тигра, что потом вернется отомстить.

Тем временем Юйвэнь Сун остановился и уставился на троих незнакомцев, не зная, как быть.

Баююнь улыбнулся мальчику:

– Седьмой господин Юйвэнь, не советую вам убегать. Мы повинемся приказу его величества: схватить вас, живым или мертвым. Если вы проявите послушание и вернетесь с

нами, то избежите страданий.

Глядя с городской стены на эту сцену, Пулюжу Цзянь тихо вздохнул: неужели даже последний сын Юйвэнь Сяня обречен умереть?

Но едва эта грустная мысль промелькнула у него в голове, как он заметил чью-то стремительно приближающуюся тень. Увидев, что городские ворота закрыты, человек подпрыгнул и взмыл вверх, легко, словно пух, подхваченный ветром. Стражники наверху и ахнуть не успели, а он уже перелетел через стену и мягко опустился за воротами.

Ногами он едва касался земли, точно ступал по облакам, одежды сияли чистотой, незапятнанной мирской пылью, — казалось, засиял просвет между тучами или подул свежий ветерок.

То был цингун, доведенный до немыслимого совершенства. Даже Лю Фан с Пулюжу Цзянем, опытные воины, застыли, чуть ли не разинув рты, а о простых солдатах и говорить нечего.

— Господа, вы меня знаете — все вы в свое время потерпели от меня поражение. Простите, что сей ничтожный даос заставил себя ждать.

Неожиданно — точно с неба свалился — перед тремя мастерами предстал Шэнь Цяо с Доу Янь на руках.

Глава 32

Бегство

И в самом деле, по воле случая под стенами Чанъаня собрались старые знакомцы, и потому в лишние любезностях не было нужды – все и так помнили, кто есть кто. Янь Шоу стараниями Шэнь Цяо лишился руки, и при виде даоса люта я ненависть вновь разгорелась в его душе, он готов был по квитаться с ним прямо на месте. А вот Чэнь Гун, напротив, растянул губы в улыбке:

– Давно не виделись, монах Шэнь, с самого Жоцяна. Надеюсь, вы в добром здравии?

Но Шэнь Цяо, похоже, не собирался с ним беседовать: он не удостоил Чэнь Гуна даже ничего не значащего ответа.

Прежний Чэнь Гун отличался крайне болезненным самолюбием: стоило ему почувствовать пренебрежение, как он чуть не лопался от злости и, не размениваясь на слова, тут же лез в драку. Но времена изменились, а вместе с ними переменялся и Чэнь Гун: сделался знатным вельможей, стал лучше разбираться в людях, и под стать новому положению изменился и его образ мысли. Теперь холодность Шэнь Цяо ничуть его не задела. С доброжелательным видом Чэнь Гун принялся мягко уговаривать даоса:

– Монах Шэнь, много лет буддизм и даосизм были под за-

претом в Северной Чжоу. Но, взойдя на престол, новый государь снял этот запрет. Понимаете ли вы, что сие означает?

Шэнь Цяо помнил Чэнь Гуна безграмотным пареньком, который жил в заброшенном храме и почитал лепешку с ослятиной за величайшую драгоценность, – а теперь он рассуждал о запрете буддизма и даосизма и политике императора. Пожалуй, мачеха, выставившая его из дому, и подумать не могла, что ее пасынок взлетит так высоко. Сравнивая себя и Чэнь Гуна, Шэнь Цяо не мог не дивиться случайностям, что определяют судьбу. Как непредсказуема жизнь, особенно в смутные времена! Любой, кто, подобно Чэнь Гуну, наделен отвагой и хитростью и готов отринуть всякую добродетель, может вознестись и стать образцом для подражания.

– И что же? – ровно поинтересовался Шэнь Цяо.

– То, что нынешний государь не питает предубеждений ни против буддистов, ни против даосов и ко всем относится одинаково, – с улыбкой пояснил Чэнь Гун. – Неважно, исповедует человек буддизм или даосизм, главное – чтобы он повиновался императору. Монах Шэнь, на горе Сюаньду вы по праву занимали пост настоятеля, но вас предали и сместили. Ежели пожелаете, государь окажет вам всяческое содействие в том, чтобы вернуть утраченный пост и снова возглавить школу Сюаньду. Слава сей даосской обители ныне меркнет, ее медленно, но верно затмевает школа горы Цинчэн. Но при поддержке государя можно по щелчку пальцев вернуть школе Сюаньду имя лучшей среди школ Поднебесной. Что ска-

жете, монах Шэнь?

Доу Янь была умной девочкой: хоть она и не понимала большей части того, что толковал Чэнь Гун о делах цзянху, она чувствовала, что он хочет чем-то соблазнить Шэнь Цяо и переманить его на свою сторону. И хотя Шэнь Цяо пришел один, а врагов было целых трое, те будто настолько боялись даоса, что решили сперва попытать счастья и прибегнуть к уговорам в надежде избежать схватки. Не соблазнится ли он этими посулами?... Доу Янь встревожилась и крепче вцепилась в кромку его одежд. Она покосилась на Юйвэнь Суна, которого Шэнь Цяо уже успел взять за руку и притянуть к себе: мальчик старался держать лицо, но в глазах плескалось беспокойство – он опасался того же, что и она.

– Верно сказано, – поддержал Чэнь Гуна Баоюнь. – Монах Шэнь, как известно, ни закадычных друзей, ни заклятых врагов не бывает на свете – ни дружба, ни вражда не вечны. Спору нет, школа Обоюдной Радости нанесла вам немало обид, но лишь оттого, что мы сражались по разные стороны. Сан Цзинсин однажды сказал мне: он напал на вас лишь потому, что Янь Уши заморочил ему голову лживыми речами. В конечном счете Янь Уши и есть наш с вами общий враг. Его величество собирает вокруг себя одаренных людей со всей Поднебесной: наша школа никогда не ладила с последователями Будды, однако теперь мы вместе усердно трудимся на службе у государя. Ежели и даосы к нам присоединятся, вместе мы свершим поистине великие дела. Как под-

нимается корабль на волнах прилива, так возрастет и влияние даосизма, когда государь объединит под своей властью всю Поднебесную. Он придает большое значение даосам и готов не только вернуть вам Пурпурный дворец, но и сделать вас своим наставником.

Баоюнь не просто так увещевал Шэнь Цяо. В тот день, когда ему довелось воочию увидеть истинную силу даоса и тот прямо у него на глазах отрубил руку Янь Шоу, Баоюнь счел, что, окажись он сам на месте Будды-Кровавые-Руки, исход едва ли был бы иным. И хоть покалеченному Янь Шоу и хотелось поквитаться с врагом, ненависть не застлала ему разум, и он осознавал: ему не справиться со столь могучим противником в одиночку. Приходилось ждать, пока союзники закончат свои речи.

Окажись здесь и сейчас Бай Жун, она ахнула бы от удивления. Когда она впервые повстречала Шэнь Цяо, тот был утратившим навыки бесприютным слепцом, беспомощным, точно рыба на разделочной доске, на которую вот-вот опустится нож кухарки. Он потерял все, остался совсем один, всяк помыкал им и унижал его. Но прошло всего несколько лет – и даже старейшины школы Обоюдной Радости держали с ним ухо остро, не смея опрометчиво бросаться в бой.

– Когда предыдущий император был жив, мне довелось побывать во дворце и говорить с ним, – сказал Шэнь Цяо. – Он также протягивал мне руку помощи и обещал сделать Пурпурный дворец горы Сюаньду столпом даосизма. Я от-

казался. Так что желай я и вправду чего-то подобного, мне не было бы нужды столь долго ждать. А ведь в могуществе и верности своему слову предыдущий государь далеко превосходил нынешнего.

Он и не думал скрывать презрение к новому правителю.

– Что ж, похоже, монах Шэнь твердо вознамерился сложить голову ради каких-то детей, которых он видит впервые в жизни, – вздохнул Чэнь Гун. – Но ради бывлой дружбы позволю себе напомнить: поступив так, вы сделаетесь заклятым врагом императору. Отныне вам не будет пощады ни от буддистов, ни от школы Обоюдной Радости, ни от слуг его величества. А когда Чжоу объединит горы и реки Поднебесной под своей властью, вы станете врагом всему свету. Вы хорошо подумали?

На лице Шэнь Цяо отразилось слабое удивление:

– Ради бывлой дружбы? Разве нас с тобой связывала хоть какая-то дружба? Или дружбой ты называешь то, как предал меня и хотел отдать на растерзание Му Типо, лишь бы самому избежать незавидной участи его любимца?

Благородный муж, всегда любезный и мягкий в обращении, он в конце концов не удержался от язвительной насмешки. Впрочем, Шэнь Цяо ни за что не позволил бы себе такие слова, не считай он противников людьми без чести.

При упоминании прошлого лицо Чэнь Гуна перекосило так, словно с него заживо содрали кожу: на нем читался и непрощеный стыд, и вина, и гнев.

– Шэнь Цяо, ты всегда был не от мира сего, – усмехнулся он. – Коли так, не взыщи.

Янь Шоу давно уже точил зуб на Шэнь Цяо. Все эти речи ему казались пустой тратой времени, ведь в цзянху все решается кулаками: кто бьет сильнее, за тем и последнее слово. Для Янь Шоу не имело значения, согласится или нет Шэнь Цяо на посулы Чэнь Гуна, – даос опозорил его, лишив руки, и такого оскорбления Янь Шоу вовек бы ему не простил. Как только Чэнь Гун умолк, Янь Шоу одним прыжком взмыл вверх – и ринулся на Юйвэнь Суна. Расчет его был прост: он нападет на мальчишку, и Шэнь Цяо отвлечется, неминуемо ослабив бдительность и оставив бреши в защите.

Янь Шоу двигался быстрее ветра: замысел едва пришел ему в голову, а рука уже нависла над Юйвэнь Суном, еще чуть-чуть – и вцепится прямо в волосы. Шэнь Цяо и впрямь схватился за меч, заслоняя мальчишку, но этого и добивался Янь Шоу. Круто развернувшись, он замахнулся на Доу Янь! Если удар достигнет цели, девочку ждет верная смерть!

Баоюнь и Чэнь Гун тем временем тоже не бездельничали. Они бросились в бой следом за Янь Шоу и напали на Шэнь Цяо сразу с двух сторон.

После путешествия в Жоцян мастерство Чэнь Гуна как будто возросло еще больше. Меч его, окутанный истинной ци, стремительный, точно молния, обрушивался на противника, подобно приливным волнам. Свирепая дерзость и непредсказуемая ловкость слились воедино, и вот уже «ци

меча» закружилась снежной метелью, чьи вездесущие невесомые пушинки стеной окружили противника, не давая ни малейшей возможности ускользнуть или перейти в наступление. Про себя Шэнь Цяо отметил, что искусство меча Чэнь Гуна весьма разнородно и объединяет умения нескольких разных школ: приемы он как будто перенял у Мужун Циня, но чувствовалось и влияние школы Чжуннань.

Свое восхождение Чэнь Гун начал, сделавшись фаворитом императора Северной Ци. С боевыми искусствами он познакомился, встретив Шэнь Цяо, но по-настоящему обучать его стал лишь Му Типо. Впрочем, сам Му Типо считался бойцом средней руки, и вскоре Чэнь Гун обнаружил, что умения его наставника ограничены и тот уже передал ему все, что знал сам. Чэнь Гун обладал незаурядными способностями и удивительной памятью, а потому устремился к новым высотам. Будучи приближенным Гао Вэя, Чэнь Гун, само собой разумеется, познакомился и с остальными выдающимися бойцами Северной Ци, в том числе с Мужун Цинем и адептами школы Обоюдной Радости. Набравшись опыта в боевых искусствах, Чэнь Гун объединил изученное с положениями цзюани «Сочинения о Киноварном Ян», которую по воле случая услышал в Заоблачном монастыре. Вот так, постепенно и незаметно, он шаг за шагом поднимался на вершину мастерства.

Человек столь выдающихся дарований, настоящий нефрит среди бойцов, он ничуть уже не уступал ни Шэнь Цяо, ни

Янь Уши. Пожалуй, даже сам Тао Хунцзин удостоил бы его похвалы и назвал талантом, ниспосланным Небом. Смутные времена рожают героев и благоволят честолюбивым удалцам. Используя все возможности, данные ему миром, чтобы проявить себя, Чэнь Гун выковал себе незаурядную судьбу.

Янь Шоу атаковал яростно, кипя от злобы, Баюнь ждал подходящего случая, чтобы ударить исподтишка, а Чэнь Гун неуклонно усиливал натиск. Все трое были могучими бойцами – отнюдь не из тех, кого легко одолеть, но Шэнь Цяо принял бой – и притом сражался одной рукой, другой удерживая Доу Янь. А ведь ему еще нужно было защищать Юй-вэнь Суна!

Враги были со всех сторон – вот уж точно силки на небе и сети на земле, бежать некуда. Но Шэнь Цяо и не пытался бежать. Он даже не сдвинулся ни на шаг.

Даос обнажил меч, и Скорбь гор и рек обрушился на противников, нападающих с трех сторон. То был один-единственный взмах, совершенно обычное, даже заурядное движение, лишённое всякой изощренности.

Пулюжу Цзянь, похолодев от ужаса, глядел на окруженного врагами Шэнь Цяо. Он и Лю Фан наблюдали за поединком издалека, с высоты городской стены, однако даже до них донесся смутный гул – словно рокот огромного, до самого неба, водяного вала, что медленно надвигается из глубины морской.

Шэнь Цяо взмахнул мечом – и Пулюжу Цзянь собствен-

ными глазами увидел, как клинок обернулся белыми гребнями волн, что одна за другой покатались на противников.

Долгая, долгая пыль в пустоте²¹, быстро-внезапная пена на море... Мелко ль, глубоко ли, копятя; тают ли: в сборе – миллионы, в распаде – одно!.. Когда истинная сила заполняет собой весь мир, все сущее встает на свои места. Как великое остроумие похоже на глупость, так и великая мудрость кроется в простоте бамбуковых дощечек.

Белые гребни волн поглотили и Чэнь Гуна, и Янь Шоу, и Баоюня, виднелся лишь Шэнь Цяо, но казалось, будто он разделился на множество воплощений. Его противники чувствовали натиск огромной силы, все их удары не просто не достигли цели – отразившись, они обратились против самих бойцов, и те сполна испили собственное горькое снадобье.

– Неужто Шэнь Цяо и не человек вовсе, а нечисть? – воскликнул Лю Фан, плохо знакомый с боевыми искусствами. – Разве можно быть в нескольких местах одновременно?

– То иллюзии, порожденные доведенным до совершенства искусством меча, – объяснил Пулюжу Цзянь. – Следуя пути меча, Шэнь Цяо, по-видимому, достиг самой вершины. Пожалуй, он стал сильнее, чем Ци Фэнгэ в свое время – ученик поистине превзошел учителя!

О Ци Фэнгэ слышал даже Лю Фан. Воинов столь искус-

²¹ ...Долгая, долгая пыль в пустоте... – из цикла «Поэма о поэте» Сыкун Ту (837–908), поэта времен династии Тан, считавшего поэзию наивысшим воплощением абсолюта – Дао (здесь приводится в пер. В. М. Алексеева).

ных в мире было всего ничего – по пальцам можно пересчитать, однако каждый из них запросто мог отыскать и сразить врага хоть посреди вооруженного до зубов многотысячного войска, а потом уйти как ни в чем не бывало. Именно поэтому правители всеми силами старались привлекать прославленных мастеров на свою сторону. Даже властный Юйвэнь Юн весьма дорожил Янь Уши и в его обществе никогда не позволял себе присущего государям высокомерия.

Сейчас Шэнь Цяо, быть может, и не мог считаться непревзойденным мастером, но всякий видел: не пройдет и десяти лет, как искусство его ни у кого не вызовет сомнений. Выслушав Пулюжу Цзяня, Лю Фан устранился и поспешил оправдаться:

– Гогун Суй, прошу заметить: я не приказывал стрелять в Шэнь Цяо. У нас с вами высочайшее повеление, мы люди подневольные, и, ежели Шэнь... ох, то есть почтеннейший Шэнь окажется чем-то обижен, надеюсь, вы поможете устранить недопонимание!

– Великий военачальник, вы всего лишь выполняли долг службы, никто не сможет в этом вас упрекнуть, разумеется, я все понимаю, – немедленно откликнулся Пулюжу Цзянь.

Лю Фан про себя вздохнул с облегчением и снова устремил все внимание на сражение у городских стен.

– Как вы думаете, Чэнь Гун со своими сторонниками сумеет сегодня одержать верх?

Не только они вдвоем пристально следили за событиями

у ворот. Стражники и солдаты тоже во все глаза смотрели на захватывающий поединок, не в силах сдержать восхищения: мечи так и сверкали, на каждом шагу Шэнь Цяо подстерегала смертельная опасность, но даос, еще и обремененный двумя детьми, держался спокойно и непринужденно, ловко уклоняясь ото всех ударов.

В те времена в народе ценили героев. И хотя солдат связывал приказ государя, повелевающий покончить с Юйвэнь Суном, Юйвэнь Сяня они всегда любили. Шэнь Цяо же не имел к его детям никакого отношения, однако ради них готов был пожертвовать собой. Разве могла такая самоотверженность не тронуть простых людей? На мужей столь добродетельных всегда смотрели с благоговением.

В день гибели Кунье только adeptам школы Лазоревых Облаков повезло оказаться очевидцами его последнего поединка. Каким бы поразительным он ни был, мало кто слышал о нем. Теперь же Шэнь Цяо сражался на виду у всех, один против троих выдающихся мастеров, и все равно одерживал верх. Сей битве суждено было прогреметь на всю Поднебесную!

Заслоняя собой Юйвэнь Суна, с Доу Янь на руках Шэнь Цяо возвел из «ци меча» плотную завесу, отгородившую его от Чэнь Гуна и Баоюня. Острие клинка чуть качнулось, ярко воссияло, словно полная луна выглянула из-за туч, и устремилось прямо на Янь Шоу, обещая тому неминуемую гибель.

Янь Шоу нанес три удара подряд, но все они обратились против него самого, отраженные ци чужого меча. Волей-неволей Будда-Кровавые-Руки попятился. Он рассчитывал, что Чэнь Гун и Баюнь отвлекут Шэнь Цяо, и даос ослабит бдительность, пытаясь дать отпор всем противникам сразу, но тот попросту пренебрег ими. «Ци меча» разливалась во все стороны, бурлящая река обернулась бушующим морем, и стремительный поток хлынул к Янь Шоу.

Он воздел ладонь, дабы принять атаку, но в тот же миг руку его пронзила невыносимая боль, а свет меча засиял прямо перед ним. Ладонь его охватило безграничное белое сияние, боль же была такая, как в тот день, когда он лишился руки. Страх обуял Янь Шоу, и впервые в жизни ему захотелось бежать прочь сломя голову.

От былого желания поквитаться с обидчиком не осталось следа, все его кровожадные устремления рассеялись перед лицом смертельной угрозы. Янь Шоу думал лишь об одном – как бы спастись, но позабыл простую истину: если задумываешься о бегстве, значит, ты уже проиграл.

Кругом, сколько хватало глаз, разливался беспредельный свет, исходящий от единственного меча, и меч этот вонзился в спину Янь Шоу прямо напротив сердца.

Янь Шоу склонил голову и увидел торчащее острие Скорби гор и рек, обогренное кровью.

То была его собственная кровь.

Меч все еще гудел – совсем тихо, но Янь Шоу понял, что

слышит это гудение, и притом весьма отчетливо. Но удивиться этому он уже не успел. Шэнь Цяо выдернул меч, Янь Шоу, пошатываясь, невольно сделал еще пару шагов и рухнул на колени.

Поединок за его спиной еще продолжался, но закончиться должен был уже без его участия.

– Герой! Настоящий герой! – вырвалось у восхищенного Пулюжу Цзяня. Прочие хоть и молчали, но по лицам читалось, что они разделяют его чувства.

Столь выдающихся людей народ превозносит всегда и везде.

Смерть Янь Шоу потрясла Баюня и Чэнь Гуна, но они не отступили, а, напротив, усилили натиск, обрушившись на даоса со свирепостью вихря и неистовством ливня. Не сговариваясь, они оба избрали одну и ту же тактику: избегать прямой стычки с Шэнь Цяо, а все атаки направить на Доу Янь и Юйвэнь Суна. Раз у Шэнь Цяо появилась уязвимость в лице этих детей, грех было ей не воспользоваться. Когда речь идет о жизни и смерти, средства выбирать не приходится, лишь одно имеет значение: исход поединка, победа или поражение. Если с Шэнь Цяо не покончить здесь и сейчас, то в будущем он станет серьезной угрозой!

Чэнь Гун и Баюнь были едины в понимании этой истины. Выпады Чэнь Гуна были стремительны, удары Баюня – коварны. Один слева, другой справа, они сообща ринулись на Юйвэнь Суна, памятуя о том, что, как бы ни была могуча

«ци меча» даоса, она не безгранична, рано или поздно противник истощится.

Шэнь Цяо тоже бросился к мальчику – но вовсе не для того, чтобы закрыть собой. Он передал ему Доу Янь, которую до сих пор держал в объятиях. Юйвэнь Сун не нуждался в объяснениях, чтобы понять его замысел. Протянув руки, он подхватил девочку – малышка оказалась ниже его на голову.

Шэнь Цяо тем временем засучил рукава, оттолкнул детей на несколько чжанов – подальше от места сражения, – развернулся и ринулся в бой. Внутренняя сила переполняла его, бурля, подобно ревущим волнам, и выплескиваясь, тело, казалось, осиял разноцветный отблеск, что бывает в солнечный день над грохочущим водопадом, рокот прибоя разносился по окрестностям. В его напоре смутно угадывалась мощь, способная подчинить себе всю Поднебесную, ни следа мягкости или спокойствия, присущих его искусству меча до сих пор.

Чэнь Гун устоял против этого натиска, меч его разрезал защищавшую противника пелену ци, но не успел он возрадоваться, как с изумлением обнаружил, что целью врага успел стать Баююнь.

Опасность позади!

Тревога обуяла Чэнь Гуна, он резко обернулся, и мимо него прошла разящая «ци меча».

Баююнь, похоже, поддался той же иллюзии, что и Чэнь Гун, но не остановился вовремя – его удар грозил вот-вот

обрушиться на союзника. Чэнь Гуна, уже занесшему было клинок для новой атаки, пришлось на полпути прервать выпад, уклоняясь от Баоюня, на которого, слившись с мечом воедино, неумолимо надвигался Шэнь Цяо.

В схватке двух тигров один всяко да пострадает.

Баоюнь вложил в удар всю свою мощь. Обнаружив перед собой Чэнь Гуна, он был вынужден отозвать половину внутренней силы, но поменять направление удара уже не мог, как не мог и отступить. Ци, исходящая от сверкающего меча Шэнь Цяо, хлынула на Баоюня бушующим морем и, обрушившись тяжестью водяного вала, ударила его прямо в лицо!

Алая кровь брызнула во все стороны – в горле Баоюня зияла дыра.

Так, один за другим, от руки Шэнь Цяо пали двое старейшин школы Обоюдной Радости.

Чэнь Гун понял: дело плохо. Едва клинок Шэнь Цяо пронзил Баоюня, как он развернулся и помчался к Юйвэнь Суну. Он был их настоящей целью, а не Шэнь Цяо – это Янь Шоу по собственному почину хотел с ним расправиться. Потому, если Чэнь Гуна удастся забрать мальчишку, он выполнит поручение в полной мере.

Однако он не ожидал, что его старый знакомец настолько далеко продвинулся по пути меча: покончив с Баоюнем, Шэнь Цяо тут же погнался за Чэнь Гуном. Цингуном Шэнь Цяо владел превосходно – казалось, он и вовсе не касается земли. Даос оказался слишком быстр! Чэнь Гун осознал: да-

же если он и успеет схватить Юйвэнь Суна, поединка с Шэнь Цяо ему не избежать.

С одной стороны, убирая траву, надобно вырывать ее с корнем – никто из семейства Юйвэнь Сяня не должен был ускользнуть. С другой – его собственная жизнь окажется в опасности. Разумеется, Чэнь Гун предпочел спасти ее. Мгновенно приняв решение, он оставил Юйвэнь Суна и, развернувшись прямо в полете, направился к городу. Вложив все силы в цингун, он поднялся прямо по городской стене, опираясь на едва выступающие кирпичи, и в мгновение ока оказался над воротами.

Шэнь Цяо не собирался преследовать его. Вложив меч в ножны и подхватив детей, он скрылся в противоположной от ворот стороне.

С двумя малышами на руках Шэнь Цяо на одном дыхании пробежал пару-тройку ли и остановился, только когда городские стены пропали из виду.

Опустив детей на землю, он пошатнулся и сплюнул переполнившую рот кровь.

– Монах Шэнь! – воскликнула Доу Янь и бросилась поддерживать его.

Юйвэнь Сун не сказал ничего, он просто схватил Шэнь Цяо за вторую руку, силясь перенести на себя большую часть веса их спасителя.

– Все в порядке... – через силу выговорил Шэнь Цяо, успокаивая малышей, и схватился за грудь. На языке его по-

прежнему чувствовался солоноватый привкус.

Ни Янь Шоу, ни Баюнь не были какими-то посредственными недоучками. Может, они и не входили в десятку сильнейших мастеров Поднебесной, но для того, чтобы стать старейшиной школы Обоюдной Радости, требовалось обладать незаурядным талантом, и в цзянху они считались могучими противниками. Шэнь Цяо же только что одним махом сразил обоих. Одно это известие поразило бы любого, но победа далась даосу нелегко – в бою на него самого обрушилось несколько тяжких ударов. Не испугайся Чэнь Гун напора противника, приглядишься повнимательнее к иллюзии, призванной показать дерзкую и неукротимую силу, он бы сразу заметил, что Шэнь Цяо уже выдыхается – точно стрела на излете.

В глазах Доу Янь стояли слезы, но она что есть мочи старалась не разрыдаться.

– Не надо плакать! – сказал ей Юйвэнь Сун. – Дальше есть беседка, давайте немного посидим там – я провожу.

Шэнь Цяо сообразил, что, пока он сражался с Чэнь Гуном и старейшинами Обоюдной Радости, никто из солдат не присоединился к поединку, чтобы схватить детей. Наверняка немало людей втайне сочувствуют Юйвэнь Сяню и готовы помочь его семье, а значит, пока что опасность им не грозит. Поэтому он не стал прибегать к истинной ци, дабы поскорее унести детей еще дальше.

Доу Янь торопливо кивнула, и, поддерживая Шэнь Цяо,

дети двинулись дальше. Шли они недолго – беседка обнаружилась сразу за поворотом. В ней уже отдыхали двое путников, а снаружи стояла на привязи лошадь.

– Это же батюшка! – Шэнь Цяо еще ничего не успел сказать, а зоркий взгляд Доу Янь уже разглядел человека внутри. Но девочка не бросила даоса, а довела его, поддерживая за руку, до самой беседки. Лишь тогда она кинулась навстречу отцу.

– Батюшка!

– А-Янь!

Доу И крепко обнял дочь, тревога вмиг сошла с его лица, сменившись радостным удивлением. Их встреча напомнила Юйвэнь Суну о жестокой участи, постигшей его отца. Он долго сдерживался, но теперь слезы градом покатались по щекам.

Чья-то рука легла ему на голову и мягко погладила по волосам. В этом простом движении чувствовалась искренняя забота и ласка. То была рука Шэнь Цяо.

Юйвэнь Сун не проронил ни словечка, не разрыдался в голос, только шагнул поближе к даосу и доверчиво прильнул к нему. За короткое время они уже сблизились настолько, что не нуждались в словах, – так бывает, когда люди вместе проходят через смертельную опасность.

Почтительно сложив руки у груди, Доу И поклонился Шэнь Цяо:

– Премного благодарен, почтеннейший Шэнь, за спасение

моей дочери! Вовек не забуду вашей доброты!

Он говорил от чистого сердца, а потому из всех обращений к последователям даосизма выбрал самое уважительное. Ци Фэнгэ, учителя Шэнь Цяо, тоже некогда величали почтеннейшим Ци.

– Не нужно церемоний, господин Доу, – ответил Шэнь Цяо. Голос его прозвучал слабо и глухо.

– Сей недостойный – Чжансунь Шэн из школы Чжуннань, – заговорил спутник Доу И. – Однажды мы с вами, почтеннейший Шэнь, встречались на празднестве в усадьбе Су, быть может, вы еще помните меня. – Он достал из-за пазухи фарфоровый бутылек и протянул даосу. – Это пилюли Осенней Росы²², в школе Чжуннань их принимают при скрытых повреждениях. Они изготовлены совсем недавно. Прощу, примите их, почтеннейший Шэнь.

Даос не стал отвечать отказом на чужую учтивость и с благодарностью принял снадобье.

– Всей Поднебесной ведомо, что циский князь пострадал без вины, – продолжал Чжансунь Шэн. – Прискорбно, когда заслуги подданного превосходят заслуги государя! Нынешний император сотворил великое зло, погубив честного и преданного сановника. Многие втайне ропщут, но не смеют высказаться открыто – таков и я: памятуя о жене и малых

²² *Пилюли Осенней Росы* – пилюли традиционной китайской медицины, в состав которых входит офиопогон японский, спаржа кохинхинская и ремания клейкая, считается, что устраняют дефицит инь и облегчают внутренний жар.

детях, что нуждаются в моей заботе, я не осмелился ничего сделать. Ныне же, глядя на вас, я стыжусь своей трусости. Примите мой глубочайший поклон!

Шэнь Цяо поднял его с колен:

– В мире есть три тысячи путей, и каждый идет своим. Я одинок, ничем не связан и потому свободен как ветер. Здесь нечего стыдиться и нечего осуждать – если бы не ваша тайная помощь, разве смог бы я так легко бежать из города? Но что будет с семейством Су? Они вместе со мной дали отпор посланцам Юйвэнь Юня, однако же все, от мала до велика, остаются в Чанъане. Не постигнет ли их несчастье?

– Не тревожьтесь, – ответил Чжансунь Шэн. – Я из школы Чжуннань, а у семейства Чжансунь в столице есть кое-какие связи. Мы сможем тайно вывезти семейство Су из города и спрятать на горе Чжуннань. Быть может, вы с седьмым господином Юйвэнем тоже остановитесь там? Пусть школа Чжуннань не особенно знаменита или многочисленна, но у нас хватит храбрости дать отпор приспешникам правителя Чжоу.

Но Шэнь Цяо покачал головой:

– Никак нельзя. Гора Чжуннань слишком близко к Чанъаню. Если Юйвэнь Юнь захочет довести дело до конца, надолго нам там все равно не задержаться. Я хочу увести ребенка как можно дальше, чтобы наверняка избежать опасности, а потом будет видно.

Чжансунь Шэн и Доу И переглянулись.

– Хорошо, – вздохнул Чжансунь Шэн. – Этот конь, конечно, тысячу ли в день не пробежит, но все равно это хороший скакун, которого трудно сыскать. Вам, почтеннейший, сейчас нездоровится – забирайте его, так вам наверняка будет куда проще скрыться!

Глава 33

Воссоединение

Чжансунь Шэн сказал чистую правду: пилюли Осенней Росы оказывали поистине чудесное действие. Шэнь Цяо проглотил две, и вскоре, благодаря как снадобью, так и истинной ци, взлелеянной по заветам «Сочинения о Киноварном Ян», меридианы очистились, кровь и ци потекли свободно, а давящая боль в груди мало-помалу прошла. Говорить стало легче.

Прощавшись с Чжансунь Шэном и Доу И, Шэнь Цяо вскочил в седло, прихватив с собой Юйвэнь Суна, и, чтобы ребенок по привычке, пустил коня шагом. На прощание он оглянулся. В отдалении высился все такой же величественный Чанъань: ни войны, ни пожарища не поколебали его могущества. Но проходят века, сменяются династии, и всего через несколько лет, пожалуй, никто и не вспомнит о несправедливо убитом Юйвэнь Сяне.

Доу Янь, вцепившись в руку отца, во все глаза смотрела на удаляющихся путников.

– Берегите себя, почтеннейший Шэнь! – крикнула она. – И вы, седьмой господин Юйвэнь!

Шэнь Цяо улыбнулся девочке и тут заметил, что Юйвэнь Сун сидит перед ним как воды в рот набрав.

– Ты не хочешь напоследок взглянуть на Чанъань? – спросил он ребенка. – Неизвестно, когда ты снова его увидишь.

Помолчав, Юйвэнь Сун ответил:

– Там было много горя, если взгляну – только больше опечалюсь. Мне жаль, что я не могу ничего сделать, и остается только бессильно смотреть, как из-за клеветы страдают мои родные.

Юйвэнь Сун был даже младше Ши У, но рассуждал зрело не по годам. Когда погиб учитель Ши У, тот безудержно лил по нему слезы. Юйвэнь Сун же плакал только в усадьбе Су, а теперь голос его хоть и звучал глухо, говорил он внятно и складно. Другими словами, малыш держался куда лучше Ши У. Возможно, таково воспитание в знатных семьях. Та же Доу Янь, сидя на руках у Шэнь Цяо, сохраняла редкое спокойствие, несмотря на явную опасность – не вырывалась, не пыталась убежать и тем самым немало помогла Шэнь Цяо в бою.

Даос погладил мальчика по голове:

– Не думай так. Твой отец мог сбежать, но предпочел остаться. Он не хотел оставлять твою матушку и старших братьев на произвол судьбы, а кроме того, засвидетельствовал таким образом свою искреннюю преданность государю и всей Поднебесной. Иные осудили бы его за такой выбор, но ты его сын, ты ведь наверняка его понимаешь?

Юйвэнь Сун тихонько хмыкнул в знак согласия и замолчал. Спустя довольно долгое время он шепотом сказал:

– На самом деле батюшка заблаговременно подготовился. Он хотел, чтобы матушка вместе с нами покинула город при первой возможности, но матушка отказалась бросить отца. Братья тоже воспротивились и настояли на том, чтобы остаться. Дядюшка Янь унес меня силой, как самого младшего...

– Каждый человек сам решает, как ему жить, – кивнул Шэнь Цяо. – Кто-то готов поступиться честью, лишь бы спасти собственную шкуру, а кто-то предпочтет расстаться с жизнью, но не пойти против совести. И тех, и других можно понять. В трудные времена становится ясно, кто чего стоит. Циского князя многие поддерживали, кто тайно, а кто открыто: семейство Су не побоялось выступить даже против самого государя. Всем известно, каков из себя циский князь, и потому никто не верит клевете его врагов, как те ни стараются. Раз мне доверили тебя, я непременно доставлю тебя в безопасное место. Быть может, у тебя есть родичи, у кого ты хотел бы укрыться?

Изначально он хотел отвезти Юйвэнь Суна на гору Тайшань, в школу Лазоревых Облаков, однако, побеседовав с ребенком, убедился, что, несмотря на юный возраст, у того уже есть собственное мнение. Потому даос передумал принимать решение за своего подопечного и счел нужным спросить его самого.

Но Юйвэнь Сун покачал головой:

– Все наши родственники – члены семьи государя, и, если

меня будут искать, к ним придут в первую очередь. Кроме моего отца, Юйвэнь Юнь казнил одного за другим еще трех именитых сановников²³: он не побоится новых убийств, дабы укрепить свою власть. Монах Шэнь, я отправлюсь туда, куда вы скажете.

– Хорошо. Тогда наш путь лежит в школу Лазоревых Облаков.

– А где она? – любопытствовал Юйвэнь Сун.

– На горе Тайшань.

– Той самой Тайшань, одной из пяти знаменитых гор? – Юйвэнь Сун по-настоящему заинтересовался.

– Верно, – улыбнулся Шэнь Цяо. – Нет горы величественнее, чем Тайшань, подобной ей не сыскать во всей Поднебесной. А как удивительны там восходы, когда лучи ясного солнца окрашивают облака розовым. Ты ни за что не пожалеешь, что оказался там, когда увидишь все собственными глазами.

Несмотря на всю рассудительность, Юйвэнь Сун оставался маленьким ребенком, и внимание его легко было отвлечь. Хоть он и горевал по родным, рассказ Шэнь Цяо поразил мальчика, и теперь ему не терпелось самому посмотреть на знаменитую гору.

²³ ...еще трех именитых сановников – после казни Юйвэнь Сяня исторический Юйвэнь Юнь хоть и не обнаружил признаков мятежа, однако на всякий случай казнил еще нескольких высокопоставленных генералов и чиновников, обвинив их в сговоре с Юйвэнь Сянем. Среди них были гун Аньи Ван Син и сановники Доулу Шао и Дугу Сюн, все – представители знатных родов.

Юйвэнь Юнь боялся влияния Юйвэнь Сяня и опасался, что, если не нанесет удар первым, дядя рано или поздно выступит против него. Потому он велел своим людям оцепить усадьбу циского князя, чем вынудил Юйвэнь Сяня искать убежища у семейства Су. Никто не ожидал, что Юйвэнь Юнь пойдет до конца и велит Мужун Циню убить дядю. Обитатели княжеской усадьбы не вынесли позора и покончили с собой прямо перед императорским посланцем. От этих новостей содрогнулся весь Чанъань, многие скорбели по Юйвэнь Сяню, и чиновники один за другим понесли императору жалобы на Чэнь Гуна и прочих государевых приспешников, обвиняя тех в превышении полномочий, на деле же косвенно упрекая самого Юйвэнь Юня. А еще кто-то втайне устроил так, что у императора не нашлось времени отправить погоню за беглецами. Потому прошло уже несколько дней с тех пор, как Шэнь Цяо с Юйвэнь Суном оставили Чанъань, а преследователи до сих пор не объявились.

Что до школы Обоюдной Радости, за убийство двоих старейшин она должна была возненавидеть Шэнь Цяо лютой ненавистью, но даоса с ней и без того связывала давняя вражда: по вине Сан Цзинсина ему пришлось уничтожить свое основание, лишиться всех прежних умений и начать осваивать боевые искусства с чистого листа, а сам Сан Цзинсин получил в том бою тяжкие раны. Шэнь Цяо понимал: временная передышка не продлится вечно, рано или поздно враги дадут о себе знать.

Даос хоть и пострадал в поединке у городских ворот, но нынешний Шэнь Цяо отличался от прежнего: если за Юйвэнь Суном не явится лично Сан Цзинсин или сама Юань Сюсю, он будет в силах его защитить. Поэтому, добравшись до Хэчжоу²⁴, они перестали спешить и, вместо того чтобы кратчайшей дорогой пойти в школу Лазоревых Облаков, направились на юг: Шэнь Цяо хотел за время пути восстановиться, а заодно развлечь Юйвэнь Суна.

Они провели в странствиях больше трех месяцев, в городах искали даосские храмы и в них останавливались на ночлег. Шэнь Цяо поднимался с Юйвэнь Суном на возвышенности, откуда они любовались прекрасными видами, и водил его по городским улицам, дабы мальчик повидал жизнь во всем ее многообразии.

Есть смысл у всего происходящего с человеком, и даже в мирских делах сокрыта истина. К постижению Дао ведут три тысячи путей, и при всех изменениях сущность остается постоянной. Чем больше Шэнь Цяо смотрел вокруг, тем больше он постигал и тем совершеннее становилось его искусство меча. Он уже не был тем несчастным настоятелем школы Сюаньду, которого предали собственные соученики и который скитается по белу свету, не зная, где преклонить голову. Но жизнь в миру не придала Шэнь Цяо ничего обывательского – напротив, казалось, что он отдалился от мирской суеты еще больше. Черные волосы, выразительное светлое

²⁴ *Хэчжоу* – местность на территории совр. провинции Хэнань.

лицо, напоминающее ясную луну, зеленые одеяния и за спиной – длинный меч. Он напоминал небожителя, сошедшего к людям, и одно его присутствие дарило им чувство чего-то возвышенного и чистого, отчего те сдерживали низменные порывы и не смели кощунствовать ни словом, ни делом.

Новые впечатления помогли развеять тоску Юйвэнь Суна. Шэнь Цяо знал: если ребенок долгие годы проведет в горестях и сожалениях, то умрет во цвете лет. Он же хотел мальчику добра и повсюду водил с собой и показывал мир, сам же говорил очень мало, рассудив, что ребенку пойдут на пользу собственные размышления об увиденном – чем больше тот узнает и осмыслит, тем легче станет у него на душе, тем гибче будет разум и шире кругозор.

Придя в Жунань, Шэнь Цяо с Юйвэнь Суном решил остановиться на постоялом дворе, и приказчик, увидев, что гости явились издалека, тут же сообщил им здешние новости.

– Надобно вам знать, почтенный монах, что вы пришли как нельзя вовремя: сегодня господин Хуан празднует свое шестидесятилетие. Ученые мужи, что носят широкий пояс²⁵, пожалуют со всей округи поздравить его. Коли желаете подняться на гору, обождите до завтра – а то горько пожалеете, что пропустили такое торжество!

– Господин Хуан? – повторил Шэнь Цяо. Это имя ему ни-

²⁵ ...ученые мужи, что носят широкий пояс – кит. *шэньши*, лица, сдавшие государственные экзамены и таким образом получившие должности. В широком смысле – образованные люди, сведущие в ритуале, или же просто влиятельные лица.

чего не говорило.

– Да-да. Господина Хуана зовут Сидао, он видный человек в городе и пользуется большим уважением как в ученых кругах, так и в цзянху. К сожалению, большего ваш покорный слуга не знает, но господин Хуан и правда настоящая знаменитость – слава его гремит по всем окрестностям. К тому же он очень гостеприимен: можно прийти даже без приглашения и пропустить чарочку-другую, а сегодня, говорят, чувствовать его прибудет сам господин Ду – мастер игры на юэцине²⁶. Потому многие сегодня торопятся к господину Хуану: внутрь не попадут, так хоть снаружи послушают...

Приказчик еще разливался соловьем, а Шэнь Цяо наконец вспомнил, где же слышал имя Хуан Сидао – как-то раз о нем упоминал Янь Уши. Он и впрямь был родом из уезда Жунань, превосходно разбирался в музыке и весьма преуспел в боевых искусствах, вот только из-за своего происхождения не мог принадлежать к цзянху по-настоящему.

Янь Уши ничуть не интересовали бойцы, хоть немного уступавшие ему самому. О Хуан Сидао он заговорил лишь потому, что тот умел как повергать своей музыкой в глубины отчаяния, так и играть столь живо и весело, что, как говорили, даже птицы слетались его послушать. Его искусство происходило из того же истока, что навыки Гуан Линсяня, главы

²⁶ *Юэцин* – традиционный китайский струнный щипковый музыкальный инструмент с четырьмя струнами и округлым корпусом, за что и получил название лунной лютни.

Зеркала Дхармы, и хотя Хуан Сидео как боец, несомненно, уступал ему, как музыкант – превосходил. Поэтому-то, говоря о Гуан Линсане, Янь Уши мимоходом упомянул и Хуан Сидео.

Глаза Юйвэнь Суна загорелись, он подергал Шэнь Цяо за рукав и, когда тот нагнулся, тихонько сказал:

– Я слышал об этом господине Ду. Его зовут Ду Юнь, он как-то раз играл в императорском дворце на юэцине: мелодия была столь прекрасна, что, как говорится, висела в воздухе еще три дня кряду.

– Хочешь сходить послушать? – спросил Шэнь Цяо.

– А можно? – с надеждой спросил Юйвэнь Сун.

– Конечно, можно, – улыбнулся Шэнь Цяо. – Раз уж господин Хуан славится гостеприимством, думаю, он будет не в обиде, если на празднике окажется на двух неожиданных посетителей больше.

Дом господина Хуана располагался недалеко от постоянного двора. Управляющий стоял в дверях и лично приветствовал гостей. При виде Шэнь Цяо и Юйвэнь Суна он, по обыкновению, спросил их имена. Дабы избежать ненужных хлопот, Шэнь Цяо не стал называть себя:

– Сей ничтожный – странствующий даос Шань Цяоцзы. Прослышав, что господин Хуан празднует день рождения, мы пришли поздравить его.

Было бы неучтиво явиться с пустыми руками, и потому по пути Шэнь Цяо купил подарок, который Юйвэнь Сун почти-

тельно подал управляющему. Тот, Впрочем, не придавал этому особого значения: сегодня в дом господина Хуана стекалось немало желающих поесть и попить задарма. Впрочем, хозяин жил богато и против нахлебников ничего не имел, лишь велел рассаживать гостей в соответствии с их положением и родом занятий: мастеров боевых искусств – к прочим вольным людям, людей степенных и образованных – к знатым господам и ученым.

Управляющий повидал немало самого разного народу, глаз у него был наметанный: внимание его привлек холщовый мешок за спиной Шэнь Цяо, очертаниями напоминающий меч.

– Почтенный монах, позвольте спросить: вы, верно, принадлежите цзянху? – осторожно осведомился он.

Однако Шэнь Цяо покачал головой:

– Настоящим бойцом цзянху меня не назвать: знаю пару приемов, могу при случае постоять за себя, но и только.

Оценив облик посетителя и его манеру держаться, управляющий не решился причислить его к заурядностям, аглянув на Юйвэнь Суна, хоть и совсем юного, но такого же серьезного и учтливового, велел проводить их к столам именитых гостей и ученых.

Шэнь Цяо никого не знал на торжестве, но его приветливость и добродушие сделали свое дело. Другие же, видя на нем монашеское одеяние, не могли удержаться от расспросов про даосизм, и мало-помалу Шэнь Цяо перезнакомил-

ся со всеми вокруг. Оказалось, что его собеседники – люди, весьма известные в городе, к тому же имеющие вес в ученых и литературных кругах. Сегодня они пришли послушать искусную игру господина Ду на юэцине и между собой высоко о нем отзывались.

Гости еще не все собрались, хозяин то и дело отходил поприветствовать тех, кто только что прибыл, и в зале стоял гул: люди знакомились, общались – обстановка была теплая, но немного шумная. Юйвэнь Сун внимательно прислушивался к разговорам вокруг: обсуждали музыку и искусство. Шэнь Цяо же, рассеянно оглянувшись, вдруг заметил краем глаза хорошо знакомый силуэт.

Из уст его вырвался удивленный возглас. Он смотрел на главу Зеркала Дхармы Гуан Линсяня.

Когда школа Солнца и Луны распалась на три ветви, те, кто присоединился к Зеркалу Дхармы, уехали в далекий Тогон. Но теперь в Поднебесной все перевернулось с ног на голову, и Гуан Линсянь не раз уже вмешивался в дела цзянху на Центральной Равнине, даже поучаствовал в нападении на Янь Уши – все ради того, чтобы в будущем получить и свою чашку отвара при дележке общего котла. Едва вести о гибели Демонического Владыки разлетелись по свету, влияние Зеркала Дхармы тут же распространилось на восток: школа Гуан Линсяня укрепила свое положение в граничивших с Тогоном чжоуских землях, стремительно вытеснив из них Чистую Луну.

По правде говоря, Шэнь Цяо никогда не водил близкого знакомства с Гуан Линсанем, однако тот был в цзянху не последним человеком, а как глава школы и вовсе неизбежно был у всех на слуху. Просто на людях появлялся он редко, оттого в лицо его почти никто не знал. Гуан Линсань прошел по галерее, длинные рукава его реяли на ветру – со стороны он ничем не отличался от прочих гуляющих по саду гостей.

Шэнь Цяо наказал Юйвэнь Суну никуда не уходить, а сам направился следом за Гуан Линсанем.

Со стороны казалось, будто Шэнь Цяо беззаботно прогуливается по двору, на самом же деле он двигался стремительно и притом легко, точно небожитель, парящий в облаках вдали от мирской суеты и не оставляющий даже отпечатков ног на грешной земле. Проходившая мимо служанка лишь почувствовала чье-то присутствие, но, когда обернулась, Шэнь Цяо уже давно скрылся из виду. Столь изумительный цингун мог быть только у мастера с горы Сюаньду.

Впрочем, и Гуан Линсань, как будто празднo бродивший вокруг, на самом деле шел очень быстро. Повернув за угол, Шэнь Цяо с удивлением обнаружил перед собой загораживавшие обзор садовые горки, от которых расходились три пути: галерея, ведущая к среднему двору усадьбы, усыпанная щебнем дорожка и тропинка к пруду на заднем дворе. Усадьба господина Хуана оказалась весьма обширной, а Гуан Линсаня тем временем и след простыл – и не понять, куда он направился.

Ненадолго задумавшись, Шэнь Цяо отверг среднюю дорожку, которая, казалось бы, вероятнее привела его к главе Зеркала Дхармы, и избрал тропинку к пруду.

Господин Хуан был чрезвычайно богат, и сад вокруг дома он разбил как раз для развлечения гостей. Хоть посетителям и не возбранялось разгуливать по усадьбе, обычному человеку, окажись он в таком прекрасном саду, и в голову не пришло бы идти куда-то еще. Вот только Гуан Линсяня обычным человеком никак не назвать. Потому-то Шэнь Цяо и пошел к пруду. Ступал он легко, затаив дыхание, но тут где-то впереди раздались голоса, и сердце его сжалось, а дыхание сбилось. Всего на миг – заурядный боец и вовсе бы ничего не заметил, однако мастера, достигшие в боевых искусствах определенных высот, улавливали даже столь малые перемены: они ощущали все потоки ци вокруг и даже подстраивали под них собственное внутреннее дыхание, а потому ничто не могло ускользнуть от их внимания.

Чья-то рука внезапно послала в сторону Шэнь Цяо зеленый лист – тот летел стремительно, но совершенно беззвучно. Человек, не столь опытный в боевых искусствах, не успел бы даже пошевелиться. По счастью, неизвестный не собирался убивать никого из усадьбы господина Хуана, намереваясь лишь отпугнуть незваного гостя, – лист пролетел мимо виска Шэнь Цяо.

Будь на месте даоса боец послабее или вовсе кто-то из прислуги – он бы наверняка невольно вскрикнул, а потом

либо отпрянул в сторону, либо поспешно сбежал, осознав, что значительно уступает неизвестному противнику, – другими словами, так или иначе выдал бы себя шумом. Гуан Линсань полагал, что обычное торжество по случаю дня рождения господина Хуна не привлечет внимания выдающихся мастеров, и в усадьбе соберутся одни лишь посредственностями, однако посланный им лист как в воду канул – не последовало ни шороха, и тишина его удивила.

Гуан Линсань против воли вздрогнул: неужто и здесь водятся крадущиеся тигры да затаившиеся драконы? Неужто явился какой-то не известный ему могучий мастер?

– Не знаю, что за достопочтенный удостоил нас своим посещением, – громко заговорил он, медленно выходя из-за каменной горки, – но разве он позабыл: на то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть²⁷; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать?

И тут он увидел непрошеного гостя. На лице Гуан Линсаня отразилось неподдельное изумление, и, хотя длилось оно не дольше мгновения, Шэнь Цяо успел его заметить.

– Ах, это вы, монах Шэнь. – В последний раз они расстались отнюдь не в добрых чувствах, однако сейчас Гуан Линсань улыбался Шэнь Цяо как ни в чем не бывало. Но внимание даоса было приковано не к главе Зеркала Дхармы, а к тому, кто стоял рядом с ним.

²⁷ ...на то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть... – Конфуций, «Лунь Юй» (здесь приводится в пер. Л. С. Переломова).

К Янь Уши.

Тот стоял у пруда, заложив руку за спину, на висках все так же серебрились седые пряди, лицо сияло подобно белому нефриту, а в уголках губ притаилась дерзкая и надменная усмешка, прямо как в день их с Шэнь Цяо первой встречи. Даосу никогда не доводилось видеть Янь Уши подавленным – даже в дни болезни и скитаний. Видно, ничто не могло поколебать самоуверенности этого человека.

Прошло уже больше четырех месяцев с той поры, когда Янь Уши увел за собой Сан Цзинсина, оставив Шэнь Цяо в заброшенном храме, – срок немалый, но и не большой. Для мастера боевых искусств порой и дня хватит, чтобы достичь просветления, а порой и десятки лет не помогут.

Янь Уши обладал исключительным дарованием, к тому же прочел три цзюани «Сочинения о Киноварном Ян», включая ту, что касалась несправедливых школ. Как-то раз он сказал Шэнь Цяо, что понял, как устранить изъян в Демоническом сердце, а потому не было ничего удивительного в его появлении по прошествии четырех месяцев – за это время он и вправду мог восстановиться и теперь расхаживать где ему заблагорассудится. Но в ту ночь он еще не вернул прежние силы – так как же он спасся от Сан Цзинсина?

Да и Гуан Линсань мало того, что поучаствовал в падении на Янь Уши, так еще и сыграл в нем решающую роль, разбередив изъян его Демонического сердца. Именно он стал главным виновником поражения Янь Уши, так поче-

му же сейчас глава Янь стоит рядом с ним как ни в чем не бывало? Выглядели эти двое весьма миролюбиво и, судя по всему, только что беседовали и смеялись – не похоже, что при первом же разногласии они схватятся за мечи.

Шэнь Цяо не знал, что и думать. Справиться о здоровье Янь Уши или напасть на Гуан Линсаня?

Видя замешательство даоса, глава Зеркала Дхармы улыбнулся:

– Похоже, монах Шэнь весьма озадачен моим присутствием здесь?

Шэнь Цяо взял себя в руки: прислушавшись к себе, он обнаружил, что внезапная встреча с главой Янем обескуражила его, приведя в чрезмерное волнение. Вопрос Гуан Линсаня пришелся как нельзя кстати, успокоившись, Шэнь Цяо ответил:

– Раз господин Хуан приглашает к себе на торжество всех желающих, то и вы, глава Гуан, вправе навестить его. Я простой гость, а не хозяин этого дома, и мне не подобает вести расспросы, однако я не могу не подивиться тому, что вижу тут главу Яня.

Гуан Линсань посмотрел на Янь Уши и с улыбкой обратился к нему:

– Глава Янь, следует ли объяснить все монаху Шэню?

Янь Уши усмехнулся:

– Кто это? – неожиданно поинтересовался он. – Неужто сей почтеннейший должен его знать?

Шэнь Цяо словно ледяной водой окатили. Присмотревшись к Янь Уши, он увидел, что тот не просто держался отчужденно, но во взгляде его не мелькнуло ни тени узнавания, не говоря уж о радости при виде старого друга. А тем временем сказанные в заброшенном храме слова «глупенький А-Цяо», казалось, еще звучали в ушах даоса и человек тот по-прежнему стоял у него перед глазами.

С самого пика Полушага судьбы их, казалось, переплела незримая нить. Сперва Янь Уши спас Шэнь Цяо, а потом даос, рискуя собственной жизнью, не раз выручал его, чуть ли не вытаскивая главу Чистой Луны с того света. Янь Уши же не испытывал к Шэнь Цяо никакой признательности, желая лишь использовать даоса в собственных интересах, а потом и вовсе собственноручно вверг того в пучину страданий, отдав Сан Цзинсину, который едва его не погубил. Строго говоря, Янь Уши порядком ему задолжал, однако отношения меж людьми сложнее, чем торговые дела, где можно все подсчитать и учесть до последней монетки. Вместе им довелось многое пережить, и от былой вражды в конце концов не осталось и следа: в заброшенном храме Янь Уши, спрятав Шэнь Цяо в полый статую Будды, отвлек Сан Цзинсина на себя.

Но теперь, похоже, все снова переменилось. Тот, кого он искал и не мог найти, вдруг очутился прямо перед ним – в обществе своего врага. Что должно было произойти, чтобы такое случилось?..

Так не должно быть. Не должно.

Эта мысль эхом отозвалась в душе Шэнь Цяо. Ему вдруг вспомнилось безумие Янь Уши, только-только очнувшегося после тяжких ран, и даос подумал, что, похоже, нашел разгадку: видно, старые раны не прошли для главы Яня бесследно, нрав его вновь переменился, и он позабыл былое. Гуан Линсань же не упустил возможность втереться в доверие к Демоническому Владыке. И что же теперь сказать, какие слова выбрать, чтобы Янь Уши поверил ему?

Нынешний Шэнь Цяо не терялся, столкнувшись с неожиданной бедой. Быстро овладел собой он и в этот раз.

– Плохая же у вас память, глава Янь, раз вы позабыли даже собственного спасителя, – сказал он.

– Вот как? – в тоне Янь Уши звучала неприкрытая насмешка. – Тогда хочу посмотреть, на что способен мой спаситель!

С этими словами он взмыл вверх – и молниеносно обрушил удар на Шэнь Цяо.

Каждое движение, каждое слово мастера боевых искусств говорит противнику, сколь тот могуч или слаб. Янь Уши верно оценил силу Шэнь Цяо: он вложил в удар больше половины собственной мощи. Даже будь враг равен ему по силам, тому волей-неволей пришлось бы обнажить меч.

Но Шэнь Цяо не хотелось сражаться с Янь Уши на виду у Гуан Линсаня, да еще и в чужом доме. Даос стремительно отступил на пару чи и легко выпорхнул из-за каменной горки, двигаясь легко и изящно, точно подхваченная ветром

пушинка. Казалось, он вовсе не оставлял следов. Его цингун был столь хорош, что на лице Янь Уши мелькнула тень удивления, а Гуан Линсань и вовсе не удержался от восклицания:

– Недаром цингун школы Сюаньду так прославился! Монах Шэнь, пожалуй, в этом умении вам не найдется равных во всей Поднебесной!

– Вы мне льстите, глава Гуан, – спокойно откликнулся Шэнь Цяо. – Сей ничтожный даос лишь гость в усадьбе господина Хуана и не хотел бы портить ему торжество. Ежели глава Янь желает сразиться, пусть назначит место и время – в урочный час я буду всецело к его услугам.

Гуан Линсань заулыбался:

– Верное замечание! В эту часть усадьбы редко кто захаживает, но некрасиво выйдет, если мы ненароком потревожим хозяев. Уши, монах Шэнь желает вместе с тобой вспомнить былое: не назначишь ли ему время?

От панибратского тона главы Гуаня у Шэнь Цяо задергался глаз.

Янь Уши в ответ усмехнулся:

– Сей почтеннейший не знает никакого монаха Шэня – какое былое нам вспоминать? Или я должен уважить каждого встречного, который заявится ко мне с просьбой о поединке? Его цингун выглядит недурно, однако в остальном ему нечем похвастаться: его искусства меча не хватит, чтобы обменяться со мной и сотней ударов. Противник, чью подноготную видно с первого взгляда, заслуживает ли второго?

Янь Уши ему это уже говорил, только другими словами: «Я не нуждаюсь в „друзьях“. Лишь к тому, кто станет мне достойным противником, я буду относиться как к равному».

Но Шэнь Цяо обнаружил, что с того времени научился смеяться над собой, как бы тяжело ни было, и потому не замедлил с ответом:

– Неужто сей даос настолько уступает вам, что вы не рискуете со мной сражаться? – обратился он к Янь Уши.

Даос нарочно подначивал главу Яня, чтобы вступить с ним в бой, остаться один на один и сказать, что Гуан Линсань враг ему, а не друг.

Увы, Янь Уши и в самом деле не стал задерживать на нем взгляд и повернулся к Гуан Линсаню:

– Мне с самого начала хотелось поскорее уйти отсюда, это ты настоял остаться, чтобы послушать музыку.

Гуан Линсань рассмеялся и не стал спорить:

– Верно, моя вина.

– Тогда слушай себе, – продолжил Янь Уши, – потом отыщешь меня. Ты знаешь, где искать.

– Договорились, – кивнул Гуан Линсань, – тогда ступай. Не провожаю.

Эти двое, меж которыми прежде царила вражда, теперь вели себя как старинные друзья. Стоя рядом с ними, даос чувствовал себя лишним.

Ду Юнь действительно был выдающимся музыкантом: когда пение юэциня разнеслось по всей усадьбе господина Ху-

ана, казалось, даже птицы замерли на ветках, желая послушать его. Оживленный гул в зале разом стих, в воздухе повисли лишь чарующие звуки струн.

Юйвэнь Сун рос в богатой и знатной семье, что называется, ел из треножников под звон колоколов. Будучи сам по себе весьма одаренным ребенком и получив к тому же превосходное воспитание, мальчик понимал музыку гораздо глубже сверстников. Вот и сейчас он всецело отдался во власть мелодии и опомнился, лишь когда песня подошла к концу и рядом уселся Шэнь Цяо.

– Вы вернулись? – Тут Юйвэнь Сун заметил, что даос не в духе, и у него вырвалось: – Что с вами? Что-то случилось?

Шэнь Цяо едва заметно нахмурился:

– Повстречал старого знакомого, но он не признал меня.

– Вы сразились с ним?

– Нет.

– Он ваш друг? – спросил Юйвэнь Сун.

Шэнь Цяо улыбнулся:

– Не то чтобы друг, больше смахивает на врага. Человек он сумасбродный и своевольный, во всем поступает, как ему заблагорассудится: и добро, и зло он творит, повинаясь мимолетной прихоти. Однажды он спас меня, а потом отдал в руки злодею.

Юйвэнь Сун ахнул:

– И вы все равно не стали с ним сражаться? Разве вы не хотите ему отомстить?

Шэнь Цяо покачал головой и продолжил:

– После того по воле случая наши пути пересеклись еще несколько раз. Однажды нас преследовал общий враг, люто ненавидевший нас обоих. Запечатав мне жизненные точки, мой товарищ спрятал меня в надежном укрытии, а сам, рискуя жизнью, увел недруга подальше от меня.

– Значит, не такой уж он негодяй! – с недоумением проговорил мальчик. – Тогда почему он сделал вид, будто не знаком с вами?

Юйвэнь Сун хоть и изъяснялся как взрослый, еще многого не успел повидать в жизни, оттого рассуждения его звучали наивно.

Шэнь Цяо улыбнулся и погладил мальчика по голове:

– Я и сам не знаю. Должно быть, у него на то были причины.

От этого короткого разговора у даоса полегчало на душе.

– Мы пойдем, монах Шэнь? – решился Юйвэнь Сун.

Видя, как роскошно обставлена усадьба господина Хуана, Шэнь Цяо думал, что Юйвэнь Суну, выросшему в княжеской семье, захочется предаться воспоминаниям, но оказалось, что ребенка и вправду интересовала только музыка.

– Не хочешь сперва поесть? Пир скоро начнется, – заговорил даос, – подарок мы уже вручили, так что можешь не стесняться. Быть может, здешние угощения не чета княжеским, но они наверняка гораздо лучше, чем еда на постоялом дворе.

Юйвэнь Сун помотал головой:

– Здесь слишком много гостей, кто-нибудь может меня узнать. Решившись прийти сюда послушать музыку, я и так подверг вас опасности. Не смею злоупотреблять вашей добротой.

В этих словах уже не было прежней наивности. Гибель всех родных стала для мальчика тяжелейшим ударом. С того дня, как Юйвэнь Сун покинул столицу, он держался настороже, с чужаками старался не разговаривать и тщательно следил за словами и поступками. Попросившись прийти в усадьбу господина Хуана послушать музыку, он и в самом деле по своим меркам позволил себе слишком много.

Не стоило забывать и о недавней встрече в саду. Гуан Линсань входил в список десяти сильнейших мастеров Поднебесной лишь потому, что возглавлял школу Зеркала Дхармы, да и значился в нем далеко не на первом месте. Но Шэнь Цяо накрепко усвоил: никого из адептов, а наипаче глав неправильных школ, нельзя недооценивать. Сии школы потому и зовутся несправедливыми, что у них полным-полно коварных уловок и они славятся непредсказуемостью. Каким бы хорошим бойцом ты ни был, стоит хоть на миг ослабить бдительность – и неминуемо попадешься в ловушку. Гуан Линсань явился в усадьбу не за даосом, но теперь знал, что тот тоже здесь. Стоит ему вдруг заинтересоваться Шэнь Цяо, как он обнаружит и Юйвэнь Суна. Мальчик не представлял для Гуан Линсаня никакой ценности, но кто знает, что взбредет в

голову главе Зеркала Дхармы. А ведь еще был Янь Уши...

Шэнь Цяо кивнул:

– Хорошо, тогда пойдем. Время еще не позднее, успеем поесть на постоялом дворе.

Монах и ребенок пришли на празднование дня рождения, а сами даже на пир не остались: послушали музыку – и были таковы. Другие, несомненно, сочли бы такое поведение странным, вот и приказчик на постоялом дворе удивился, почему постояльцы так быстро вернулись. Но Шэнь Цяо не стал вдаваться в объяснения и заказал ужин в комнату. По сравнению с пищей, которую ел Юйвэнь Сун в княжеском доме, суп и прочие кушанья и впрямь были простоваты – повара в усадьбе циского князя готовили гораздо вкуснее, и все же мальчик ни разу ни на что не пожаловался. Видя его стойкость, Шэнь Цяо остался весьма доволен и начал подумывать о том, чтобы взять Юйвэнь Суна в ученики, но спешить с этим не хотел: даос понимал, что жизнь мальчика совсем недавно круто переменилась, к тому же он все еще горевал по умершим близким, и Шэнь Цяо решил повременить до тех пор, пока Юйвэнь Сун не оправится полностью.

– Монах Шэнь, вас что-то тревожит? – вдруг спросил Юйвэнь Сун.

Шэнь Цяо не стал признаваться, что размышлял о том, чтобы обучить мальчика, и, недолго думая, сказал первое, что в голову пришло:

– Вовсе нет. Я думал о старом знакомом, которого по-

встречал в усадьбе господина Хуана.

– Вам его не хватает? – не отставал Юйвэнь Сун.

– Почему ты спрашиваешь?

– Раз он не выходит у вас из головы, значит, вам его не хватает, – объяснил мальчик.

Шэнь Цяо кашлянул:

– Уж кого, а этого господина мне на всю жизнь хватило.

Юйвэнь Сун ничего не сказал, но его мордашка явственно выражала сомнение.

Шэнь Цяо вдруг почувствовал, что зря вообще завел этот разговор – не спорить же ему с ребенком, в самом деле. Даос хотел было просто сменить тему, но Юйвэнь Сун, желая утешить своего провожатого, вдруг сказал:

– Мне кажется, что вашему знакомому на самом деле тоже вас не хватает.

Шэнь Цяо сам не знал, плакать ему или смеяться: его так и подмывало отделаться чем-нибудь вроде «Давай больше не будем об этом», но Юйвэнь Сун редко когда заговаривал с ним столь серьезно, и потому не стоило отмахиваться от мальчика, чтобы он снова не замкнулся в себе. Поэтому Шэнь Цяо ничего не оставалось, кроме как продолжить беседу:

– С чего ты так думаешь?

– Мы с шестым братцем были почти ровесники, – принялся объяснять Юйвэнь Сун. – Вместе учились, вместе ели, вместе спали. Но шестой братец все равно надо мной часто подшучивал, потому что был немного старше, и как-то раз

сказал, будто у нас на дереве феникс свил гнездо и отложил яйца. Так он обманом заставил меня залезть наверх. Спуститься я не мог, а он стоял внизу и покатывался со смеху.

– Сколько тогда тебе было лет? – любопытствовал Шэнь Цяо. – Ты же умный малый, не думал, что тебя можно обмануть.

Бледное личико Юйвэнь Суна зарделось: то ли от негодования, то ли от смущения:

– Будь все так просто, он бы ни за что меня не одурачил, но он подготовился: попросил, чтобы ему сделали разноцветного феникса, устроил все так, чтобы этот феникс несколько раз среди ночи пролетел мимо нашего дома и опустился на дерево, а потом рассказал мне про гнездо. И ладно бы я видел феникса раз или два, но это повторялось снова и снова – как я мог в конце концов не поверить? Не то что я, пожалуй, даже вы, монах Шэнь, не удержались бы и решили проверить все сами.

Сдерживая смех, Шэнь Цяо кивнул:

– И то верно!

– Потом я пошел жаловаться отцу, – продолжил Юйвэнь Сун, – но отец сказал, что шестой братец просто очень привязан ко мне – вот и выдумывает всякое, а на тех, кто ему не по душе, он даже не посмотрит. Не таков ли и ваш знакомец тоже?

Шэнь Цяо горько усмехнулся: все внезапные перемены в сердцах человеческих и хитросплетения дел мирских Юйвэ-

нь Суну казались лишь детской игрой.

– К тому же вы ведь сами сказали, что он рискнул собой ради вас? Значит, вы ему точно дороги: шестой братец был таким же, вечно обижал меня, но в тот день сказал матушке, что раз я самый младший, то должен уйти первым, чтобы род Юйвэнь не прервался.

Будь на его месте Ши У, тот наверняка бы уже расплакался, но Юйвэнь Сун не проронил ни слезинки – только голос его стал глуше да на лице застыло строгое и почтительное выражение.

– Я хотел бы вернуться в прошлое, даже если бы он задира меня каждый день, – тихо проговорил он. – Иногда я думаю, как хорошо было бы, если бы все случившееся оказалось лишь сном, а я проснулся и увидел, что мои родные по-прежнему живы.

Шэнь Цяо не сразу нашел подходящие слова – он понимал, что Юйвэнь Сун развит не по годам и обычные утешения ничем ему не помогут.

– Ты знаешь, что такое три начала²⁸? – наконец произнес он.

– Небо, земля, человек, – перечислил Юйвэнь Сун.

– Путь Неба зиждется²⁹ на инь и ян, путь земной зиждется

²⁸ *Три начала* – кит. *сань цай*, три главных вселенских начала: Небо, Земля и Человек.

²⁹ ...*Путь Неба зиждется*... – Шэнь Цяо отсылается к «Ичжуань», комментариям к «И Цзин» («Книге перемен»), второй главе раздела комментариев «Шо гуа чжуань» («Предание изъяснения триграмм»).

на мягкости и твердости. Помнишь ли, на чем зиждется путь человеческий? – спросил Шэнь Цяо.

Юйвэнь Сун кивнул:

– На сострадании и справедливости.

– Верно. Мне не хотелось ворошить прошлое и беречь твои раны, но, коли речь зашла о былом, я должен сказать тебе кое-что. Даосская школа хоть и учит покою, но не оставляет без внимания причины и следствия, что роднит нас с буддистами. Юйвэнь Юнь поступил не по совести, пошел против законов Неба и земли, несправедливо обвинил твоих родных и погубил их. Если ты желаешь отомстить, я не стану тебя отговаривать и даже сам обучу боевым искусствам, но мне не хочется, чтобы все твои помыслы занимала одна лишь месть. Человек на то и человек, что у него есть разум, отличающий его от животных. Даже самые благодущные львы и тигры, проголодавшись, выйдут на охоту и начнут убивать, но человек не просто способен перетерпеть голод – ему ведомы разные способы добыть себе кров и пропитание. Вот поэтому человека и включают в число трех начал. Тебе все понятно?

Юйвэнь Сун и вправду был чрезвычайно сообразителен. Ненадолго погрузившись в раздумья, он кивнул:

– Я понял. Монах Шэнь, вы надеетесь, что я сумею отбросить груз прошлого и стать по-настоящему великим человеком, благородным и справедливым. Пусть я ненавижу Юйвэнь Юня, я не хочу ему уподобляться.

Шэнь Цяо остался доволен его ответом:

– Все так, ты действительно достойный сын Юйвэнь Сяня!

– Тогда... – Юйвэнь Сун застеснялся, что с ним бывало нечасто, – я могу все равно учиться у вас боевым искусствам?

– Конечно, можешь, – улыбнулся Шэнь Цяо. – Принимая учеников, я в первую очередь смотрю на их намерения, и лишь потом – на врожденные задатки. Не страшно, если задатки посредственные, главное – чтобы намерения были честные. Что до тебя, то задатками ты превосходишь многих и наделен всеми необходимыми качествами для постижения боевых искусств.

Обрадовавшись, Юйвэнь Сун вскочил и хотел тут же признать Шэнь Цяо своим учителем, но тот его остановил:

– Не спеши, давай сперва доберемся до школы Лазоревых Облаков, чтобы провести там обряд как полагается – так будет торжественнее.

Разумеется, Юйвэнь Сун не возражал. Обещание Шэнь Цяо развеяло многие его тревоги, и этой ночью мальчик уснул, едва коснувшись подушки. Давно ему не спалось так хорошо.

А вот у Шэнь Цяо его слова не шли из головы. Обуреваемый смутным беспокойством, даос погрузился в созерцание, но, просидев в позе лотоса до глубокой ночи, так и не смог добраться до тех пределов, где стирается грань между внутренним и внешним.

Дневной шум и суета давно стихли, лишь стучала за окном колотушка ночного сторожа. Раз уж не выходило ни полностью отдаться созерцанию, ни уснуть, Шэнь Цяо просто отдыхал, смежив веки. Все пять его чувств обострились, он чутко ощущал всю обстановку в комнате и за ее пределами, словно с каждым вдохом вбирал в себя окружающее пространство.

Вдруг глаза его распахнулись. Он вскочил и совершенно бесшумно, быстрее молнии выпорхнул в приоткрытое наполовину окно. Обычный человек с трудом протиснулся бы сквозь узкую щелку, но Шэнь Цяо двигался легче бесплотного духа. Юйвэнь Сун по-прежнему спал, но даже проснись он сейчас – он бы, пожалуй, даже не заметил, как сидевший рядом даос исчез.

Очутившись снаружи, Шэнь Цяо оттолкнулся от стены постоянного двора и взмыл на крышу.

Как он и ожидал, на крыше соседнего дома, прямо напротив их комнаты, кто-то стоял.

Неизвестный с ног до головы был облачен в черное, лицо его скрывала вуаль.

– Ежели, господин, вы просто проходили мимо, то ступайте себе дальше, а нас не тревожьте.

Силуэт неизвестного показался Шэнь Цяо знакомым, но черт было не разглядеть, а потому он никак не мог подтвердить свою догадку и убедиться, что перед ним действительно тот, о ком он подумал.

На крышах постоянных дворов по ночам часто таились лихие люди, караулившие запоздалых путников. По неписаным правилам цзянху, о которых поведал даосу как-то раз Янь Уши, при встрече с ними следует назвать школу, к которой принадлежишь, или же проявить свои умения: ежели противник поймет, что за путником стоит могущественное объединение, или же что тот сам сильный боец, превосходящий его в мастерстве, то не посмеет нападать.

Шэнь Цяо нарочно показал свой цингун: теперь любой, у кого есть глаза, понял бы, что перед ним могучий мастер боевых искусств, и не посмел с ним связываться. Но неизвестный ничего не ответил. Шэнь Цяо не успел даже договорить, как тот нанес внезапный удар.

То было мягкое, бережное движение, каким срывают цветок или ивовый листочек, — отнюдь не «Перст весенних вод», который Шэнь Цяо ожидал увидеть. Сначала чужая ладонь подняла лишь легкий ветерок, но на полпути он вдруг переменялся: на Шэнь Цяо налетел холод, пронизывающий до самых костей!

Закатав рукава, Шэнь Цяо легко развеял чужую атаку, но противник не отступил. В мгновение ока он очутился совсем рядом с даосом: правая рука тянулась к «вратам жизни» на запястье, а левая грозила вот-вот сдавить ему горло.

Шэнь Цяо не дрогнул. Рукава его взметнулись на ветру, точно волны, плещущие о берег, и потоки ци морским прибоем обрушились на противника. Выскользнув из захвата,

Шэнь Цяо сам попытался схватить неизвестного.

– Глава Янь? – спросил он. Руки показались ему знакомыми, но манера сражаться как будто была совершенно иной.

Человек в черном и на этот раз оставил его без ответа. Храня молчание, он нападал снова и снова, но как будто не пытался убить даоса: то была не смертельная схватка, а скорее дружеский поединок, дабы отточить умения и обменяться опытом.

Но и в дружеском поединке нет случайных движений. Нынешний Шэнь Цяо обладал широким кругозором – за время скитаний он многое узнал о боевых искусствах самых разных школ и объединений. Увидев однажды чей-то прием, искусный воин не забудет его вовек, однако мастерство неизвестного в черном, казалось, не имело ничего общего ни с одной школой, известной Шэнь Цяо. Первый удар напоминал о храме Чистого Ян с горы Цинчэн, но уже в следующем чувствовалось наследие несправедливых школ, что не могло не озадачить.

Не все мастера боевых искусств задиристые и воинственные, зато каждый страстно предан своему делу и стремится достичь новых высот. Шэнь Цяо был человек спокойный и скромный, никогда не старался показать свое превосходство, но и он воодушевился, встретив достойного противника, притом использующего незнакомые приемы, и потому с радостью продолжил поединок.

В скитаниях он набрался опыта и если прежде быстро те-

рял бдительность, то теперь постоянно держался настороже. Достигнув определенной ступени в постижении боевых искусств, мастер способен по одному лишь дыханию понять, где находится человек и что с ним происходит. Вот и Шэнь Цяо, сражаясь на крыше с незнакомцем в черном, не переставал приглядывать за Юйвэнь Суном и знал, что мальчик крепко спит, даже не подозревая о драке прямо над его головой.

Вскоре Шэнь Цяо заметил, что его непредсказуемый противник, постоянно меняющий приемы, при этом отнюдь не сражается в полную силу. Улучив удачный случай, даос сумел застать его врасплох и сорвал вуаль, наконец увидев лицо ночного посетителя.

То и вправду был Янь Уши!

– Что привело сюда главу Яня? – нахмурился даос.

– А-Цяо, какой же ты черствый! Я жизнью ради тебя рисковал, чуть не помер от руки Сан Цзинсина, и что же я слышу? Холодное «глава Янь», будто нас с тобой ничего не связывает! – шутливо упрекнул его Янь Уши. Теперь он держался с Шэнь Цяо по-прежнему, не осталось ни намека на то отчужденное равнодушие, с каким он встретил даоса днем.

– Вы все помните? – Такая перемена обескуражила Шэнь Цяо – он-то уже мысленно свыкся с тем, что Янь Уши полностью потерял память. А теперь оказалось, что он ошибся: сейчас Янь Уши изъяснялся и вел себя точно так же, как прежде. От удивления даос замешкался, и ладонь против-

ника вмиг коснулась его плеча, прожимая жизненную точку. Шэнь Цяо мягко осел прямо на подставленную руку Янь Уши.

– Т-с-с! – Глава Янь, посмеиваясь, прижал палец к губам. – Не волнуйся. Хочу кое-куда тебя отвести.

Не дав Шэнь Цяо и слова вымолвить, Янь Уши прожал ему точку немоты. «Перст весенних вод» был по-прежнему бесподобен – не осталось и намека на былую слабость главы Яня. И куда только все подевалось?

Как ни старался Шэнь Цяо не терять бдительность, его все равно застали врасплох. Не успел он даже подосадовать на собственную небрежность, как Янь Уши уже схватил его в охапку и перелетел на соседнюю крышу. Сливаясь в своем черном одеянии с ночной тьмой, он грациозной тенью взмывал над кровлями, двигаясь ловко и быстро, и даже ноша его была ему нипочем.

А на постоялом дворе остался Юйвэнь Сун...

Шэнь Цяо не мог издать ни звука, но Янь Уши как будто прочел его мысли:

– После смерти Юйвэнь Сяня его родне ничего не угрожает. Седьмой господин Юйвэнь никому не интересен, в столице за ним гнались лишь потому, что Юйвэнь Юнь приказал истребить всю семью циского князя. Все понимают: даже если притащить его самому императору, большой выгоды это не принесет.

Выслушав Янь Уши, Шэнь Цяо понял, что тот не только

не лишился памяти, но и нрав его на самом деле ничуть не переменялся. Оттого даос еще больше терялся в догадках: что произошло за то время, что они не виделись, и почему днем Янь Уши как ни в чем не бывало беседовал и шутил с Гуан Линсанем. Сам Янь Уши и не думал ничего объяснять – по крайней мере, сейчас. С Шэнь Цяо в охалке он перепрыгивал с крыши на крышу, и вскоре они очутились далеко от постоянного двора.

Даос хоть и не мог пошевелиться, но прекрасно видел все вокруг и быстро понял, что Янь Уши направляется в усадьбу господина Хуана.

– Нас ждет знатное зрелище. Только води себя смирно, а то больше не возьму с собой. – Янь Уши точно капризного ребенка увещевал. Шэнь Цяо, уж на что добродушный и отходчивый, не смог удержаться от того, чтобы не закатить раздраженно глаза.

Дом у господина Хуана был богатый, и он позаботился о его защите: у ворот стояла охрана, сторожа обходили усадьбу дозором. Но никому из них не хватило умений, чтобы хотя бы обнаружить главу Чистой Луны. На всем пути Янь Уши с Шэнь Цяо не встретили никаких преград – Демонический Владыка все равно что по собственной усадьбе прогуливался.

Янь Уши не стал задерживаться на крыше и спустился на землю. Шэнь Цяо понял, что они оказались в отдаленной части того сада, где днем он за каменной горкой повстречал

Гуан Линсаня. Янь Уши спрятался в кустах возле пруда. То был глухой уголок, где тень, отброшенная галереей, и густые заросли надежно скрывали непрошенных гостей. Оба незаурядные бойцы, они знали, как затаить дыхание так, чтобы никто не почувал их присутствия.

Несмотря на поздний час, в прилегающих к саду покоях кому-то не спалось: в окне мерцало пламя свечи, доносились обрывки разговора.

Шэнь Цяо не знал, зачем Янь Уши решил подслушать чужую беседу, да еще и его с собой притащил. Прождав некоторое время, даос понял, что тот ни давать объяснения, ни освобождать его не собирается, так что пришлось ему самому обратиться в слух.

Голоса людей в доме раздавались очень тихо, но с помощью внутренней силы ему удалось разобрать все до последнего шороха. Один человек тяжело дышал, бормоча время от времени какие-то ласковые глупости. Другой, вернее, другая тихо вздыхала, голосок ее звучал нежно и мелодично.

Шэнь Цяо ни разу не был близок с женщиной, но, даже не видя происходящего в комнате, обо всем догадался.

Даосы строго блюдут нравственную чистоту, хотя их учение допускает парное совершенствование – в этом у них строгих запретов нет, в отличие от тех же буддистов, проповедующих пост и воздержание. Но одно дело – допускать, а другое – собственными ушами слышать игру в тучку и дождик. Может, кому и по душе наблюдать за тем, чем другие

занимаются в постели, но Шэнь Цяо, муж благородный и скромный, к их числу не относился. Ему сделалось не по себе, он силился открыть прожатые жизненные точки, дабы развернуться и уйти прочь.

Словно угадав чувства Шэнь Цяо, Янь Уши у него на спине прожал еще две точки. Теперь монах Шэнь и помыслить о побеге не мог – только и оставалось, что возмущенно косясь на своего похитителя.

– Лишь развратник видит разврат, монах Шэнь. Человека с чистой душой таким не запятнать! – заметил Янь Уши, с помощью ци направив голос прямо в уши даоса, чтобы никто другой не смог их услышать. Шэнь Цяо, даже если б и мог возразить, не нашелся бы с ответом.

Тем временем развлечения внутри были в самом разгаре. Прекрасная женщина, совершенно нагая, раскинулась на кровати, ее стройные ноги обвивали талию мужчины, а тот, все ускоряясь, крепко сжимал в руках ее мягкое тело, не в силах оторваться.

– Юнь-нян, Юнь-нян... – раз за разом повторял он ласкательное имя женщины. Обливаясь потом от усердия и задыхаясь, он все же нашел в себе силы хрипло рассмеяться: – Вот уж не думал, что без одежды ты такая красotka, хоть и старше меня. Знал бы раньше...

Из-за прожатых точек Шэнь Цяо даже шелохнуться не мог – приходилось скрепя сердце слушать дальше.

– Знал бы раньше – и что? – голос женщины звучал глухо-

вато, но легкая сиплость лишь добавляла игривости ее тону.

– Раньше бы уложил тебя в постель! – самодовольно рас- смеялся мужчина. – Не правда ли, любовник из меня куда лучше, чем из твоего главы Доу?

Услышав это имя, Шэнь Цяо насторожился.

– Не говори ерунды! У меня с ним ничего не было. Не приглянись ты мне в первую встречу, легла бы я с тобой? За кого ты меня принимаешь? – негодовала женщина. – Меня, Юнь Фуи? За какую-то дешевку?!

Юнь Фуи... Заместительница главы Союза Вездесущих!

Голос женщины с самого начала показался Шэнь Цяо знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его слышал. И лишь когда она ненароком назвала свое имя, его осенило.

Неужто та самая Юнь Фуи, которую он повстречал в За- облачном монастыре?!

Уловив гневные нотки в ее голосе, мужчина тут же пошел на попятную и принялся заискивать:

– Прости, я сказал не подумавши, не сердись! Ты мне тоже очень нравишься!

Они снова предались весенним уладам, но теперь Шэнь Цяо было не до смущения. В голове он снова и снова про- кручивал эти несколько фраз.

Мужчина, судя по всему, был молод – это никак не мог быть хозяин нынешнего торжества господин Хуан, скорее, сын или даже внук. Род Хуан в округе считался весьма вли- ятельным, в деньгах члены семейства нужды не испытывали,

но боевыми искусствами владели весьма посредственно. Что же здесь было нужно заместительнице главы Союза Вездесущих? Что ее связывает с родом Хуан? Не для того же, в самом деле, глава Янь притащил его под чужое окно, чтобы они просто подсмотрели за любовными утехами.

Но Янь Уши не дал ему времени на размышления, снова схватил в охапку и отправился извилистыми тропками прочь от окна. Миновав каменную горку, они очутились возле садовой кухни.

С наступлением ночи жизнь в усадьбе замерла. Не тянуло дымом из очага, не манили запахами готовящиеся блюда. Кроме них с Янь Уши да мужчины, уединившегося с Юнь Фуи, в саду не было ни души: большинство домочадцев и слуг господина Хуана жили в главном доме, там же готовили себе еду, а хозяин с женой и наложницами пользовались отдельной небольшой кухонькой. Кушанья для пира заказывали в одном из городских заведений, так что садовая кухня нужна была, по сути, для красоты.

Янь Уши поставил Шэнь Цяо на ноги и открыл его жизненные точки. Получив желанную свободу, даос, однако, не закричал и не обратился в бегство – он уже понял, что глава Янь привел его сюда не просто так, а потому последовал за Демоническим Владыкой. Толкнув дверь кухни, они вошли внутрь.

– Что ты заметил? – внезапно спросил Янь Уши, не поворачивая головы.

На миг задумавшись, Шэнь Цяо ответил:

– Здесь слишком чисто – кухней редко пользуются.

Янь Уши покачал головой:

– Пользуются редко, окна и двери плотно заперты, а внутри – ни пылинки. Тебе не кажется это странным?

Шэнь Цяо тут же понял, к чему тот клонит.

– И правда. Получается, сюда постоянно кто-то заходит?

– Верно, – кивнул Янь Уши.

Спустившись в нижнюю часть кухни, он легко, как пушинку, поднял огромный котел, но под ним оказались вовсе не дрова, а темный провал.

Держась за печь, Янь Уши повернулся боком и спрыгнул во мрак. Шэнь Цяо отправился следом, ухватившись за каменную кромку. Он думал, что внизу его ждет глубокий потайной ход, но сразу же приземлился на пол. Похоже, под кухней находилась еще одна комната, что-то вроде подвала, только без лестницы.

Загорелся огонек – то был запал в руках Янь Уши. Шэнь Цяо осмотрелся – и не смог сдержать изумления.

Помещение оказалось не таким уж просторным – не больше главного зала в доме, но вдоль стен, кроме той, вдоль которой они спустились, ровными рядами стояло оружие: копья, мечи, луки со стрелами, притом превосходной работы – опытный человек мог понять это с первого взгляда.

Шэнь Цяо прикинул его количество: оружия в комнате хватило бы, чтобы снарядить одну, а то и две тысячи воинов.

Как бы ни было богато семейство Хуан, сколько бы стражников ни держало – этот схрон намного превосходил их нужды. С таким запасом можно спокойно захватить весь город!

– Семейство Хуан замыслило восстание? – не удержался от вопроса Шэнь Цяо.

Янь Уши ответил как будто совсем невпопад:

– Мужчину, бывшего с Юнь Фуи, зовут Хуан Гэфэй, он второй сын Хуан Сидео. Старший слишком слаб здоровьем, чтобы наследовать семейное состояние, так что в будущем оно перейдет младшему.

Они вернулись прежним путем и поставили котел на место – не осталось никаких следов, словно никто и не заглядывал ни на кухню, ни в потайную комнату.

Выбравшись из усадьбы господина Хуана, Янь Уши с Шэнь Цяо направились обратно на постоянный двор. В уезде Жунань ночные передвижения были запрещены, но этим двоим все было нипочем – они знали тысячи способов избежать встречи с дозорными.

– А-Цяо, ты от вопросов чуть не лопаешься – скоро из ушей полезут, – усмехнулся по дороге Янь Уши.

У Шэнь Цяо и вправду накопилось много вопросов, но все они запутались в такой узел, что и не знаешь, с чего начинать. Потому он задал самый простой из них, и к тому же тот, на который больше всего хотел получить ответ:

– Как вы спаслись от Сан Цзинсина?

– Мне не пришлось от него спасаться.

«Неужели тогда он снова меня обманул?» – подумал Шэнь Цяо.

Янь Уши угадал его невысказанную обиду и пояснил:

– Я не обманывал тебя. Просто до того, как привести тебя в заброшенный храм, я послал весточку Гуань Линсаню и предложил ему сделку.

Он нарочно умолк, предоставляя Шэнь Цяо об остальном додуматься самому. Даос был человеком бесхитростным, интриги и козни были выше его разума. Однако сейчас, следуя за ходом мысли Янь Уши, он сумел воссоздать случившееся:

– Вы пообещали ему цзюань «Сочинения о Киноварном Ян»?

В общем-то, большого ума тут не требовалось. Совершенствование по заветам «Основного Канона Феникса и Циляня» неминуемо приводило к изъяну в Демоническом сердце, потому-то Янь Уши так стремился заполучить драгоценную цзюань, а последователи школы Обоюдной Радости жаждали ее перехватить. Перед таким предложением глава Зеркала Дхармы не мог устоять. Хоть он и участвовал в нападении на Демонического Владыку, а значит, должен был ненавидеть его до глубины души, на самом деле все было далеко не так просто. Три несправедливые школы сдерживали друг друга, и вполне разумно, что Янь Уши и Гуан Линсань решили временно объединиться перед общей угрозой в лице Сан Цзинсина.

– Все так, – в голосе Янь Уши слышалось одобрение. – Я сказал, что передам ему полное содержание цзюани, если он соизволит выручить меня.

Но Янь Уши не знал наверняка, явится ли Гуан Линсань вовремя, да и явится ли вообще, потому и решился пойти один, оставив Шэнь Цяо в заброшенном храме.

Пусть даос и не получил прямого ответа на свой вопрос, услышанного оказалось достаточно, чтобы развеять терзавшие его сомнения. У него словно камень с души свалился.

– Выходит, ты мне тогда не поверил и решил, что я просто бросил тебя и сбежал? – шутливо поинтересовался Янь Уши.

Шэнь Цяо ни за что бы не признался, что даже прослезился в тот день.

– Глава Янь часто так поступал, – сухо откликнулся он. – Сей ничтожный даос теперь держит ухо востро.

Янь Уши хмыкнул и ничего на это не сказал.

Немного поразмыслив, Шэнь Цяо задал еще один вопрос:

– Последователи несправедливого учения всегда были мнительны. Как вам удалось убедить Гуан Линсаня в том, что вы передадите ему настоящее содержание цзюани, ничего не прибавив и не убавив и не нарушив последовательность?

– Ты ведь сам видел ту цзюань и, должно быть, помнишь – в ней только рассуждения о боевых искусствах школы Солнца и Луны, – принялся объяснять Янь Уши. – Тао Хунцзин изложил собственное понимание имеющихся изъяснов, но никакого нового пути совершенствования не предложил,

лишь высказал предположения, как устранить эти изъяны. Поэтому любой, кто знаком с боевыми искусствами Солнца и Луны, сразу поймет, если цзюань не полная или неподлинная – подделать ее крайне сложно.

Иными словами, пятая цзюань не содержала описания приемов или наставлений в совершенствовании. Каждый должен был исправлять изъян в меру своего разума, и лишь от самого мастера зависело, преуспеет он в том или нет. Поскольку изъян Демонического сердца был смертельно опасен, адепты неправедных школ всеми силами стремились устранить его и готовы были ухватиться за любую, даже призрачную надежду. Разумеется, Гуан Линсань тоже захотел попытать счастья – в конце концов, никому не захочется во веки вечные пребывать на одной ступени владения боевыми искусствами, не осмеливаясь продвинуться дальше.

Шэнь Цяо кивнул:

– Вот почему в усадьбе господина Хуана Гуан Линсань появился вместе с вами?

– Я изложил ему содержание цзюани, но он все же решил удостовериться и отправился с расспросами к Чэнь Гуну, – отвечал Янь Уши. – Я тем временем подыскал укромное место и ушел в затвор, всецело сосредоточившись на собственном совершенствовании. Но я никак не ожидал, что, выйдя из затвора, услышу весть о кончине Юйвэнь Юна.

Шэнь Цяо вздохнул:

– Это еще не все. Едва взойдя на престол, нынешний

чжоуский государь тут же без всякой вины истребил все семейство Юйвэнь Сяня, в живых остался только Юйвэнь Сун.

Янь Уши, впрочем, ничуть не удивился и продолжил:

– Убедившись, что цзюань подлинная, Гуан Линсань пришел встретиться со мной, а заодно принес новости: семейство Хуан в уезде Жунань собирает наемников и тайно сговаривается с тюрками.

Время было смутное, сегодня на троне сидел один человек, завтра – другой, и к такому положению дел все привыкли. Лишь в последние лет десять Поднебесная немного успокоилась. Так что ничего странного, если кто-то, жадный до власти, замыслил восстание. Вот только...

– Юйвэнь Юнь хоть и творит злодеяния, истребляя преданных сановников, но Юйвэнь Юн заложил прочные основы императорской власти в Северной Чжоу, – заговорил Шэнь Цяо. – Сейчас, поглотив Северную Ци, Чжоу переживает расцвет. Судя по тому, сколько оружия, семейство Хуан сможет вооружить не больше пары тысяч наемников. Даже если они и захватят Жунань – что с того? Это ни на что не повлияет.

Янь Уши покачал головой:

– Ты ошибаешься. Семейство Хуан не собирается поднимать восстание – да у них и кишка тонка. Это всего лишь тюркские псы, которые удовольствуются и объедками со стола хозяев.

Шэнь Цяо опешил. Сбитый с толку такой отповедью, он

проговорил:

– Сей ничтожный даос непонятлив, прошу простить.

– Со смертью Юйвэнь Юна у тюрков не осталось могучих врагов, – с воодушевлением начал Янь Уши. – Они спят и видят, как бы вновь расколоть север. Юйвэнь Юнь – бездарность, он не сумеет удержать в руках земли, захваченные отцом. Что до Жунань – здесь на страже благополучия Чжоу всегда стояли отборные войска. Семейству Хуан достаточно захватить один этот уезд, чтобы государь потерял власть над страной, а он к тому же избавился от Юйвэнь Сяня и других талантливых полководцев. При таком раскладе Северная Чжоу никак не сможет помешать возрождению Ци, и уничтоженное государство восстанет из пепла.

«Северная Чжоу в беде, чему тут радоваться?» – подумал Шэнь Цяо, а вслух спросил: – Вы ведь прежде поддерживали Юйвэнь Сяня. Теперь он умер, а от бывшего могущества Чистой Луны не осталось и следа. Что вы будете делать?

– А-Цяо, друг мой, – заморгал Янь Уши, – неужто ты так тревожишься за сего почтеннейшего?

Хоть по внешности Янь Уши сложно было угадать его возраст, он наверняка уже освободился от сомнений³⁰. И все равно напустил на себя нарочито невинный вид! Какое... какое бесстыдство.

Шэнь Цяо не умел лгать и потому замешкался с ответом,

³⁰ ...он наверняка уже освободился от сомнений – отсылка к словам Конфуция: «В сорок лет я освободился от сомнений» (в пер. Л. С. Переломова).

не зная, согласиться ему или все отрицать. Наконец он покачал головой, но его промедление не ускользнуло от Янь Уши, и тот понял правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.